

Н. ГУСЕВА
**Многоликая
Индия**

32н

Г96

Н. ГУСЕВА

МНОГОЛИКАЯ ИНДИЯ

6658 12
31 8589

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1971

P2
Г-96

СЕРИЯ А

ИЗДАНИЕ 1971 г.

НЕМНОГО О ЖИЗНИ ДЕЛИ

Вы приезжаете в любой большой индийский город — пусть это будет Дели, — выходите из поезда и, если вы человек новый и непривычный, сразу теряетесь и не понимаете, что ж дальше-то делать. Ваши чемоданы подхватывает кто-то с номерным знаком на ремне — ну, думаете, может быть, и впрямь носильщик, — нагромождает их себе на голову, будь их хоть десять, и убегает. Вы его сразу теряете из виду и даже не пытаетесь увидеть, это невозможно. Он сам вас будет встречать у стоянки такси, захватив уже для вас машину, и радостно улыбнется, когда вы наконец его там обнаружите.

А вокруг на перроне кипит толпа, огромная, яркая, как движущаяся клумба или цветущий сад. Пестро, разноцветно, разнообразно. Мужчины в белом, цветастом, клетчатом, полосатом и опять в белом. Их головы или увенчаны тюрбанами, или — что чаще — обнажены, и тогда их черные волосы, смазанные особым маслом, блестят, как антрацит. А женщины одеты в сари таких оттенков, которым и названий не подберешь — желтых, розово-лимонных, палевых, ало-синих, зелено-оранжевых. И повсюду, как тюльпаны в весенней степи, — носильщики в больших красных тюрбанах.

Все идут, бегут, стоят, шествуют. Говорят и кричат

на всех языках Индии и, конечно, на английском. Теряют и снова находят свои куле, багаж, носильщиков, детей и друг друга. Смеются, возмущаются, машут руками, торгуются с носильщиками. Все суматошно, нестро, оживленно, весело. Повсюду кричат продавцы прохладительных напитков, фруктов и сладостей, гудят паровозы, и вы, растерявшись от всей этой суеты и шума, двигаетесь куда-то, как во сне, пока толпа не выносит вас к уже упомянутой стоянке такси.

И тут вы погружаетесь в поток уличного транспорта. при взгляде на который вас в первую очередь поражают велосипеды. Это что-то неопишное — индийские велосипеды!

Кто бы мог подумать, что велосипеду свойственны такие особенности! Я несколько раз пристально всматривалась в индийские велосипеды и решительно не видела ничего такого, чем бы они внешне отличались от других велосипедов мира. Ну то есть все то же самое. Но ни один другой велосипед не согласился бы везти на себе то, что возит индийский.

В Индии очень часто можно увидеть, например, трех взрослых людей на одном велосипеде. Трое — это почти правило. А бывает и пять и шесть. Едут целыми семьями или родственными группами, причем техника размещения всех на одной машине продумана до тонкостей.

Обычно отец сидит на седле. Перед ним на раме помещается один или два члена семьи. К рулю спереди приделана полукруглая корзинка, в которой сидит, поджав ножки, один из младших детей. На багажник, как на стул, садится мать, держа на руках самого маленького. И так семья выезжает в гости, по делам и даже на загородную прогулку.

Поражает выносливость и сила того, кто везет

остальных. Ведь такой груз не легко перевозить, нажимая на педали иногда в течение двух-трех часов. Работают, работают тонкие темные ноги, работают не переставая. Пирамиды людей передвигаются на двух колесах во всех направлениях под палящим солнцем.

Неру как-то сказал, что Индия сейчас переживает век велосипедов. Это удивительно верно. Все городские улицы, все шоссе буквально заполнены велосипедистами.

В Панджабе молодые сикхи используют велосипеды для просушки своих длинных волос после мытья. Это интересное зрелище: чернобородые русалки проносятся вдвоем или втроем на одном велосипеде, а за ними по ветру полощутся волнистые блестящие волосы. Не можешь не повернуть за ними головы. Оглядываешься и встречаешь мгновенную вспышку белозубых улыбок. И — мимо.

А вот впереди двигается гора корзин, из-под которой неправдоподобно тонкими и слабыми выглядят еле виднеющиеся колеса велосипеда.

Там на велосипеде везут огромный стог сена, а здесь — клетки с курами. Вот проехала конструкция совсем особого рода, состоящая из бидонов и мешков, свисающих до самой земли. Они нагромождены такой сплошной массой, что от самого велосипедиста видны только ноги на педалях да руки на руле.

Я бы не удивилась, если бы увидела, что на велосипедах перевозят автомобили и железнодорожные вагоны.

Послушание и преданность этой тоненькой машины своему хозяину уму непостижимы. Она только иногда позволяет себе сломаться. И тогда ее ведут вдоль улицы и ищут глазами дерево, на ветке которого висит старая почерневшая велосипедная шина. Это не просто шина — это реклама, это вывеска ремонтной мастерской. Тут под деревом на земле расположился мастер

в окружении паяльной лампы, нескольких заряженных инструментов, насоса, запасных частей и мальчишек. Он может исправить любое повреждение. Обязательный мальчишка, что дежурит тут же, накачает камеры за монетку в пять пайсов, и благодарный за лечение велосипед снова подставит свою спину хозяину, готовый принять на себя любой груз.

Если к этому велосипеду приделать не одно, а два задних колеса и смонтировать на них коляску, то на седле уже окажется велорикша.

Они собираются стаями у вокзалов и автобусных станций, у рынков и на больших перекрестках. Они готовы везти кого угодно, сколько угодно и куда угодно, лишь бы заработать две-три рупии в день. Сколько раз приходилось видеть, как в коляске сидят две женщины, у их ног — трое-четверо детей, позади, на оси, стоит мужчина, и все это общество везет один безропотный велорикша. На ногах от чрезмерных усилий вздуваются вены, взмокшая рубашка прилипает к лопаткам, голова в тюрбане или платке, как заводная, покачивается взад-вперед, взад-вперед. Везет иногда из одного города в другой, везет и в гору и под гору, везет под солнцем и ливнем.

К чести многих, кого я видела, должна сказать, что обычно все же пассажиры — главным образом мужчины — сходят и идут рядом, если надо ехать в гору. Но женщины обычно себя этим не беспокоят, а уж рикша и не занкнется об этом сам, если пассажир не находит нужным облегчить его мучительный труд.

Велорикши служат основным видом транспортной связи в подавляющем большинстве индийских городов.

Правда, на улицах больших городов можно видеть и такси, и так называемые скутера — двухместные кри-

тые кабинки, укрепленные на трехколесном мотоцикле, но в провинциальных городках такси вообще, как правило, не существует, да и скутеров или говсе нет, или есть два-три, и поневоле нужно пользоваться услугами велорикши.

И все же насколько лучше быть велорикшей, чем просто рикшей, рикшей-бегунком. Тут слов никаких не найдешь, чтобы рассказать об этом. И особенно страшно смотреть, как толстые матроны в золотых браслетах норовят обязательно влезть по две в одну коляску, чтобы не истратить лишнюю монетку на двух рикш. В Дели этих рикш нет, но в Калькутте, например, очень много.

Ну, уж если говорить о методах передвижения, то нельзя обойти молчанием два чудесных индийских экипажа — тонгу и икку. Тонга — это две соединенные спинками скамеечки на двух колесах и под навесом. Ее везет небольшая лошадка (лошадки в Индии все небольшие и используются только для городского транспорта). Возница сидит на передке, у ног пассажиров передней скамейки, а если пассажиров только двое, то они размещаются на задней — это более респектабельно, — и он тогда по-хозяйски сам сидит на передней.

На тонге вас трясет и подбрасывает, но вы подняты над уличной толпой и вам все далеко и широко видно. Это славный трудовой экипаж, и вы бываете очень рады, когда видите тонгу и можете не пользоваться услугами велорикши.

А икка — это старинный мусульманский экипаж. Он представляет собой почти квадратную дощатую площадку на двух колесах, посередине которой квадратная же, немного приподнятая платформочка. По углам этой платформочки тонкие высокие столбики, несущие на себе маленькую выпуклую крышу, похожую на четырехугольный зонтик. Зачем она — мне не удалось понять.

Тень от нее обычно бежит где-то рядом по дороге, так что от солнца она не защищает, да и от дождя она не закрывает, так как и мала, и слишком высока. Зачем она? Кто знает.

Люди сидят на икке кучкой, тесно сбившись на платформочке, и едут под солнцем и дождями кому куда нужно. Этих икк я много видела в старых городах Северной Индии — в таких, как Аллах-абад или Лакхнау, где столетиями жили мусульмане.

Тарахтят тонги и икки по мощеным и асфальтированным улицам; с дробным стрекотом катятся скутера; непрерывно звеня, маневрируют велорикши; оглушительно клаксона, проталкиваются автомобили всех марок и всех лет выпуска; мчатся велосипедисты, и, не зная и не соблюдая никаких правил уличного движения, двигается во всех направлениях густая, яркая, многоголосая толпа — такова обычная картина оживленной улицы индийского города. К тому же всюду можно видеть коров, которые то стоят в тени домов, то подбирают фруктовую кожуру, то лежат поперек улицы, то едят что-то с лотков торговцев зеленью.

На всех улицах вы увидите также волов и буйволов. Отворачиваясь от машины и кося на них большими добрыми глазами, белые горбатые волы и черные буйволы честно тянут груженные повозки, работая с рассвета до глубокой ночи.

А когда темно на дорогах, их глаза загораются в свете фар, как зеленые фонарики. Особенно на ночных шоссе, где густая тьма скрывает все вокруг. Вы едете, и вдруг впереди появляются голубовато-зеленые светящиеся пятнышки, которые покачиваются в воздухе и плывут вам навстречу. А потом фары на миг вырывают из мрака пару волов и повозку, и все это сразу исчезает в темноте, и снова перед машиной только серая полоса

асфальта да неясные силуэты развесистых и неровных деревьев на фоне звездного неба.

Трогательно выглядят буйвол и вол, выпряженные в одну повозку. Они такие разные, что кажутся принадлежащими к разным биологическим видам. Волы обычно белые или с дымчатой подцветкой, как сямские коты, с ровной шерстью, довольно высокие, с развесистыми рогами и с горбом над лопатками. Это зебу — индийский горбатый скот.

А буйволы низкие, коротконогие и широкие. Они обтянуты черной блестящей кожей, как морские львы. По ней растут редкие жесткие волосы. Их рога круто загнуты к шее или закручены, как у баранов, а на лбу кудрявый хохолок, иногда белый.

Глядя, как вол и буйвол вместе тянут одну поклажу, невольно думаешь, что все же в одну телегу впрячь можно...

А еще на улицах городов и деревень можно видеть быков. Настоящих быков. Но они в Индии не бодаются. Они очень мирные и спокойно стоят, и никто их не боится и не обходит стороной. А птицы, например, ведут себя просто развязно. Они все время показывают, что воздух — это их стихия. Они спокойно залетают в окна домов — будь то деревенская хижина или дорогой отель, — выют гнезда в портьерах, люстрах, на косяках дверей, чирикают, щебечут и хозяйничают по своему усмотрению.

Быки, конечно, более автономны.

Они не превращены в волов только потому, что отданы богу. В любой семье человек может дать обет богу Шиве, что пожертвует ему бычка за рождение сына или какое-нибудь другое радостное событие. Некогда, в глубокой арийской древности, быков забивали во время

жертвоприношения, но постепенно убийство любого представителя коровьего царства стало считаться грехом более тяжелым, чем убийство человека.

Этому жертвенному бычку ставят на ляжку клеймо в форме трезубца -- знака бога Шивы -- и отпускают его на все четыре стороны.

Никто, боясь смертельного греха, не осмелится превратить его в вола и использовать на работе. Всю свою жизнь этот бык бродит где хочет. Крестьяне, охраняя свои посевы, прогоняют с полей бродячий скот, и он почти весь сконцентрирован в городах. Поэтому и быки бродят по городскому асфальту, лежат на базарных улицах, дарят потомство своим бродячим подругам-коровам и, состарившись, умирают тут же, у стен какого-нибудь дома.

Итак, быки, сильные, горбатые и красивые, тоже дополняют собою городской пейзаж.

Предприимчивые люди, увидев, что бездомная корова ожидает теленка, берут ее к себе во двор и посылают пастись по улицам и базарам в сопровождении своего сына или дочери. А после отела продают рупий за сто какой-нибудь семье, где нуждаются в молоке. В этой семье корову доят месяцев шесть, а когда она перестает давать молоко, отпускают ее на все четыре стороны.

Сейчас специальные работники молочных ферм отбирают лучших коров из числа бездомных и свозят их на фермы, где проводится специальная работа по улучшению их породности и повышению удоя, но пока незаметно, что на улицах коров стало меньше. Весь поток транспорта и пешеходов протискивается мимо коровьих морд, рогов, хвостов и боков, и часто можно видеть, как велосипедисты, опираясь на корову,

чтобы не сходить с велосипеда, пережидают, пока проедет машина или повозка и можно будет продолжать путь или пересечь улицу.

В дни весеннего праздника Холи, когда люди на улицах раскрашивают друг друга во все цвета, уличные коровы тоже превращаются в живые палитры, придавая, как принято писать, «неповторимое своеобразие» городскому пейзажу.

В Индии вообще есть обычай окрашивать скот и наряжать его в дни праздников, да и в обычные дни, просто так, в знак любви. Постоянно можно видеть волов с золочеными рогами, в вышитых шапочках, с яркими бусами на шее и с красными пятнышками на лбу.

А извозчики — хозяева тонг — любят наносить на тело своих лошадей орнамент, обычно в виде оранжевых кружков, и в тот же цвет красить им ноги до колен.

Неукрашенное как бы не существует — так, кажется, думают все жители Индии. Многоцветной росписью покрываются и коляски велорикш, и боковины тонг, и даже кабины грузовиков. Здесь можно увидеть и пейзажи, и битвы богов с демонами, изображения разных сцен из эпоса, и цветы, и просто условный орнамент. Все ярко, пестро, все притягивает глаз.

Чем диктуется такая жадная потребность в цвете — сказать трудно. Может быть, климатом этой страны?

Я уж не говорю о деревнях Индии и ее маленьких городках, но даже в Дели все женщины — может быть, за исключением европеизированных буржуазок — наносят цветными порошками особые традиционные узоры на землю перед входом в дом или на пол дома. С детства они учатся этому искусству и, выходя замуж, занимаются созданием этих узоров-однодневок каждое утро до того, как проснутся мужчины семьи. Древнейшие магические рисунки сочетаются в этих орнаментах с но-

выми мотивами, и подробному изучению этих узоров следовало бы посвятить не одну монографию.

В новых кварталах Дели, состоящих в основном из богатых особняков, стоящих в своих, отдельных садах и садиках, это древнее искусство поддерживается почти исключительно служанками: это народное искусство.

Интересно наблюдать, как разрастаются эти кварталы. Это происходит с невероятной быстротой, несмотря на почти полное отсутствие новой строительной техники. Ходят, ходят по красным камням строительные рабочие — главным образом выходцы из Раджастхана и Харианы, соседних с Дели штатов, — ходят и мужчины в больших тюрбанах и маленьких набедренных повязках, и женщины в широких цыганских юбках и ярких шалях; ребенок при этом сидит верхом на боку матери, а на голове она несет, поддерживая ее рукой, плоскую корзину с мелко наколотым камнем. Они или ходят, носят строительные материалы, или сидят на каменистых строительных площадках, вручную дробя камень, вручную складывая стены, работают от рассвета до темноты, и вырастают и вырастают фешенебельные особняки, продвигаясь все дальше и шире вокруг Дели. И, как их аванпосты, на пустой каменистой земле возникают все новые и новые низкие хижины, покрытые соломой, — временное жилье строителей, и рядом сразу же появляются аккуратно сложенные кучи камня, наколотого вручную, победенного камня.

Не потому ли — думаешь, глядя на всю эту картину, — Дели столько раз возрождался из праха, что его строили именно здесь, на месте выхода этого красного камня? Камень был всегда врагом земледельцев, но союзником горожан. К тому же другим их союзником была река Джамна. Вода и камень — что еще нужно для того, чтобы построить город? Люди? Их упорный труд?

Люди Индии всегда были бесконечно трудолюбивы. И нетребовательны и терпеливы. На их труде стояла, стоит и будет стоять эта страна.

В кварталах особняков много новых машин, много нарядных прохожих, много зелени в садах. На чисто подстриженных газонах нет коров.

Здесь живет зажиточная интеллигенция, здесь живут бизнесмены — те, кто регулирует и направляет экономическую жизнь столицы. Да и не только столицы.

— Скажите, вы были когда-нибудь хоть в одном из этих двух прославленных делийских кафи-хаусов, или «ти-хаусе», то есть, говоря проще, в кафе или чайной в центре города?

— Нет, не приходилось.

— Сходите. Проведите там час или полтора за чашкой кофе или чая — а он там отличный — и понаблюдайте за посетителями. Или, еще лучше, пойдите с каким-нибудь своим другом — писателем, артистом, поэтом, — и к вашему столику в течение полутора часов подсядет не меньше двадцати человек, чтобы поговорить с ним.

— О чем?

— Да обо всем. О судьбах индийского театра и кино, о новых тенденциях в живописи, о последней «мушайре», на которой состязались лучшие поэты города, о текущей сессии парламента и вообще обо всем на свете. Эти кафе являются теми местами, где узнаются и обсуждаются все новости. Здесь создаются мнения, и отсюда они разносятся по издательствам и оффисам, по отелям и гостивым. Очень советую посетить хоть один из кафи-хаусов.

— Пошли сейчас?

— Пошли, если вы свободны.

Мы идем на стоянку такси. Издали видим в тени рас-

кидистого дерева стайку черных машин с желтыми крышами. Возле них на плетеных лежанках и прямо на асфальте лежат и сидят таксисты.

Отдыхают. Подходим. Старший по стоянке кричит, вызывая очередника. Никто не реагирует. На повторный призыв с плетеной лежанки — чарпоя, почесываясь, зевая и улыбаясь, поднимается сикх. (Почти все таксисты здесь — сикхи. Тюрбан на голове и стальной браслет на правой руке — почти у каждого водителя в Северной Индии.) Он лениво подходит к машине, распахивает дверцу и приглашает нас сесть в машину. С ужасом замечаем, что его машина, оказывается, стояла не в тени, а на солнце. Наш шофер уже проснулся окончательно и готов везти нас куда душе угодно. Он включил счетчик и обжег себе при этом пальцы, — на индийских такси счетчики укреплены снаружи, на радиаторе, — а затем вторично озарил нас ослепительной улыбкой и снова пригласил в машину. Ныряем в нее, как в духовку, как в пекло. Быстро подсовываем под себя газеты — иначе усидеть на раскаленном сиденье невозможно — и про-сим:

— Кафи-хаус, плиз.

— О'кэй.

В машине нам уже не до разговоров. В приспущенные окна врывается горячий воздух, а внутри градусов под шестьдесят. Наш сикх, небрежно бросив тонкую руку на баранку, ведет машину на прославленный манер делнейских таксистов, то есть так, что мы каждую минуту замираем, видя, что уже сейчас-то столкновения никак не избежать.

Он едет по правой стороне, хотя движение левостороннее. Он обгоняет, будучи четвертым, там, где уже обгоняют трое, да еще перед лицом мчащегося навстречу автобуса... Только чудо спасет нас!..

И чудо происходит. Автобус пронесется в трех сантиметрах от нас, а наш таксист — для него это все в порядке вещей — мчит нас вперед, поминутно высовывая в окно руку и нажимая грушу своего оглушительно-го клаксона, который укреплен на крыше. По ходу дела он разглядывает нас в зеркало, посылая нам улыбки, поправляет на себе тюрбан, подкручивает усы, оглядывается на встречные машины, что-то кричит обгоняемым моторишам, и мы бы не удивились, если бы при этом он проглядывал еще сегодняшнюю газету.

Доехали живыми. К машине бросилось несколько вихрастых мальчишек — открыть дверцу. Тот, кто добежал первым и ухватился за ручку раньше других, приглашает вас выйти и ждет монетки, сияя глазами и зубами. Монетка дана. Платим и своему водителю рублию — вдвое против счетчика. Он быстро прикасается ею ко лбу в знак благодарности и дарит нам последнюю улыбку. Зубы сверкают в черноте усов и бородки, как «серп молодого месяца в разрыве туч», огромные глаза взглядывают на нас с благодарностью, и машина мигом исчезает в ревающей волне транспорта.

А мы смотрим на ту сторону улицы, на двери кафехауса. Но чтобы его достичь, надо сначала перейти на ту сторону, а уже пять часов. И это значит, что по улице движется река, поток, лавина велосипедистов. Они едут по два, по пять, по восемь человек в ряд, в обнимку и просто рядом, они обгоняют друг друга, обгоняют автобусы, такси и моториш. Они выскакивают из-под самых колес автобусов и лавируют между машинами так, что кажется, будто их велосипеды извилисты, как змеи. Они едут по двое и по трое на одном велосипеде. Они все спешат домой с работы. Надо подождать, пока в этом потоке образуется прорыв. Стоим на солнце, обливаясь потом, ждем.

— Ну вот, пошли скорей!

Почти бежим, чтобы успеть. Нас слегка задевает только один из велосипедистов и, тут же остановившись, извиняется с милой улыбкой.

— Все в порядке, — говорю я, — не беспокойтесь, пожалуйста.

Теперь скорей, прочь с солнца, под сень галереи, к дверям кафи-хауса, где прекрасный кондиционер и всегда прохладно.

Входим. Окунаемся в охлажденный воздух, как в райское озеро. Заказываем кофе-гляссе и мороженое.

— Что угодно еще?

— Ничего, спасибо. Как можно больше мороженого. И кофе-гляссе.

Сразу же из-за соседнего столика к нашему пересаживается один журналист, с которым меня познакомили на вчерашнем спектакле. Начинаем разговаривать о пьесе, артистах, авторе. Журналист кивает кому-то и еще кому-то.

— Можно? — спрашивает он.

— Конечно, будем очень рады.

Его друзья тоже подсаживаются к нам, и закипает тот типично индийский, легкий и живой разговор, в котором, попеременно с шутками и взрывами хохота, собеседники обмениваются своими соображениями по поводу новой программы Индрани Рахман, последнего выступления министра финансов, открытия ежегодной выставки картин в Академии искусств и т. д. и т. п.

После кофе нас приглашают посетить выставку одного молодого художника, которая находится в Индрапрастхе, в здании Совета по культурным связям.

Оставив деньги на столе, мы покинули полумрак кафи-хауса и снова окунулись в раскаленный мир улицы.

В первые секунды прикосновение жаркого воздуха к холодной коже кажется даже приятным, но через минуту вы уже начинаете вспоминать место, где вам было «почти холодно», и мечтать о любом крове над головой, о любой тени и хотя бы о панке, если нет кондиционера. И конечно, о стакане холодной воды с лимоном, которую вам предложат всюду, куда бы вы ни вошли. Или о запотевшей бутылке ледяной кока-колы...

Десять минут в раскаленном такси, и мы у цели. Хватая горячий воздух пересохшим ртом, я вбегаю под своды выставочного зала. Вот она, вода.

— Еще стакан, пожалуйста. Благодарю вас.

Теперь можно думать и о картинах. Картин не очень много. Все они абстрактны. Медленно идем вдоль стен. Все кажется знакомым по столь многим выставкам. Вот это как будто уже где-то было. И это тоже. Да и это. Мой спутник представляет мне художника.

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваю его я, — как вы выбираете названия для своих картин? Почему это «Путешествие», а это «Ноктюрн»? А это «Девушка у пруда»?

— Я даю им имена, как люди дают имена своим детям.

— Да, но ведь имена детей не связаны с какими-то конкретными понятиями. Тем более с предметными. И не должны вызывать ассоциаций. Я хочу понять, почему именно это «Девушка у пруда»?

— Это нельзя объяснить. Это необъяснимо, как любовь. Это нельзя и понять.

— Вы хотите сказать, что вы пытаетесь передать цветовой гаммой гамму своего восприятия того или иного явления?

— Да, пожалуй.

— Но не боитесь ли вы, что будете одиноки в своем

318599

творчестве, что оно не найдет отклика в сердцах людей?
И понимания.

— Я не нуждаюсь в людях, я творю для себя.

— А для чего эта выставка? Для кого, если не для людей?

— Пусть смотрят.

— Но ведь здесь сейчас пусто. Много ли у вас было посетителей?

— Нет, немного. Я творю для избранных, для тех, кто понимает.

— Но вы только что сказали, что это нельзя понять...

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ — КАСТА?

Все всегда спрашивают: а что такое касты? Что такое кастовый строй? И задумываешься: как ответить? Как кратко и емко описать это явление, которое, подобно безудержно разросшейся лиане, оплело и опутало всю жизнь индийского общества, насквозь пронизало существование почти всех жителей страны, исповедующих индуизм.

Принадлежность к касте определяет все: члены касты рождаются, воспитываются, вступают в брак, дают имена своим детям, обучают их, сообщают им специальные знания, отправляют все ритуальные церемонии и, наконец, после смерти, бывают преданы сожжению (или — некоторые — погребению), — все это происходит и производится в соответствии с теми правилами, которые предписаны каждой касте древним религиозным законом.

Каста — это прежде всего профессия. Профессия, которая переходит от отца к сыну, которая зачастую не меняется на протяжении жизни десятков поколений. Профессиональное мастерство входит в плоть и кровь, всасывается с молоком матери, становится неотъемлемой частью каждой личности.

Искокон века в индийской деревне живут наряду с членами земледельческих каст члены ремесленных, без чьих услуг не могут обходиться крестьяне. Так, обязательной фигурой каждой деревни является горшечник.

Целый день, от зари до зари, вертится на его дворе тяжелый гончарный круг, возле которого как прикованный сидит на корточках он сам — виртуоз своего дела. Методично бросает он на середину вращающегося круга комья мокрой глины, слегка касается их пальцами, неуловимым движением поворачивает кисти рук, похлопывает, поглаживает глину, и на ваших глазах, словно распускающиеся цветы, возникают из бесформенных этих комьев земли вазы, чаши, кувшины, чашечки — сосуды любой формы, размера и вида и любого назначения. Без кривизны, без неровностей, без ущербин — само совершенство.

Его сын тут же. В пять-шесть лет он будет помогать отцу раскручивать гончарный круг, месить глину, формовать и подавать ему комья-заготовки. А в десять уже сам сядет на корточки возле круга и станет повторять движения отца, станет сам создавать вещи и относить их заказчикам.

И так в каждой касте, в каждой профессии: сын принимает ремесло из рук отца.

Если деревня маленькая, то и горшечник один. И один кузнец. И ювелир. И ткач. А в больших селах и городах горшечники селятся целой улицей. И плотники. И кузнецы — изготовители металлической посуды. И ткачи. И красильщики тканей. И ювелиры. И кожевники. И стиральщики. И мусорщики. И брадобреи — они же массажисты и свахи. И все те, без чьего ремесла и умения не проживут ни пахари, ни торговцы, ни учителя, ни жрецы — брахманы.

У каждого ремесленника, как и у каждого брахмана, есть исстари определенный круг семей, прибегающих к его услугам. Если это семьи из высоких каст, то и обслуживающий их ремесленник считается членом более высокой подкасты — группы внутри своей касты. Если это

низкокастовые семьи, то и подкаста ремесленника более низкая.

Давно заведенная взаимная порука связывает семьи обслуживаемых с семьями обслуживающих. Ни та, ни другая сторона не может беспричинно порвать установленные связи и вступить в такие же деловые отношения с другими семьями. Если такое случится, то сразу же вмешается кастовый панчаят — выборное правление касты — и привлечет виновных к самой строгой ответственности.

И такие формы отношений, такие производственные связи служили в течение многих сотен лет основой, схемой, на которой строилась и в которую укладывалась вся многосторонняя жизнь каждого поселения.

Каждая каста живет в соответствии со своей дхармой — с тем сводом предписаний и запретов, создание которого приписывается богам, божественному откровению. Дхарма определяет нормы поведения членов каждой касты, регулирует их поступки и даже чувства. Дхарма — это то неуловимое, но непреложное, на что указывают ребенку уже в дни его первого лепета. «Каждый должен поступать в соответствии со своей дхармой, отступление от дхармы есть беззаконие» — так учат детей дома, так им говорят в школе, так повторяет брахман — наставник и духовный руководитель каждой семьи.

И человек вырастает в сознании абсолютной нерушимости законов дхармы, их неизбежности.

Дхарма каждой касты диктует ей внутрибрачие — только девушка из твоей касты воспитана в такой же дхарме, как ты, поэтому только она может стать твоей женой и матерью твоих детей, — и ни одна семья, как правило, не возьмет в жены юноше девушку из другой касты. Иногда допускаются исключения и разрешается женитьба на девушке из касты, стоящей на одну ступень

ниже по лестнице этой иерархии, — но даже в наше время такие браки не часты.

Свыше двух тысяч каст существует в Индии. Кастовый строй уподобляет индийское общество улью с горизонтальными слоями сотов. Каждый слой был столетиями изолирован от другого системой запретов взаимного общения и, главное, перемены профессии, и каждая ячейка каждого слоя изолирована от соседней ячейки запретами взаимных браков.

Высокие не должны общаться с низкими — ни есть вместе, ни пить из их рук, ни курить вместе, ни смотреть на их женщин, ни разрешать своим детям играть с их детьми.

Не было запрета только на то, чтобы пользоваться трудом человека, который относится к более низкой касте. «Рука ремесленника всегда чиста, и чист товар, вынесенный на рынок для продажи» — сказано в Законах Ману, в древнейшем своде традиционного права Индии. Так сама жизнь во все времена заставляла считаться со своими требованиями.

У большей части каст есть даже свои боги, которых чтят наравне с высочайшими богами индуизма — Шивой и Вишну, Дургой и Лакшми.

Изображениям этих богов приносят дары и жертвы в посвященные им храмы. Эти изображения хранят на домашних алтарях, моля о помощи в своих семейных или профессиональных делах.

Их великое множество, этих богов. Когда-то в глубокой древности они были тотемами тех родов или богами тех племен, из которых постепенно сформировались касты, и до сих пор их почитают, верят в них, хранят в памяти их имена, обычно забытые всеми, кроме членов данной касты.

Человек связан со своей кастой сотнями нитей. Ка-

ста — это социальный организм, элементы которого были нерасторжимы в течение многих столетий. Застывшая, как в заколдованном сне, жизнь феодальной индийской деревни почти не изменялась в течение столетий, существуя в себе и для себя в ритме, который не нарушался ни сменой правителей, ни расцветом и падением царств. Этот размеренный уклад был неотделим от каст, поддерживал касты, переплетался с кастовыми взаимоотношениями.

В мире и в самой Индии могло происходить все что угодно, но неизменно члены земледельческих каст обрабатывали землю и снабжали всю сельскую общину зерном, члены скотоводческих разводили скот и снабжали всех молочными продуктами, члены ремесленных изготовляли в обмен на их продукцию утварь, одежду, украшения, члены низких каст убирали деревенские улицы и дома, вывозили трупы павших животных, обдирали их и изготовляли обувь, стирали на всех, брили и стригли всех, члены самых высоких каст были жрецами, учителями, руководителями всей духовной жизни, бдительно следившими за соблюдением всех предписаний кастовых отношений и правил. Даже войны не смешивали каст, так как были касты, из числа которых — и только из их числа — правители набирали свои армии, и были касты, члены которых не имели и не должны были никогда брать в руки оружие.

Сложившийся в глубокой древности образ жизни кастового общества застыл на века, почти без изменений зафиксировавшись в догмах религиозных канонов, определившись в законах дхармы.

Даже тип одежды, несмотря на все кажущееся ее однообразие, меняется от касты к касте и заметно отличается члена высокой касты от члена низкой. Одни обертывают бедра широкой полосой ткани, ниспадающей до

лодыжек, у других она не должна прикрывать колени, женщины одних каст должны обертывать свое тело в полосу ткани не меньше семи или девяти метров, тогда как женщины других не должны употреблять на сари ткань длиннее пяти метров, одним предписано носить определенный тип украшений, другим он запрещен, одни могли пользоваться зонтом, другие не имели на это права и т. д. и т. п. Характер жилища, пищи, даже сосудов для ее приготовления — все определено, все предписано, все изучено с детства членом каждой касты.

Вот почему в Индии очень трудно выдать себя за члена какой-нибудь другой касты — такое самозванство будет немедленно расшифровано. Только тот может преуспеть в этом, кто много лет изучал дхарму чужой касты и имел возможность практиковаться в ней. Да и то он может преуспеть только вдали от своей местности, где ничего не знают о его деревне или городе.

И вот почему самым страшным наказанием за совершенное преступление против дхармы было исключение из касты. Отсеченный от своего социального организма человек не мог включиться в жизнь ни одного другого организма — общество отказывалось пользоваться продукцией его рук и давать ему взамен свою продукцию, общество не брало в жены его дочерей и не отдавало своих за его сыновей, оно лишало его права пользоваться колодезем, деревенским прудом, храмом, странноприимным домом, навозом от своего скота. Лишенный всего, отторгнутый от всех жизненно необходимых каналов, потерявший сразу все привычные, унаследованные от дедов и прадедов связи и отношения человек должен был или убить себя, или скатиться на самое социальное дно — в общество неприкасаемых.

Но даже неприкасаемые, из века в век выполнявшие самую грязную работу, жестоко подавляемые и эксплуа-

тируемые членами более высоких каст, те неприкасаемые, которых унижали и брезговали ими как чем-то нечистым, — они все же считались членами кастового общества. У них была своя дхарма, и они могли гордиться приверженностью к ее правилам, они поддерживали свои давно узаконенные производственные связи, у них было свое, вполне определенное кастовое лицо и свое вполне определенное место, пусть в самых нижних слоях этого многослойного улья.

Но человек, отверженный от касты, не имел и этого. И он начинал зависеть от милости панчаята низших каст — примут его в состав своей касты или нет. И даже будучи принятым, он всю жизнь должен был страдать от своего неумения делать их работу, от своей непривычки жить их жизнью, есть и одеваться, как они, от тяжкого унижения при необходимости заключать с ними браки для своего потомства, воспитанного в дхарме более высокой касты.

Только глубоко вдумавшись во все это, поставив себя мысленно в положение человека, до мозга костей пропитанного предписаниями жизни кастового общества в ее повседневности, можно понять мироощущение вот такого отверженного, вынужденного заискивать перед теми, презирать кого было для него так же естественно, как дышать, есть, пить, двигаться. И уж конечно, со стороны членов низших каст нельзя было ожидать теплоты, всепрощения и понимания к такому низвергнутому до их уровня вчерашнему господину и поработителю.

Многие исключенные из каст так и оставались жить вне рамок всяких каст. Эти внекастовые стояли еще ниже неприкасаемых — вне всяких законов, вне правил. Нищенство становилось уделом большинства из них, потому что в четком расписании жизнедеятельности кастового общества им не было места, не было применения их ра-

бочим рукам. В горячие дни сбора урожая или посевных работ им удавалось наняться на работу за миску просяного отвара и сноп соломы, но и то не везде, так как в каждой деревне есть свои нуждающиеся и человеку из касты всегда окажут предпочтение.

Собирая волокнистые травы в джунглях, они плели циновки на продажу в города, они прибивались жить к племенам, они начинали бродить по стране с дрессированными животными, как цыгане, — словом, приспособлялись к жизни как только было возможно.

Заключая браки друг с другом, они, по сути дела, объединялись в новую касту — касту внекастовых.

Но все же, частично втягиваясь небольшими группами в состав низших каст, они были одним из источников пополнения этого слоя.

Другим, и основным, источником его пополнения являлись и являются племена. Теснимые Департаментом лесов, который ограничивал территории их подсечно-огневого земледелия, охоты и сбора лесных продуктов, спасаясь от полуголодной жизни в лесах, люди племен приходили, да и сейчас приходят в деревни, нанимаются в качестве батраков, плетельщиков, изготовителей музыкальных инструментов и т. п., оседают в деревне, поселяясь где-нибудь вблизи, за ее окраиной, втягиваются в ее производственную жизнь и постепенно превращаются в одну из низких каст в составе ее населения.

Так существовал и функционировал в Индии кастовый строй — основа основ жизни ее общества. Кажется, нет такой силы, которая способна изменить что-либо в его устоях, подорвать эту незыблемую самодовлеющую структуру.

Но такая сила нашлась. Ею оказался капитализм. Что бы ни делали англичане для того, чтобы задер-

жать развитие индийской промышленности и остановить поступательное движение жизни страны, им пришлось убедиться в том, что законы истории объективны.

Больше того, колонизаторы поневоле сами способствовали росту капитализма в Индии, будучи вынуждены строить в ней промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги и вовлекая население в новую для него систему отношений.

Так, капиталистический рынок не может считаться с кастовой принадлежностью поставщиков товаров — и ремесленники индийских сел и городов получили возможность сбывать свою продукцию в обход древних обязательных связей.

Капиталистическому предприятию не до того, чтобы учитывать касту пролетария, становящегося к станку и конвейеру, — и те, кого не могло прокормить наследственное кастовое ремесло, те, чьим делом в кастовом обществе был слишком тяжелый или унижительный труд, или те, кто лишился касты, впервые сами получили возможность отвергнуть древние кастовые законы и пренебречь приговором кастового панчаята, нанявшись на завод, шахту или стройку, туда, где бывают нужны рабочие руки и где обычно не спрашивают о принадлежности к касте.

Капиталистический город в своем безудержном росте и в кипении своей деловой жизни не может сохранить в неприкосновенности районы или улицы, населенные членами той или иной касты. Он не может помнить о том, что одни прохожие осквернят своим прикосновением других в густой толпе, спешащей по его улицам, он не может отказать этим «оскверняющим» в праве занять места в бешеном круговороте его транспорта, покупать в его магазинах, ходить в его кинематографы, отдыхать на скамейках его парков, — и

поэтому, выходя из дому, житель большого города может, а часто предпочитает, забыть о своей касте.

Ему следует забыть о ней и в железнодорожном вагоне, и на людной дороге, и на митинге или демонстрации — словом, всюду, где старые отношения уступают — вынуждены уступать — место новым.

Кастовый строй никак не уместается в прокрустовом ложе капитализма: то ноги надо подрезать, то голове. Ложе это жесткое, и пределы его четко очерчены. Многослойный кастовый организм поступается то одной, то другой своей частью, чтобы совместиться с новыми рамками жизни, но, поступаясь, лишается значительной доли своего динамического равновесия, и это сотрясает всю его структуру в целом.

Но не так легко полностью одолеть давние обычаи. Не так просто отказаться от традиций, вошедших в плоть и кровь. Только исключительное, редкостное меньшинство членов кастового общества рискнет, даже в наши дни, заключить, например, внекастовый брак. И это тем труднее сделать, что браки почти всегда заключаются по выбору родителей, а от старшего поколения нельзя и ожидать таких новаторских тенденций. Только в крупных городах в наше время молодые люди иногда сами выбирают себе пару. Поэтому обычно любовью, даже интеллигентный и прогрессивный, горожанин на вопрос о браке ответит, что все они борются за свободу выбора в браке и за пренебрежение к кастовым запретам, но пока:

— Я вступил в брак по выбору родителей и, конечно, в своей касте. С женщиной из другой касты я бы, вероятно, не женился.

— Да почему же, почему? Чем члены вашей касты лучше членов любой другой?

— Да нет, не лучше и не хуже, конечно, но... види-

те ли... дело в том, что вся атмосфера другая. Не та, к которой я привык с детства.

Вот в чем главное. Этим все сказано. В одной касте принято то, а в другой — это. Человек другой касты вырос, не зная преданий своей касты, не зная генеалогических списков своей семьи и выдающихся лиц своей касты, не зная, какие из святынь для нас самые святые, какие сладости и украшения принято у нас дарить в дни праздников и свадеб, — словом, не зная сотен мелочей, которые создают «атмосферу» своей касты. Ее нельзя подделать, она становится органической частью жизни каждого человека, частью его дхармы.

Ко всему обязательному для всех индуистов комплексу предписаний и регуляций дхармы каждая каста или группа близких каст добавила еще какие-то свои особенные оттенки, и по этим-то оттенкам и можно догадаться о кастовой принадлежности человека. Даже в городе. А иногда даже вдали от родных мест человека.

«Каста всегда очевидна, как очевидны красота или уродство», — объясняли мне не раз.

Да к этому еще прибавляется психический фактор — кастовое самосознание. Каждый твердо знает свое место в обществе, свое социальное гнездо. Низкое или высокое, плохое или хорошее, оно принадлежит ему по праву, по самому неотъемлемому из прав. Будучи членом определенной касты, он безоговорочно располагает целым рядом прав. И тоже неотъемлемых. И знает, что в случае нарушения кем-нибудь этих прав он может обратиться за поддержкой к кастовому панчаяту, и члены панчаята вступятся за него, обязаны вступить.

Он также твердо знает, как он должен относиться к членам всех других каст, и это отношение становится с пяти-шестилетнего возраста естественным, как дыхание. Все это тоже «атмосфера». И предмет гордости.

Каждый член любой касты знает, что общество никогда не покушалось на его кастовые права, что здесь он располагает любыми гарантиями, если только сам не нарушает законов касты. И, как это ни парадоксально звучит, члены даже самых низких каст действительно гордятся своей принадлежностью к касте, определенностью своего положения, своим правом на поддержку со стороны всей касты в целом, на ее участие во всех семейных праздниках и событиях и на право своего участия в делах каждого другого члена их касты. Одним словом, человек гордится тем, что имеет социальное гнездо, место и положение которого обеспечены общепринятым и общепризнанным древним законом.

Трудно, бесконечно трудно в Индии бороться с кастовым строем.

Не раз на протяжении истории страны влиятельные и властные вероучители поднимали свой голос против кастового деления. Не раз возникали религиозные общины, первой статьей своей программы провозглашавшие неприятие кастового деления. И что же? Вероучители в конце концов умывали руки и принимали касты как необходимый факт, а религиозные общины кончали тем, что сами делились на касты.

Сикхам — воинской общине Панджаба — удалось практически одолеть кастовые различия и продержаться на этом уровне почти четыре столетия, но к XIX веку касты снова стали заявлять о себе, следуя за экономическими и политическими сдвигами в жизни общины, и к нашему времени в значительной мере реставрировались в среде сикхов.

Даже ислам, религия суровая и негибкая, даже он не одолел каст. Массами обращались индусы в ислам и особенно члены низких каст, прельщаясь идеей всеобщего равенства и обещанной возможностью подняться в

верхние слои общества, но, обратившись, не оставляли старых своих навыков и не в силах были расстаться с традиционными межкастовыми отношениями. Поэтому и в мусульманской общине в значительной мере сохраняются и деление на касты, и многие кастовые обычаи.

И только капитализм, только и единственно капитализм смог сделать то, что было не под силу ни учителям веры, ни правителям, ни политическим деятелям, — подорвать основы каст и положить начало их распаду.

Но вместе с тем с капитализмом в жизнь каст вошли новые явления, способствующие их сохранению. Применяясь к классовой структуре нового общества, касты стали на путь укрепления межкастовых, так сказать, видовых связей, то есть связей между близкими по профессии кастовыми группами, входящими в состав того или иного класса капиталистического общества. Помимо традиционных панчаятов, касты стали создавать свои руководящие организации, в ведение которых вошли вопросы распространения образования среди членов касты, повышения их жизненного уровня, их трудоустройства, предоставления им гражданских и политических прав и т. д. Во многом деятельность этих организаций смыкается с деятельностью профсоюзов и даже подменяет ее. На эти кастовые организации стремятся в дни выборов опираться как отдельные политические деятели, так и целые партии или крупные политические организации, нуждающиеся в привлечении на свою сторону избирателей из состава наиболее многочисленных каст.

* Кастовые организации бывают чрезвычайно влиятельны, объединяются одна с другой, вырабатывают общую политическую платформу и иногда становятся базой образования новой политической партии, выражающей интересы того или иного класса или общественной прослойки.

Наряду с этим они стремятся приспособить весь организм касты в целом к новым условиям и к требованиям современности. Поэтому в их программу входит борьба с обветшалыми обычаями и изжившими себя древними предписаниями. Выступая в качестве борцов за отказ от старых традиций, сдерживающих поступательное движение общества, они играют прогрессивную роль, помогая членам касты вступить в более широкие общественные контакты, повышать свой социальный статус, расширять свой кругозор, обретать большую политическую активность.

Движение против кастовых ограничений захватывает прежде всего молодежь, и во многих кастах возникают специальные молодежные организации, ставящие перед собой задачу добиться, например, отмены какого-либо давнего и ненужного в современной жизни брачного или семейного института. Главное острие их борьбы бывает направлено против запретов межкастовых браков, против предписаний, ограничивающих свободу выбора в браке, ограничивающих права женщин, лишаящих женщин права наследования и т. п.

В Индии, как и во многих капиталистических странах, существует обычай путем публикации объявлений в газетах разыскивать подходящих невест и женихов. Я следила за этими публикациями и с неизменным чувством большого внутреннего удовлетворения отмечала для себя, что все чаще и чаще в текстах таких объявлений появлялись слова «каста безразлична». Эти слова, такие простые на первый взгляд, являются на деле отражением настоящей идейной революции, которую переживает сейчас индийское общество.

Действительно, если человек находит в себе смелость сообщать всей стране путем публикации в прессе, что

ему безразлична кастовая принадлежность невесты (или жениха), это значит, что он перешагнул черту, отделяющую кастовое прошлое страны от ее бескастового будущего. Это значит, что его уже нельзя запугать исключением из касты, что он игнорирует традиционные запреты и ограничения. И по каким бы мотивам ни заключался такой брак, его всегда можно рассматривать как шаг вперед в культурном строительстве. Такой переворот в мировоззрении, начавшись в больших городах страны в среде интеллигенции, постепенно захватывает в свою орбиту и население провинциальных городков. Трудно пока предсказать, какими темпами будут развиваться и прививаться такие изменения и когда они проникнут в толщу основных масс населения страны — жителей индийских деревень, но эта прогрессивная тенденция растет и ширится.

Конституция Индии не отменяет каст, она лишь объявляет их равными перед лицом закона и дарует им всем равные права. И конституция и уголовный кодекс объявляют наказуемыми всякие действия, направленные к дискриминации членов тех или иных каст. И это уже очень много. Мы живем в эпоху, когда, впервые в истории Индии, закон может встать на защиту члена низкой касты против члена высокой.

Огромную поддержку практической борьбе против кастовой дискриминации оказывала и оказывает народу Коммунистическая партия Индии, добиваясь реального предоставления членам низких каст всех гражданских и человеческих прав. Особенно активную, совершенно сознательную борьбу против кастовых различий ведут рабочие тех предприятий, которые строятся с помощью Советского Союза. Рабочий из любой касты видит здесь со стороны советских специалистов проявление подлинного уважения, интереса к нему как к человеческой лич-

ности и искреннее стремление оказать братскую бескорыстную помощь.

Борьба всей прогрессивной общественности против кастовых ограничений принесла уже много плодов. Правительство Индии через специальные организации предоставляет членам низких каст целый ряд льгот в области получения образования, трудоустройства, снабжения сырьем, сбыта продукции и т. п. Сейчас только в районах, отдаленных от культурных центров, дети членов низких каст еще придерживаются традиции, запрещающей им сидеть в одном помещении с детьми высоких, и слушают учителя из-за двери класса. В большей же части школ, в колледжах и университетах вопрос о принадлежности к касте кажется уже просто неуместным.

СЕМЬЯ НАЧИНАЕТСЯ СО СВАДЬБЫ

Где и когда начинается воспитание доброты в человеке?

В Индии мало кто знает известный анекдот о женщине, имевшей двухнедельного ребенка, которой сказали, что она уже на две недели запоздала с его воспитанием. Там не ссылаются па этот анекдот, там просто начинают воспитывать детей чуть не с первого дня их жизни.

И основное, чему их учат, — это доброта. Учат всем своим отношением к детям и друг к другу, учат личным примером, учат словами и делами. Терпеливость, которую проявляют в индийских семьях по отношению к детям, просто поразительна. Я никогда не видела, чтобы на них кричали, чтобы их шлепали, чтобы сердились на них. Каким бы усталым ни чувствовал себя человек, как бы горестно он ни был настроен, он никогда не покажет этого детям. Ни отец, ни мать и никто вообще из старших.

Обуздание чувств — вот главная нить воспитания, главная линия личного поведения, главная тема многих проповедей. Одним из самых больших пороков считается неумение сдерживать свое раздражение, свой гнев, неумение проявлять мягкость в манерах, приветливость в обращении и приятность в речи. «Речь жены, обращенная к мужу, должна быть сладостна и благоприятна», — сказано в Ригведе, древнейшей из книг.

Дети растут в атмосфере доброжелательности. Первые слова, которые они слышат в семье, призывают их к доброму отношению ко всему живому. «Не раздави муравья, не ударь собаку, козу, теленка, не наступи на ящерицу, не бросай камней в птиц, не разорь гнезд, не приноси никому вреда» — эти запреты, расширяясь со временем, принимают новую форму: «Не обижай младших и слабых, уважай старших, не подними нескромного взгляда на девушку, не оскорби нечистой мыслью женщину, будь верен семье, будь добр к детям». Так замыкается круг.

И все это сводится к одному — не делай зла, будь добрым и сдержанным в чувствах.

Сдержанность в чувствах, манерах, разговоре очень характерна для индийцев. Так же, как характерна их удивительная естественность. Это страна, где женщины естественны, как цветы. Никаких кривляний, аффектации, вызывающих движений и взглядов, никакого кокетства. Кокетничать позволяют себе только девушки в колледжах, да и то так сдержанно, что это и кокетством не назовешь. А женщины до такой степени прочно замыкают кольцо своего внутреннего мира вокруг мужа, его жизни, его интересов, что для них просто перестают существовать все другие мужчины.

Европейцы, не знающие этой страны и этого народа, часто удивляются тому, что индийские женщины — «ну как бы вам сказать? — неконтактны, что ли, не реагируют на присутствие мужчин, оно их как бы совсем не задевает». Очень верно. Именно не задевает.

Они любят красиво одеться — для мужа. Они хоят свою кожу, свои волосы, сурмят глаза, окрашивают красной краской пробор в волосах, надевают украшения — для мужа. Они учатся петь и танцевать — для мужа. И если муж жив и здоров, если он предан

семье, — а это правило, исключения из которого очень редки, — женщина счастлива, она ничего больше не желает, ни к чему не стремится.

Муж дан богом, муж — это судьба, мужа нашли родители и отдали ему свою дочь в соответствии с древнейшими обычаями, мужа она ждала с детства, зная, что только его одного она должна любить, только к нему стремиться. Традиция говорит, что муж — это все, это вся жизнь, это бог на земле, это та половина женщины, без которой она не человек, не личность, ничто.

Бывают и у индийских девушек детские увлечения, но редко и недолго. Только в городах, в семьях европеизированной интеллигенции эти увлечения могут кончиться браком. Да и то не всегда. А правилом являются браки по выбору родителей, и именно этого выбранного не ею мужа девушка готовится принять со всей полнотой первого — и последнего — чувства, со всей преданностью и покорностью.

До сих пор — и часто даже в городах — молодые впервые видят друг друга в день свадьбы.

Я бывала на многих свадьбах, и женщины семьи всегда приглашали меня взглянуть на невесту. Заходишь в комнату, видишь в окружении подруг и сестер ярко одетое и богато украшенное существо, с лицом, завешенным гирляндами цветов, дождем ниспадающих со свадебной короны. «Подойдите, посмотрите на нее», — просят все.

Подойдешь, откинешь цветы с ее лица и встретишь прелестное юное личико и глубокий взгляд, исполненный огромного внутреннего волнения.

На лоб вдоль бровей нанесена краской линия из точек, которая обводит глаза, спускается на щеки, обходит их мягкий контур и завершается на подбородке.

В крыло носа продето тонкое золотое кольцо с жемчугом или драгоценными камнями, с пробора на лоб свисает золотая розетка, тяжелые сверкающие серьги бросают светлые блики на щеки, шея и грудь скрыты под блестящими украшениями, глаза смотрят серьезно и испуганно — трогательный и для наших дней слегка фантастический образ невесты.

Она не видит подарка, который ей приносишь, от волнения и усталости она не видит и не чувствует ничего вокруг. Наступил самый важный, самый ответственный момент в ее жизни — ее отдают мужу.

Отдают навсегда, безвозвратно, без права на расторжение брака. Ее растили и воспитывали только для этого, ее готовили только к этому.

Вот наступает вечер. Темнеет. Сейчас свершится воля богов и судьбы. Кого ей избрали? Кому ее отдают? Ведь навсегда, навсегда!

Доносятся звуки музыки, дробь барабанов. Едет! Едет за ней!

Жених по обычаю должен приехать на коне в сопровождении своих родных и друзей. И обычно так он и приезжает. Поезд жениха движется медленно-медленно. Впереди идут оркестранты в ярких мундирах и тюрбанах. Музыка звучит непрерывно. За ними несколько друзей жениха движутся в танце (иногда, впрочем, танцоров и нанимают), затем в окружении нарядной толпы своих близких едет украшенный цветами и золотыми гирляндами жених в свадебной короне. Конь белый, с плюмажем и тоже весь украшенный и в раззолоченной наборной сбруе.

Перед женихом на седле почти всегда сидит мальчик — младший его брат или племянник. Он является символическим участником свадебного обряда. Его присутствие означает, что в случае смерти жениха он ста-

нет мужем девушки и в дальнейшем тоже обязуется заменить ей мужа, а ее детям — отца.

Надо сказать, что это не только символ. Древний обычай братской полиандрии, когда несколько братьев становились мужьями одной женщины, доныне жив в Индии и иногда практикуется в среде так называемых низких каст. В среде же высоких каст сохраняется только обычай привозить с собой на свадьбу младшего мальчика семьи. В штате Керала и сейчас известна полиандрия.

Так едет жених. Часто он держит в руке меч — тоже символ того, что он с боя возьмет невесту, победив всю ее мужскую родню. И так было когда-то — отбивали, умыкали, брали силой. Индийцы в большинстве своем не признают такой формы брака, но и запрета на нее нет. Иногда она встречается у некоторых племен и сейчас.

Над женихом несут зонт на длинном шесте. Зонт — знак царской власти, знак власти вообще. А вокруг процессии, и впереди нее, и в ее рядах идут люди-лампы, живые подставки, на головах которых ослепительно сияют карбидные лампы. Лампы нарядны, обвешаны блестящими и звенящими подвесками, они многоэтажны, они возвышаются на головах своих подставок, заливая светом все вокруг, они пылают во тьме белоснежными факелами. Людей-подставок не видно. И не должно быть видно. Лампы — это праздник. Залитая их светом нарядная толпа — это праздник. А худые босоногие ламповщики, всегда закутанные в серую ткань — мужчины, женщины, мальчики, — к празднику отношения не имеют. Они рады заработать на всю свою группу несколько рупий и идут, незаметные, тихие, безликие, несут на головах фонтаны света. Их не замечают. Их нет, есть лампы.

Медленно-медленно идет ярко озаренная процессия. Вот она вступает на улицу, ведущую к дому невесты. Или к тому дому, который снят под свадьбу. В любом случае этот дом виден издали благодаря истинному чуду индийского декоративного мастерства — деревьям и кустам, унизанным разноцветными лампочками. Во мраке ночи, на фоне черного неба, эти деревья подобны застывшим фейерверкам, искрам огромного костра, которые вдруг остановились в воздухе, оцепеневшим брызгам цветных фонтанов. Это так красиво, что и не расскажешь.

Двор обнесен оградой из многоцветной ткани, а ворота, тоже изготовленные специально для свадьбы, представляют собой арку, от земли и до вершины сплошь обвитую розовыми или белыми гирляндами из бумажных или нефлоновых розеток. Это похоже на ворота, ведущие прямо в рай.

Все пышно, празднично, нарядно, незабываемо.

Дробь барабанов все ближе и ближе. Уже за забором, уже во дворе. Уже по стенам комнат заметались отблески ламп. Он приехал!

Его встречает, обнимает отец невесты, ведет к гостям. Все оживленно болтают, все рады и довольны.

Во дворе приготовлен пандал — специальный помост под навесом. Шесты навеса перевиты яркой фольгой и гирляндами цветов. Здесь они сядут рядом и брахман проведет весь обряд, в котором будет много-много разных обязанностей у родителей жениха и невесты, а если нет родителей, то у старших братьев и их жен.

Надо будет по указаниям брахмана в должный миг и в сопровождении должной молитвы омыть ноги жениху и невесте, окрасить их красной краской, надеть на пальцы ног серебряные обручальные кольца, дать жениху и невесте вкусить топленого масла и т. д. и т. д. Для них со-

вьют особый шнур и свяжут их друг с другом. Им поставят красные знаки на лоб, и жених семь раз обведет невесту вокруг священного огня. Они наденут друг на друга гирлянды из золотой фольги, и обряд будет закончен.

Она войдет в его семью навсегда.

Мне могут сказать: ну хорошо, но ведь это описание свадьбы в зажиточных семьях, а как среди других слоев населения?

Свадьбы в любой семье в Индии — событие перво-степенной важности, и каждый отец сделает все, что от него зависит, чтобы отпраздновать ее достойным образом и не вызвать нареkania ни со стороны своей и новой родни, ни со стороны членов своей касты или своих соседей.

Была я как-то на свадьбе в касте козых пастухов в Махарастре. И тоже не забуду той огромной толпы ее участников, которую должны были принять и накормить хозяева. Когда мы приехали и увидели переулок, весь завешанный гирляндами цветных лампочек, то в нем была такая масса народа, что не только проехать, а и пройти, казалось, будет невозможно. Под ногами, на земле стояли и тихо шипели ослепительные карбидные лампы — необходимейшая принадлежность каждой свадьбы, а между ними носилась такая туча детей, что было непонятно, как они не устроят пожара от этих ламп и даже не опрокинут ни одной.

Совершенно особенное впечатление произвели на меня здесь, как и всегда, наряды и грим многих участников свадьбы.

Вот перед нами родня жениха и невесты.

Все они выглядят просто устрашающе — у всех лица, головы, плечи по обычаю осыпаны красным порошком, словно кровью политы. У отца жениха лоб густо

смазан красной пастой и присыпан серебряными блестками, а у отца невесты лицо разделено пополам — левая половина выкрашена красным, а правая обычного цвета, хотя, правда, нос целиком красный. Они радостно сияют крупными белыми зубами и похожи на двух веселых людоедов. Но вместо того чтобы меня съесть, они венчают меня душистыми гирляндами и ведут к молодым. Те неподвижно сидят на стульях на высоком помосте под традиционным навесом. Все вокруг бесконечно счастливы, галдят, толкаются, смеются, прогоняют детей, которые тут же опять собираются стайкой, разглядывают жениха и невесту, разглядывают меня. На головах молодых возвышаются бумажно-фольгово-цветочные короны, вдоль щек свешиваются гроздья цветов, на шее висят цветочные гирлянды, бусы и подвески. Лоб молодой смазан красным, а над линией бровей до самых ушей идет, как принято, серебряная полоска. В нос уже вдето украшение замужней женщины — довольно массивная серьга, а шею обвивает традиционная для Махараштры «мангаль-сутра» — нитка черных и золотых мелких бусинок с двумя золотыми полушариями посередине. К краю ее сари привязан шелковый белый шарф, перекинутый через плечо жениха. На второй палец каждой ее ноги надеты гладкие серебряные обручальные кольца. Все это говорит о том, что невеста отдана мужу и принадлежит ему до гробовой доски без права на развод, без права сделать хоть один шаг по своему усмотрению.

И вот здесь подвергается серьезнейшему испытанию добронравие и сдержанность, привитые ей с детства. Как, впрочем, и такие же качества ее новой родни, потому что индийская семья очень легко может обернуться самой страшной тюрьмой для женщины.

Только вошедшее в плоть и кровь умение сдержи-

вать раздражение и нелюбовь могут помочь свекрови подавить в себе ревнивую неприязнь к жене сына и не очень обижать ее. Невестка в индийской семье является самым незащищенным существом. Обычное право отдает ее в полную власть свекрови. А если она выходит за младшего в семье, то и женам старших братьев мужа.

До сих пор в подавляющем большинстве случаев индийская семья состоит из родителей, их женатых сыновей с женами и детьми, неженатых сыновей и незамужних дочерей. Все они живут вместе. Иногда человек по пятьдесят. Мужчины отдают родителям весь свой заработок, и свекровь определяет, на что и как надо тратить деньги. Если свекровь недостаточно добра, чтобы побаловать невестку подарком, та должна обходиться тем, что получила в подарок на свадьбу да привезла из родного дома. Если свекровь не считает нужным привлекать невестку к обсуждению бюджета семьи, к вопросам воспитания и обучения детей и ко всем другим проблемам жизни, невестка будет жить как бесплатная прислуга, проводя свои дни у очага, у детской кроватки, у посуды и не имея права голоса ни в чем. Найдут нужным отослать детей к каким-нибудь родственникам, отошлют. Найдут нужным взять для ее мужа вторую жену, возьмут.

Только несколько лет назад был принят, например, закон о том, что вдова имеет право на часть имущества покойного мужа, а до этого вдова пожизненно должна была служить прислугой из прислуг в доме родственников мужа. Все презирали, угнетали ее, так как по традиции считается, что в одном из своих прежних перерождений она так грешила, что боги покарали ее теперь, отняв у нее мужа. Если она возвращалась в родную семью, то и там обычно было не слаще, потому

что те же вопреки она слышала и от своих родных и от жен своих братьев. К тому же, уходя в свой дом, она должна была оставить детей у свекрови, а какая же женщина пойдет на это? В случае такой горькой доли женщине помогает выстоять только бесконечная преданность мужу и умение все прощать, подавлять в душе естественный протест. Ну, а если не сможет выстоять, что тогда? Перед молодой женщиной, душа которой еще не успела сложиться и окрепнуть для таких испытаний и которая не способна к строжайшему самоконтролю в своих отношениях со свекровью, открывается страшный путь к глубокому колодцу или к горючей смеси, заготовленной в доме для ламп. В городах теперь колодцев нет — есть водоразборные колонки. Поэтому те, кто не выдерживает домашней травли, обычно обращаются к горючей смеси.

Настоящая эпидемия самоубийств молодых женщин прокатилась в конце 1950-х годов по Саураштре — южной части штата Гуджарат. Они сжигали себя заживо, они бросались в колодцы и под поезда, они не оставались в выборе средств, используя свое скорбное право избрать самостоятельно хотя бы вид собственной смерти.

Джавахарлал Неру, взволнованный этими страшными событиями, приехал в Саураштру и обратился к населению с призывом сохранять во взаимоотношениях в семьях доброту и терпимость. И тут же добавил с горечью, что на месте любой из этих молодых женщин он бы не стал накладывать на себя руки, а стал бы бороться за свои права.

Об этом постоянно вспоминают в Индии и сейчас. Особенно молодые женщины.

К счастью, к великому счастью, такие тяжелые отношения в семье не могут быть названы правилом. Крот-

кие, работающие, терпеливые невестки, особенно те, кто «сумел» родить сына, все же являются обычно радостью семьи. По-настоящему плохо приходится бездетным женщинам — их обычно довольно скоро заменяют новыми женами. Ступенью ниже тех, кто «умеет» рожать сыновей, стоят те, кто рождает девочек. Поскольку же обычно имеют по многу детей, то с годами появляются и мальчики и девочки, и женщина-мать занимает в семье свое прочное место.

Но не только от жены требуется покорность мужу и безмерная преданность ему. Мальчики тоже растут в сознании того, что со временем станут мужьями. Все индийские религии предписывают соблюдение целомудрия до брака. И целомудрие почти всегда соблюдается в ожидании жены — той, которая подарит ему детей.

Чистота отношений в среде индийской молодежи поражает европейцев. Городская молодежь из интеллигентных слоев учится, а до окончания обучения древняя традиция воспрещает всякое общение с женщиной и даже мысли о ней. Те же, кто не может учиться, а работает, живя в семьях, воспитываются все в таком же духе — в ожидании своего брака.

«Вы, европейцы, любите и женитесь, а мы, индийцы, женимся и любим». Это верно. Так это и есть. В большинстве случаев.

А в меньшинстве? — спросите вы. Ну что же, в меньшинстве бывает все.

Иногда на улицах встречаются юные существа, всем своим видом, каждым движением и каждым поступком стремящиеся показать, что они безумно «прогрессивны». Безвкусный грим, наимоднейшие прически, разнузданная походка и — почти в обязательной комбинации со всем этим — пренебрежение к собственной национальной культуре:

Что же поделывать, бывают и такие продукты — или отходы? — широкого обмена культурными ценностями между Востоком и Западом.

Такую молодежь нельзя обвинить в излишней скромности — буржуазное мещанство нигде в мире этим не страдает. Здесь у девочек считается шиком показать, что они умеют пить, курить и развязно садиться к мальчикам на колени. Поведение на грани распутства кажется им критерием личной свободы и эталоном независимости «на европейский лад». Но, к счастью, их очень мало.

Их нравственное убожество особенно контрастно вырисовывается на фоне поведения нормальной учащейся молодежи.

Какая это замечательная молодежь! Почти каждый студент или студентка состоит членом какой-нибудь организации или какого-нибудь общества. Они переписываются с молодежью других стран, занимаются коллекционированием, спорят о развитии национальной литературы и искусства, издают множество молодежных журналов, газет и так называемых сувениров — журналов эпизодического характера, публикуемых по случаю того или иного события. Они собирают средства на проведение фестивалей, встреч, конкурсов, состязаний поэтов и музыкантов и т. п. Их жизнь наполнена до краев. Они воспринимают самих себя как будущее собственной страны, им до всего есть дело.

Присматриваясь внимательно к жизни индийской семьи, видишь, что нельзя сбрасывать со счетов ее бесспорно положительные стороны.

Молодежь, выросшая в атмосфере прочных семейных отношений и взаимной любви и уважения между родителями, продолжает развивать традиции добрых отношений в семье. Авторы книг об индийской семье всегда с ужасом подчеркивают невозможность развода по же-

ланию жены. Но практически и разводов по желанию мужа тоже не бывает. Не бывает, во-первых, потому, что каждый мужчина с детства приучен смотреть на свою будущую жену как на необходимую и неотъемлемую часть своего существа, без участия которой все дела жизни, по традиционной вере, являются недействительными и бесплодными. Брак считается актом религиозным, и для обеих сторон в равной мере его расторжение в высшей степени нежелательно. Во-вторых, жена является матерью его детей и заслуживает поэтому благодарности и всемерной поддержки, так как потомство — это залог вечности, это гарантия совершения поминальных церемоний, без которых невозможно спасение души. Итак, как я уже упоминала, только бездетную женщину муж может отослать обратно к отцу. В-третьих, общественное мнение, которое в жизни индийского общества играет огромную роль, всегда восстанет против развода и осудит и покроет позором всю семью, всю родню мужа, если он его осуществит.

Вот так и получается, что индийская женщина, пока жив муж, обычно не очень печалится. А уж если, как это теперь бывает довольно часто в городах, молодая семья ведет жизнь отдельно от большой семьи, то жене редко приходится скорбеть из-за плохих отношений в семье, так как плохие отношения с мужем почти невыносимы, а уж непочтение со стороны детей просто невозможно.

До освобождения Индии женщина знала только кухню и женскую половину дома. Только в среде безземельных батраков да бедных арендаторов бывали семьи, где женщина работала в поле наряду с мужем. За последние годы положение резко изменилось. Очень большое число женщин в городах стало работать. Женщина — учительница, врач, адвокат и даже инженер теперь далеко не редкость. Не говоря уже о женщинах — общест-

венных деятельницах. И это поднимает женщину, увеличивает уважение к ней мужа, делает семью еще прочнее.

Но, несмотря на свою материальную независимость и свое собственное общественное лицо, индийская женщина помнит, что «речь жены, обращенная к мужу, должна быть сладостна и благоприятна»...

Впрочем... Такое же требование предъявляет древний обычай и к мужчинам. Так что ссоры, сопровождаемые резкими взаимными упреками и злыми колкостями, а тем более грубые ссоры в индийской семье действительно очень редки.

ПЕРЕЖИТКИ В ДЕЙСТВИИ

Пережитки феодализма. Пережитки рабовладельческих отношений. Пережитки родоплеменного строя. Пережитки матриархата. Каких только пережитков не находят в жизни индийского народа! Но самое интересное, что все эти пережитки действительно существуют и разгуливают среди современных явлений жизни рука об руку с ними, как их ровня.

Был у нас свипер, то есть уборщик, метельщик, которого звали красивым и мечтательным именем Кришанлал. Был он чрезвычайно мал ростом, имел длинный нос, длинные ресницы и застенчивые глаза. На его губах всегда играла улыбка Мюны Лизы — лукавая, грустная и непонятная. А еще он имел обыкновение тихонько петь тонким голосом какие-то печальные песни, когда передвигался на корточках по полу, подметая его или вытирая.

Среди наших свиперов он был главным, и когда он сердился на них, то, бывало, и бил кого-нибудь. И ничего. Те молча все сносили, признавая его авторитет. Но вместе с тем в нерабочее время они над ним подсмеивались и намекали на разные его несовершенства и беды.

Мне нравился Кришанлал, и почему-то всегда он казался мне несчастным. И только много позже, когда я узнала его историю, я поняла, почему жалела его.

Он рано потерял родителей, и в соответствии с древним обычаем отца заменил ему брат его матери (пережиток номер один: когда-то в глубокой древности, когда семьи возглавлялись женщинами и счет родства велся по материнской линии, брат женщины считался, так сказать, юридическим отцом ее детей).

Итак, этот чача (то есть дядя) воспитал своего племянника паравне со своими детьми. Когда мальчик подрос, чача опять же в соответствии с древним обычаем нашел ему жену (пережиток номер два: испокон веков в Индии рядовой человек не имеет права сам жениться — он должен стать мужем той девушки, которую найдут для него родители).

Чача взял на себя все свадебные расходы и внес выкуп за девушку (пережиток номер три: в низких кастах обычно за девушек вносятся выкуп, чем как бы покупается в семью работница, а в более высоких стараются повысить приданое девушки за образованного мужа и обычно стараются прельстить его большим приданым).

Так Кришанлал женился.

Неизвестно по каким соображениям чача подобрал для маленького и невидного племянника крупную здоровую девушку, которая скорей была под стать ему самому, так как он был высок и широк. Не прошло и полугода как члены местной касты свиперов (пережиток номер четыре и самый крупный: повсеместно еще соблюдается деление на касты) узнали, что жена Кришанлала стала одновременно и второй женой его чачи (пережиток номер пять: от глубокой древности, от времен группового брака сохраняется и иногда вступает в силу обычай иметь несколько жен, да еще к тому же завязывать брачные отношения с женами других мужчин семьи).

Вскоре она вообще предпочла чачу своему мужу,

и Кришанлал снова остался один. Он уехал из деревни и стал работать в Дели.

Прошло несколько лет. Чача, накопив денег, снова женил племянника и снова выбрал для него высокую цветущую девушку. И снова члены касты узнали, что жена Кришанлала вскоре после свадьбы ушла к его чаче. Бедный Кришанлал подал жалобу в панчаят своей касты в той деревне, где жил чача (пережиток номер шесть: выборный совет касты — панчаят — доньше строго следит за поведением всех ее членов и карает их за нарушение обычаев и кастовых предписаний).

Панчаят разобрал жалобу, признал ее справедливой и повелел чаче вернуть жену племяннику.

Чача не посмел ослушаться панчаята — никто не смеет — и вернул жену. Кришанлал был счастлив несколько недель. Но вдруг его чача надумал приезжать из деревни и предъявлять свои брачные права на его жену у него в доме.

Старших полагается уважать, старшим полагается уступать — Кришанлал терпел довольно долго такое положение вещей, и неизвестно, сколько времени просуществовала бы эта странная семья, если бы жена опять не сбежала вместе с чачей в деревню.

Вскоре Кришанлал попросил отпуск на несколько дней, сказав, что едет судиться с чачей, и уехал. Панчаят вторично велел вернуть жену, но чача на этот раз отказался. Тогда панчаят повелел членам касты объявить ему бойкот (пережиток номер семь: до сих пор особенно в деревнях члены разных каст так прочно связаны узами взаимного обслуживания, что вне этих рамок человек не может найти применение своему труду. Если объявляется бойкот, для него наступает гражданская смерть).

Не выдержав бойкота, чача переехал в другую местность, увезя с собой всех своих жен.

Тогда Кришанлал опять попросился в отпуск и уехал на неделю.

И тут мы получили по почте удивительный документ — коллективное письмо всех наших свиперов, в котором они просили не давать больше отпусков Кришанлалу, потому что он ездит в деревню для того, чтобы продавать свою жену (пережиток номер восемь: муж, недовольный своей женой, может по древнему обычаю вернуть внесенный за нее выкуп, перепродав ее кому-нибудь другому). Они писали нам, что мы должны запретить ему заниматься такими делами и что они вообще «против того, чтобы продавать леди».

Когда Кришанлал вернулся, мы стали осторожно спрашивать его, чем же дело кончилось. Он отмалчивался, глядя в сторону из-под своих длинных ресниц, и улыбался лукаво и печально. Так мы и не выяснили ничего.

Месяца через два его жена вдруг вернулась к нему, да еще привезла с собой новорожденного сына. Радости Кришанлала не было пределов — ведь неважно, чей это сын, он будет его сыном, если это сын его жены, да, видимо, к тому же и его родного дяди (пережиток номер девять: опять же со времени группового брака сохраняется в индийских семьях отношение ко всем детям семьи как к своим собственным, и ответственность за них поровну делит все поколение отцов и матерей).

В первый раз я увидела, что Кришанлал поет весело и живо, а когда говоришь с ним, смотрит прямо в глаза и улыбается уже не как Монна Лиза, а во весь рот.

Возле двери дома стояла жена с ребенком на руках — все могли это видеть, — и он ощущал всю полноту жизненного счастья.

Гром снова ударил над его головой, когда сыну ис-

полнилось месяцев восемь. В один прекрасный день Кришаилал не вышел на работу. Свипер, которого мы послали к нему, прибежал и сказал, что он лежит, посыпавшись пеплом, и не хочет больше вставать, а жена опять ушла к чаче и ребенка забрала.

Он встал потом, бедняга, и начал работать, как всегда, — ну что ему еще оставалось делать? Но в знак печали он больше не прибирал у себя в комнате, не надевал чистой рубахи и не стригся.

И уже с тех пор в часы уборки в доме слышались только жалобные, стонущие песни, которые на всех нагоняли тоску.

Я часто вспоминаю этого беднягу, и он кажется мне мухой, попавшей в липкую сеть пережитков, проникших в современную жизнь от давно ушедших людей, из давно миновавшего образа жизни.

ТЕЧЕТ ДЖАМНА

На берегу древней Джамны, которая несет свои воды мимо Дели в течение тысячелетий, течет своя жизнь, жизнь молитв и религиозных церемоний. Эта жизнь, как и сама Джамна, не менялась в течение тысячелетий. Сюда люди приходили молиться своим богам уже тогда, когда Дели, по преданию, носил гордое и прекрасное название Индрапрастхи — столицы великих и непобедимых героев древности, пяти братьев — Пандавов. Здесь стояли храмы и во времена кровавых битв со многими и многими захватчиками, врывавшимися в Индию с севера и запада, чтобы захватить Дели — крепость страны, город, многократно воскресавший из праха, центр сильнейших империй, ключ к овладению всей территорией Индии.

Сюда, на берег священной реки, из года в год, из столетия в столетие в дни праздников стекались паломники, чтобы совершить омовение, принести жертву утреннему солнцу.

Много раз сменялись правители на делийском троне, но жизнь простого народа не менялась. Он продолжал упорно цепляться за веру своих предков, видя в ней единственную поддержку, единственное прибежище. Он тоже жил своей жизнью безымянных героев, созидателей, великомучеников и фанатиков, он сражал-

ся в армиях всех императоров, погибал в стихийных и бесплодных восстаниях, возводил дивные города и умолял богов о помощи во всех случаях, когда не мог помочь никто на земле, а из таких случаев складывалось все его существование.

Вера предков была незыблема и особенно — вера в богинь-покровительниц. Она передавалась из поколения в поколение без изменений и повешеств. Те, кто сменил ее, приняв другое вероисповедание, вообще ушли из ее лона и почти забыли ее заветы, но те, кто сохранил ее, хранили со всем рвением детей, верящих, что мать спасет от любой беды. Слово «мать» прибавлялось к имени каждой богини, и таких богинь-матерей у индийского народа столько, сколько деревень на индийской земле.

Богини рек, прудов и колодцев, богини дорог и перекрестков, богини болезней и страхов, богини угрожающие и благие, милостивые и карающие царили в душах людей и в храмах, требуя безоговорочной веры и почитания, готовности приходить в ужас и приносить жертвы.

Древнейшие эти культы живы и сейчас. Простой народ стекается к храмам богинь, жажда, веря, умоляя и надеясь...

Я как-то приехала в храм богини Кали на берегу Джамны. Цветные флажки на высоких шестах развеваются у ворот этого храма, выходящих на людное шоссе. По одну сторону ворот проносятся тысячи современных автомобилей, по другую — стоит простой глинобитный дом под соломенной крышей — храм Кали. Перед ним во дворе крытый алтарь — часовенка с изображением богини, и перед этим алтарем взрыхленная земля — место, где приносят кровавые жертвы — режут козлят и петухов. В самом храме тоже изображе-

ние богини — черная многорукая статуя в ожерелье из черепов и с высунутым языком — и масса мелких статуэток у ее ног и яркоцветных литографий по стенам, изображающих других богов индуизма.

Страшные белые глаза горят — в пустые глазницы вставлены электрические лампы. Прихожане сидят на земляном полу перед жрецом — длинноволосым плотным мужчиной лет пятидесяти, и с непоколебимой верой исполняют все, что он велит. Подходят к нему поочередно, пьют воду, которую он наливает им в ладони, излагают в двух-трех скудных горьких фразах суть своей беды и, словно истинное озарение, словно божественную панацею от всех скорбей, повторяют слова короткой молитвы, которые он казенно выбалтывал привычной скороговоркой. Этот жрец считается великим святым, мне сказали, что ему уже сто пятьдесят лет и что он ничего никогда не ест (тут я бросила беглый взгляд на упитанное тело жреца). Один из молящихся сказал нам, что нет того горя, от которого не смог бы избавить этот святой, что к нему приходят не только жители Дели, но и люди из других городов и что лет десять тому назад он еще вкушал земную пищу, но только то, что откусывала от лепешки или плода змея, которую он якобы всегда носил вокруг своей шеи.

Я села на пол у ног богини Кали и долго следила за тем, как все новые и новые молящиеся подходят к жрецу, кладя посылную лепту в металлическую тарелку на алтаре, и с жадной готовностью воспринимают быстрые слова его божественных откровений.

Я думала: может ли такая слепая, абсолютная вера способствовать выздоровлению, победе, преодолению жизненных трудностей? Не в том ли суть процветания таких жрецов, и таких храмов, и всех религиозных ин-

ституты вообще, что у бедного человека жажда нравственной поддержки так велика, что он опирается на слова жреца и на мистическую суть обряда как на реальную силу? А вера в то, что он обрел силу, помогает ему преодолевать жизненные препятствия или даже заболевания. Ведь нужен один такой случай, чтобы тысячи устремились к тому же источнику спасенья.

Так и не иссякает этот религиозный экстаз в душах миллионов бедняков Индии...

Каждую религию нужно было принимать всю целиком. А те, кто не хотел или не мог принимать всю, становились сектантами. Их преследовали, сжигали на кострах — или они сами себя сжигали. Каждая религия требовала особого к себе отношения, особого расположения духа. А если не было этого отношения и расположения, то полагалось и полагается его изображать. Каждая религия в той или иной мере приучает верующих к лицемерию, и поэтому против каждой религии искренние люди поднимают бунт, призывали к чему-то, что более соответствовало их внутренней прямоте и правде. И рождались новые вероучения, которые снова надо было или принимать целиком, или фальшивить. Троны религий постоянно раскачивались, и прежде всего их расшатывало требование принятия всей религии, всего массива вероучения в целом.

Не таков индуизм, этот сложнейший религиозно-философско-социальный комплекс. Индуизм не система, а набор систем, не философия, а комплект философий, это даже не вероучение, а механическое соединение самых разных вероучений, не догма, а целая россыпь догм. Каждая общественная группа и даже каждая отдельная личность может почерпнуть в нем для себя то, что соответствует укладу ее жизни, ее внутренней сущности, ее целям и запросам. Религиозных обрядов предписано и

описано в индуизме такое множество, что каждый верующий может выбрать для исполнения любую. Если он не склонен к этому, он найдет в индуизме же предписанный путь жизни безо всяких обрядов, путь созерцания и размышления. Людям, по натуре своей склонным к экзальтации и иступленным проявлениям фанатизма, индуизм может предложить целый ряд культовых отправлений, невозможных без фанатического экстаза, а тем, кто склонен видеть в богах членов своей семьи или мало замечаемую принадлежность повседневной жизни, он говорит: «Боги — это вы, они присутствуют в каждом проявлении вашей жизни, не уделяйте им специального внимания».

Индуизм никогда и ни от кого не требовал, чтобы его принимали целиком и безоговорочно. Отрицание одних богов во имя других — это индуизм. И даже отрицание всех богов во имя абстрактной идеи божества — это тоже индуизм. В древних религиозных гимнах проросли первые семена научной мысли и получили свое развитие в комментариях к этим религиозным гимнам. В религиозных же гимнах отразилось и зарождение атеизма. И все это вошло в понятие индуизма.

Религиозно-сектантские вероучения, отвергавшие те или иные догмы индуизма, тоже с течением времени вошли в состав индуизма. Он очень многогранен, многочленен, лишен единой формы, не может быть уложен в единую систему, и в этом его поразительная приспособляемость и гибкость, в этом залог его неистребимости в течение такого огромного исторического периода.

Бывала я много раз на луджах — церемониях почитания божества. И в храмах, и в домах, и в молельнях, и просто на улицах. И всегда меня поражала та особенная атмосфера непринужденности в обращении со святынями, которая характерна для индуизма. Шла как-

то Вишну-пуджа, то есть богослужение, посвященное Вишну. Это демократическое божество. В эпоху средневековья Вишну был знаменем антикастового движения бхакти. На его праздник обычно приглашают и слуг, и всех соседей. Мы все сидели — кто на стульях, а кто на полу — вокруг алтаря. Алтарем служила низкая скамеечка, к ножкам которой были привязаны зеленые побеги банана, здесь же стояла медная чаша с маленьким светильником, рисом, цветами и чем-то еще, лежали кокосовый орех и цветы. Рядом на полу стояли крохотные сосудики с цветными порошками, с жидкостями, сладким прасадом — жертвенной пищей. Перед алтарем на еще более низкой скамеечке сидел брахман, главный пуджари. Священный шнур был переброшен через его левое плечо. Лицо у него было самое светское — он улыбался, живо смотрел вокруг, разговаривал с присутствующими о совсем посторонних вещах. За его спиной на полу сидел молодой брахман — его ученик, младший жрец, перебирая листки санскритских молитв — мантр. Он их читал почти так же, как в наших церквях читают евангелие. Тот же речитатив, те же распевы на концах абзацев, те же интонации. Если закрыть глаза и не смотреть вокруг, то можно легко себя вообразить в русской церкви.

В разгар молитвы пуджари вдруг обратился ко мне и спросил на хорошем английском языке:

— Вы были в Агре? Я из Агры.

Мы поговорили об Агре, и в разговоре приняли участие почти все присутствующие, а младший жрец продолжал в это время читать мантры.

Отношение к богам самое домашнее. Все естественно, просто, как в своей семье, без выпрененных чувств и слов. В любую минуту можно прервать молитву, в любую ми-

нуту начать снова — боги не осудят. Кто хочет — разговаривает, кто хочет — улыбнется или засмеется, а потом опять молится, никто не посмотрит с укором.

А однажды меня пригласили в храм Шивы на пуджу, которую устраивали специально для меня.

У каменного фаллоса — символа бога Шивы, называемом шивалингам, сидел пуджари, молился за меня. Прерывая молитву, деловито объяснял, что я должна делать: вот сейчас посыпать на изображение бога красный порошок, а сейчас — лепестки цветов, а затем — трилистную траву билва, посвященную Шиве. Опять молился. Из сосуда, висевшего над шивалингамом, тонкой струйкой тихо лилась вода и стекала по желобку. Время от времени кто-нибудь из присутствующих собирал ее в ладонь, плескал на губы, смачивал лоб, волосы. Все вдруг начинали о чем-то постороннем болтать, смеяться, втягивались в разговор и пуджари, отрываясь от молитв, он тоже смеялся, шутил, потом опять молился как ни в чем не бывало. Затем в общем помещении храма меня попросили обратиться к присутствующим.

— Да помилуйте, о чем же я здесь могу говорить! — удивилась я.

— А о чем хотите. Все эти люди пришли послушать вас. Вот вам микрофон, расскажите что-нибудь о вашей великой стране. И что у вас знают об Индии.

И я выступила в этом храме, как много раз до этого приходилось выступать на митингах, в колледжах, на заводах. Слушали внимательно и задали потом много вопросов. И устроили для меня концерт. Тут же в храме.

Как-то я купила на базаре литографии, изображающие богов и героев разных мифов. Лежали они у меня на столе. И вот однажды набилось ко мне в комнату множество хозяйских и соседских детей. Они мгновенно расхватили эти картинки и сели их рассматривать.

Я слышала, как они тихонько называли имена всех без исключения персонажей, изображенных на этих картинках, споря о том, кто лучше и полнее произносит все их имена и титулы. Они без запинки разъяснили мне содержание всех литографий. Национальная культура сохраняется в недрах семьи. Те традиции и взгляды, которые женщины прививают детям, остаются на всю жизнь.

Вот, например, отношение индийцев к животным.

В Индии вы нигде не почувствуете того, что животные имеют какие-то другие виды на жительство, чем люди. Раз и навсегда им выдана лицензия на право сосуществования. И не только животным, но и птицам и даже насекомым. Убить или не убить муху или муравья — это даже не вырастает для индийца в нравственную проблему, а просто не существует как проблема. Существует один, всем известный ответ — не убивать. Если проблема и была, то она давно разрешена древними мудрецами, и готовый рецепт поведения выдан людям на тысячелетия вперед. Не убивать! Жизнь священна во всех ее проявлениях. Слово «ахимса» значит «неубийство». Доктрина ахимсы господствует во всех индийских философиях. Есть к ней только одна оговорка, внесенная мудростью жизненной практики, — «без нужды». Не убивай без нужды.

Под этой нуждой понимаются две главные вещи — пища и жертва богам. В этом вопросе нравственная проблема нашла два разрешения: одно — не убивай ни ради пищи, ни ради жертвы богам, а другое — убивай только ради пищи и жертвы. Сторонников первого решения очель много, а в древности было и еще больше — это буддисты, джайны и вегетарианцы разных толков в лоне индуизма. Но сторонниками второго решения являются почти все простые люди Индии, которые верят в любовь богини-матери к живой крови и плоти. Они

приносят и приводят десятки и сотни тысяч петухов и козлят на заклание у подножий ее алтарей в дни праздников, посвященных ей.

В другие дни забивают мелкий скот и птиц уже без религиозных побуждений, а просто для еды. Но не так уж часто.

При этом каждый, кто ест «кари» из баранины или курицы, тут же смахнет муравья со стола на пол, постараясь не повредить его. И вот в этом уже Индия. В этом ее отличие от всех других народов. Здесь нельзя увидеть, как дети мучают животных, чем с таким упоением они часто занимаются в европейских странах. Животно-насекомо-птичий мир живет своей полнокровной жизнью рядом с людьми и вокруг людей, не испытывая перед ними страха. И в целом это очень украшает жизнь.

Течет Джамна...

За храмом богини Кали стоит храм Шивы, а недалеко от него — храм бога-обезьяны Ханумапа, рядом еще храм, и еще, и еще. Вблизи и вокруг них — лачуги, лачуги, лачуги. Это районы бедняков, районы прихожан этих храмов. Здесь живут дорожные рабочие, делийские мусорщики, стиральщики. Здесь же живут и служители шамашана — места сожжения мертвых. Сам шамашан расположен тут же, ниже по течению Джамны.

На этом печальном месте сооружено много невысоких каменных платформ. Некоторые из них под каменными же крышами, опирающимися на четыре столба, некоторые открыты небу. На каждой из платформ — куча золы. И то, что эти кучи не круглой, а удлиненной формы, и то, что в дотлевающих углях можно увидеть белые, рассыпающиеся кости, говорит о скорбном назначении этих платформ.

Умершего, обернутого пеленой и привязанного к но-

силкам. вносят на плечах в ворота шмашана, и как-то сразу становится очень ясно, что это последний этап, что сейчас уже ничего не останется от этого тела, которое пока еще имеет форму человека. Пока еще хранящего свой, единственный и неповторимый облик, свои черты лица, волосы — все свое, в чем билась его жизнь, что знали и любили другие люди...

Тело сносят к реке, окунают прямо на носилках в воду — последнее омовение, — потом отвязывают, сбрасывают верхнюю пелену, — ее заберут себе служители шмашана, — и перекадывают на длинные поленья на одной из платформ.

Отбрасывают с лица край савана, кладут к губам кусочек дерева, смоченный в воде, снова закрывают лицо, присыпают тело землей и воздвигают над ним высокое сооружение из толстых сухих дров, похожее на двускатную крышу. Обкладывают эту крышу сухими щепками и соломой и дают в руки главному плакальщику палку с горящим пучком соломы на конце.

И вот этот человек — обычно самый близкий по мужской линии родственник покойного — должен обойти костер и своей рукой поджечь его со всех сторон.

Европейцам странно видеть, что на шмашане люди зачастую не проявляют горя. Простота и естественность, свойственные индийцам во всем, и в том числе в отправлении любых религиозных обрядов, выступают и здесь с полной непосредственностью. Они более или менее спокойно относятся к зрелищу пожирания плоти огнем, обычно не делают на шмашане скорбных лиц и не разыгрывают печали. Здесь можно видеть, как родственники быстро и деловито совершают все, что велит им долг по отношению к мертвому, и уходят, переговариваясь, или — что совсем уже странно — пересмеиваясь по какому-нибудь поводу.

Я спросила одного нашего друга, как это может быть, что на шмашане родственники могут смеяться во время сожжения тела близкого им человека.

— Вы это видели?

— Да.

— А сколько лет было этому человеку? — ответил он вопросом на мой вопрос.

— Лет шестьдесят — шестьдесят пять.

— Ну конечно, они должны были смеяться. Они радовались.

— Чему, помилуйте?

— Как чему? Тому, что старый человек достиг такой счастливой смерти, — скончался в окружении своей семьи, видя свое потомство живым. Там, наверное, были и его сыновья и внуки.

— Да, но они-то, живые, разве не испытывают горя, лишаясь своего близкого? У нас, например, дети и внуки горько плачут, погребая мать или отца, бабушку или дедушку, которых они любили при их жизни.

— Да? — сказал он. — Как странно! Просто неправдоподобно. Ведь это счастье — умереть, зная, что остаются дети и внуки.

— Вот если умирает кто-нибудь молодой, — продолжал наш друг, — тогда обязательно плачут родные и, главным образом, мать и жена. Или муж.

И я вспомнила, как однажды группа сикхов принесла на шмашан умершую молодую женщину и как зарыдал ее муж, когда стали обкладывать ее тело дровами. Он несколько раз поднимался с земли, подходил к покойной, поддерживаемый другими, стоял на подламывающих ногах возле костра и снова отходил и без сил опускался на землю, чтобы через минуту опять подняться и подойти к телу, которое сейчас, вот уже сейчас сгорит и рассыплется прахом у него на глазах и которое он ви-

**Велосипеды, велосипеды на
всех индийских улицах.**

**Двухколесная «тонга» —
распространенный вид пас-
сажирского транспорта.**

Воловью упряжку можно видеть на любой дороге Индии.

Все грузы индийцы носят на голове.

Семья строительного рабочего
из Харькы.

Отдых таксистов на родине
шахмат.

Тень царит под навесом делийского
торгового центра «Коннотпlesa».

Члены касты
красильщиков
за работой.

Уличный торговец обувью.

Один из этих нищих «выше» другого по касте и не захотел фотографироваться рядом с ним.

О нем мне сказали, что
его наследственная про-
фессия — воровство.

Член насты ювелиров за работой
на улице.

Кожевники,
принявшие
ислам, что-
бы избавить-
ся от поло-
жения не-
прикасаемых.

«Несут невесту» — бенгаль-
ская картинка на шелку.

Молодой муж и его младший
брат приводят в дом ново-
брачную, привязанную к мужу
за край одежды.

Приготовление еды — занятие, отнимающее у женщины почти все ее время.

Новобращные из касты дхангар (штат Махараштра).

Музыканты на свадьбе членов касты козьих пастухов.

Новобрачная со свекровью и братьями мужа.

Изображение богини осы.

Богиня Парвати,
супруга бога Шивы
[южноиндий-
ская бронза].

Бог Мхасоба — плос-
кий камень, покрытый
красным пигментом
[штат Махараштра].

Изображение Кришны и его возлюбленной — пастушки Радхи [слоновая кость].

Кришна-младенец. [Современная литография.]

Нищий, собирающий подаяние именем Кришны.

Изображение священной черепахи на плите набережной в Матхуре.

**Продавец храмовой утвари
в Матхуре.**

**Символы кришнаизма: вверху—
Кришна с любовью кормит коро-
ву и теленка; внизу — изобра-
жение священной коровы.**

Мистерияльное представление
народа бхиллов, изображающее
победу богинь над демонами
зла.

Богиня Дурга, убивающая демона.
[Современная литография.]

Представители Индии в гостях у артистов Центрального детского театра после представления «Рамаяны».

Рама и Сита в окружении богов индусского пантеона. [Современная литография.]

В дни Дасеры повсюду выступают труппы уличных актеров.

На праздник приходят и цыгане с дрессированными животными.

какими силами не может спасти от огня и этой окончательной гибели.

Это было явное проявление горя, неподдельного, бессильного, тоскливого.

Но как эти же люди, способные так остро страдать от гибели одних своих близких, могут полностью абстрагироваться от чувства боли и печали в случае гибели других, это европейцам бывает трудно постигнуть.

Мне не раз приходилось наблюдать это спокойное отношение к смерти. И не только в случае, когда умирали старшие, оставившие потомство, но к смерти вообще.

Туманный догмат христианства о том, что смертью можно поправить смерть, не осушает слез, не заглушает нестерпимой боли, не помогает выдержать удар горя. А индийские философы нашли не одно, а несколько анестезирующих средств, заключили несколько соглашений с безысходностью. Одним из них является то, что рассказано выше, — радость умирающего при виде круга своих потомков. Вторым — то, что они не дают угаснуть одному из древнейших на земле культов — культу предков.

Я не раз присутствовала на шраддхах — номинальных церемониях — и видела, как легко индийцы вызывают в своей душе ощущение реального общения с душами усопших. Совершая множество мелких обрядов, кладя для душ предков на домашний алтарь кусочки плодов, цветы и ароматные вещества, читая молитвы, подобные одностороннему разговору с ушедшими навсегда, вовлекая детей в эти обряды, люди входят в круг иллюзорного контакта с теми, кого больше нет, с такой простотой, как будто этот круг вполне реален.

В одной книге я когда-то прочитала, что умерший человек до тех пор жив, пока его помнят на земле. Вот этого и достигают индийцы, сохраняя древние традиции

совершения шраддх. К тому же у каждой семьи, кроме низкокастовых бедняков, есть свой священнослужитель — брахман, хранящий генеалогические списки, а вместе с ними и разные семейные предания об ушедших навсегда. От такого брахмана каждый член семьи еще с детства узнает о жизни и добродетелях всех родственников по восходящей линии, иногда до десятого колена, а если семья знатна, то и на много столетий назад. Предки этого брахмана служили домашними жрецами предков той семьи, с которой он теперь связан, а его дети и внуки должны будут выполнять эту функцию для детей и внуков этой же семьи. Поэтому уважение к домашнему жрецу и привязанность к нему всегда очень велики. Он гуру, духовный учитель, наставник, хранитель семейных традиций, посредник в общении с богами и душами предков, свершитель всех обрядов и церемоний. Без него практически немыслима жизнь индусской семьи. И вот он-то и является главным лицом, поддерживающим в своих клиентах с детства и до старости мысль о том, что умершие не умерли и что надо всю жизнь служить их вечным душам, помогая им пребывать в блаженстве.

Все это память. Живая память о тех, кто ушел.

Кроме культа предков, существует еще вера в переселение душ. Цикл возрождений, «возвратов» на землю, практически бесконечен. Эти возвраты могут быть карой и могут быть наградой. Если своими делами заслужите наказание в будущей жизни, вы будете возрождены в виде осла, собаки или червя и будете влачить жалкое существование во искупление своих грехов. Если же ваша жизнь праведна, вы сможете вернуться в облике еще более праведного человека и даже брахмана — «высшего среди живых существ».

Так сказано в священных книгах. В это верят. А значит, к чему бояться смерти, ведь она не навек.

У этой философии есть еще одна хорошая сторона — она настойчиво призывает к тому, чтобы человек вел себя на земле как Человек.

Что же касается примирения со смертью, то эта цель в значительной мере достигается. Хотя в идеале индийских философий должна быть достигнута другая цель — навсегда избавиться от перерождений, добиться того, чтобы душа стала совершенной и навеки слилась с Мировым духом, с Брахманом, который един, неделим, вечен, спокоен и незыблем и служит началом всех начал, основой всех основ, ядром всего сущего. Но считается, что это слияние может быть достигнуто путем такого сложного самоусовершенствования, такой невероятно трудной тренировки духа, такого подвижничества, что мало кто из смертных к нему способен. Поэтому такой путь предоставляется обычно избранным душам. Простые же люди стараются жить так, чтобы возродиться в виде какого-нибудь хорошего существа, и, умирая, верят в то, что вернутся. И близких успокаивает та же мысль.

И течет Джамна...

ГОРОД-ЛЕГЕНДА

А выше по течению Джамны стоит Матхура—город-сказка, город-легенда, город, насыщенный преданиями до такой степени, что кажется, будто их слова, материализовавшись, образовали стены его домов и храмов.

Матхура — город Кришны, самого популярного из всех индийских богов, Кришны-бога, Кришны — возлюбленного богинь и смертных женщин, Кришны-Леля, звуками своей флейты сзывавшего пастушек на пляски и игры под луной, Кришны — мудрого правителя, вошедшего в «Махабхарату» в качестве одного из главных ее персонажей. Неисчислимы предания, которые народная традиция связывает с именем Кришны, и до сих пор сильна и повсеместна народная любовь к этому многогранному, многоликому, противоречивому и, может быть, именно из-за этого такому привлекательному и по-человечески разнохарактерному божеству.

Слово «кришна» (или «крушна») значит «черный». Итак, «черный» бог? Мог ли он появиться в Индии в эпоху нашествия ариев, светлокожих кочевников прикаспийских и среднеазиатских степей? Видимо, нет. Но судя по многим ранним источникам, арии знали Кришну и поклонялись ему. И буквально насытили свой эпос описаниями его подвигов и восхвалениями его дружбы с Пандавами.

Очевидно, они встретились в Индии с сильным и распространенным культом некоего бога, которого местное население сотворило темнокожим по своему образу и подобию. Мы не знаем его давнего исконного имени, но знаем, что он был известен в пантеоне арьев главным образом под именем Кришны (и еще под тысячей имен).

И дело, если судить по преданиям, было так. Некий арийский правитель по имени Канса воцарился в области современной Матхуры, на реке Джамне. Воцарился в окружении местных народов и, пытаясь примирить их, решил заключить династический брак, отдав свою сестру по имени Деваки за одного из местных князьков. И забыл — или не знал? — о том, что у этих местных народов действовал обычай, некогда порожденный матриархатом, — обычай, по которому имущество и общественное положение мужчины наследовали не его сын, а сын его сестры. А возможно, что и знал, да решил своевременно убивать детей этого брака, чтобы дело не дошло до захвата его трона одним из них.

Легенда говорит, что Кансе было предсказание, из которого он узнал об ожидающей его опасности со стороны сына его сестры. И тогда прекрасная Деваки была заключена в темницу, а детей ее безжалостно лишали жизни. Но когда родился Кришна — избранник богов, жестокие стражи были охвачены сном, и отец мальчика беспрепятственно вынес его темной ночью из темницы. Когда он пришел на берег Джамны, воды реки расступились, чтобы пропустить его на другую сторону, и он унес сына к пастухам и отдал им на воспитание.

И вот с этого момента вокруг имени Кришны сплетается такая сеть мифов, притч, преданий и поверий, что и одну сотую их долю пересказать невозможно.

Кришну часто называют богом женщин. И это верно. Все рассказы и песни о его детстве, все изображения

сцен из его детства, а также фигурки Кришны в виде маленького голого ребенка-ползунка вызывают в сердцах индийских женщин прилив умиления и материнской любви. В доме каждой без исключения индусской семьи на домашнем алтаре вы найдете эти фигурки из бронзы или меди. Они бывают совсем маленькие, и их можно купить за бесценок на базаре, а бывают и большие, прекрасно выполненные и украшенные поддельными, а иногда и настоящими драгоценностями, и тогда их могут приобрести только очень богатые люди.

Помню, как в одном доме молодая хозяйка показывала мне свою коллекцию декоративных фигурок и свой домашний алтарь. А потом открыла дверцу маленького стенного шкафчика, и там я увидела игрушечный столик с едой на крохотных тарелках, а возле него кроватку, в которой на вышитой подушке и под вышитым покрывалом покоился маленький бронзовый Кришна. Она достала его из шкафчика, нежно покачала на руках и заботливо уложила опять в постель.

Религия ли это? Или потребность выражать себя при посредстве этих изображений?

В бесчисленных рассказах о любовных похождениях юного Кришны не скрыта ли вечная жажда женщины говорить о любви? В условиях индийской семьи о любви не поговоришь ни до брака, ни тем более после замужества. И возник образ юного бога, возлюбленного каждой женщины, властно призывающего ее страстной мелодией своей флейты и безотказно стремящегося на зов любви. Возникли рассказы о том, как он похищал одежду у купающихся пастушек, как он целовал их под колдовским сиянием луны, как он заключал свои многочисленные браки и вместе с тем был верным возлюбленным прекрасной Радхи, нежной пастушки, к которой стремился неустанно. Возникла особая ветвь литерату-

ры, известная под названием религиозно-эротической.

Во всех материалах — в камне и дереве, в роге и кости, в металле и глине — бесконечное множество раз повторяют ремесленники Индии образ бога-флейтиста, стоящего с непринужденно скрещенными ногами, с флейтой у губ и с обязательным павлиньим пером на головном уборе. Его вышивают, ткнут и рисуют на тканях, его изображают на стенах домов, этот рисунок лег в основу миниатюрной живописи.

В Матхуре, цитадели кришнаизма, и в близлежащем городке Бриндабанае ежедневно идут в течение многих столетий (а индийцы говорили мне, что и тысячелетий) религиозно-мистерральные представления — рас-лилы или кришна-лилы. Мне не удалось выяснить, сколько именно трупп играют здесь эти лилы, но, видимо, довольно много, потому что каждый день даются представления то на площади, то у храма, а то и во дворе дома какого-нибудь богатого человека, который может оплатить выступление труппы.

В составе этих трупп только мальчики до 15—16 лет. Они исполняют и женские и мужские роли. Каждая труппа выступает в сопровождении своих взрослых музыкантов и певцов. Певцы распевом и речитативом излагают текст, а мальчики исполняют пантомиму.

Одевание, массаж и наложение грима начинается засветло, задолго до выступления. С приближением темноты артисты настраивают себя, как скрипки, на религиозно-театральное вдохновение, на экстатическое состояние, и, когда спускается вечерний мрак, они появляются при свете ярких ламп во дворе или на помосте, украшенном гирляндами цветов, уже внутренне воплотившись в образы кришнантских мифов.

Не зная всех тонкостей этого процесса, я попросила мальчика, которому предстояло играть Кришну, сы-

грать при свете закатного солнца какой-нибудь этюд из предстоящей лилы, чтоб я могла заснять его на киноплёнку. Он отказался, объяснив мне очень серьезно и даже строго: «Я не могу, я еще не Кришна. Не просите меня, пожалуйста». И пришлось мне снимать лилу при лампах, что придавало фильму настроение затаенности и мистериальности, то есть того, чем, в сущности, и было полно представление. При свете дня этого, вероятно, не получилось бы, так что в общем я осталась даже в выигрыше.

После 15—16 лет мальчики этих трупп становятся музыкантами или гримерами для таких же трупп или занимаются изготовлением фигурок Кришны на продажу.

Слово «бриндабан» значит «густой лес», но густого леса там сейчас нет. Есть редкий прозрачный лес вдоль дороги, в котором бродят павлины — птицы Кришны — великолепные ярко-синие пятна на блекло-желтом фоне мелкой сухой травы. В Бриндабанае, как и в Матхуре, — храмы, храмы, храмы. В один из них — Золотой — европейцев не впускают, в других, маленьких или больших — нарядные статуи Кришны и Радхи, а на стенах пучки павлиньих перьев.

В Бриндабанае есть прославленный Сад Кришны, воспетый во всей кришнаитской литературе. Я, признаться, ожидала от него большего. Он совсем небольшой и густо зарос колючими путаными кустами. Так и кажется, что под ними должно быть много змей. Сад обнесен высокой каменной стеной.

Многие верят, что Кришна приходит сюда каждую ночь, чтобы встречаться с пастушками. Рассказывали, что, если кто-нибудь не верящий в это останется на ночь в саду, утром его обязательно найдут мертвым. И якобы так и случилось с одним студентом.

В саду, у самого входа, растёт невысокое дерево.

На нем небольшая вмятина — говорят, что это след ладошки Кришны-мальчика. Люди приходят к этому дереву, молитвенно кланяются ему, обходят его вокруг и уходят, оставив возле него денежную лепту.

На стенах храмов можно видеть роспись — всевозможные сценки из жизни Кришны. В реке плавает множество черепах. Они зеленовато-серые, с длинными лапами. Плавают, тычутся носами в мокрые ступени берега, просят еды. Паломники безотказно кормят их — так повелевает Кришна. И возле храмов и внутри них и на их галереях ходят и лежат коровы — стадо бога-пастуха.

А во время праздников, связанных с Кришной — в день его рождения и в веселые дни Холи, — все улицы Матхуры заполняют такие густые толпы людей, что пройти трудно. Богато украшенные волы везут повозки, на которых укреплены огромные щиты с картинками, повествующими о подвигах юного бога-героя, проходят факельные шествия садху, полуобнаженных или почти обнаженных отшельников, с раскрашенными лицами и с высокими пучками волос на голове, в лавочках все ночи напролет торгуют изображениями Кришны, и повсюду играют лилы — все труппы актеров в эти дни нарасхват.

Особенно ярко протекает Холи в деревне Варсаве (или Варсове) недалеко от Матхуры и Бриндабана. Это место рождения Радхи, и здесь протекают настоящие мистериальные игрища, воспроизводящие в очень наглядных символах древние обряды культа плодородия. В их число входит и широко распространенный обычай осыпания всех присутствующих цветными порошками или поливания подкрашенной водой.

Меня очень тянуло посмотреть на тюрьму, в которой, по преданию, родился Кришна, но там сохранил-

ся только фундамент, на котором уже несколько веков возвышается мечеть. Сотрудники Матхурского музея сказали, что, по соображениям этики, нельзя производить раскопки на этом месте, хотя каждый индийский археолог страстно мечтает об этом.

Матхура — это такое средоточие древности, такое напластование столетий, что там сама почва состоит из обломков и остатков разных памятников. Говорят, что во время муссонов дожди постоянно вымывают из земли то старые терракотовые статуэтки, то осколки или гловки каких-то каменных фигурок. Значительное количество этих находок попадает на базары и скупается туристами, а некоторые поступают в музеи, и в том числе в Матхурский.

Матхура — один из стыков арийской и доарийской культур, один из городов, где рождалась цивилизация Индии, — не может не привлекать каждого, кто хоть немного интересуется историей этой страны.

ТОРЖЕСТВУЕТ ПРАВДА

Осень в Индии — это совсем особое время. В северных краях это медленное погружение природы в глубокий сон, который слишком часто в литературе сравнивали с умиранием или погружением в небытие. Но в Индии именно осенние праздники исполнены яркости, радости и жизнеутверждения.

В октябре, например, по всей стране проходит подготовка к празднованию Дасеры, и торжественно и пышно проводится это празднование.

Дасера значит «десятидневница», потому что этот праздник длится десять дней. Его же называют и Наваратри — «Девятинощница», потому что девять праздничных ночей залегают между этими десятью днями.

Дасера — это праздник, который призван утверждать в сердцах людей веру в то, что добро обязательно победит зло, что справедливость восторжествует на земле во что бы то ни стало.

Этот праздник, родившись в сумеречной дали минувших столетий — двадцати? тридцати? пятидесяти? — кто знает! — осенним паводком разливается и по сегодняшней Индии, утверждая: «Помни, что зло уступит — вынуждено будет уступить! — дорогу правде и добру, помни, помни это всегда!»

Тот европеец, который попадает в Индию в дни Дасеры, и особенно тот, кто вдумывается, всматривается в жизнь народа этой страны, тоже бывает захвачен Дасерой как мощным водоворотом.

В эти дни особо почитают всех богов и героев, которые боролись с демонами зла и побеждали их. В эти дни происходят торжественные моления перед изображением Дурги, Великой Матери, супруги бога Шивы, — идет Дурга-пуджа.

В Бенгале и Майсуре ее почитают превыше всех других богов, и там нет уголка, не охваченного Дургапуджей. В Дели же (впрочем, как и в других больших городах) только колонии бенгальцев отмечают его в своей традиционной манере. Но тоже празднуют пышно, ярко, нарядно. Под пестрыми, туго натянутыми навесами — шамианами собираются толпы мужчин в длинных белоснежных рубахах и дхоти. Приходят с мужьями и детьми женщины в отборных нарядах — в золототканых, вышитых, шелковых сари. Кованые и филигранные, массивные и ажурные золотые украшения сверкают на их шеях и руках, оттеняют черноту волос, блестят в ушах. От одного этого зрелища создается праздничное настроение.

Под каждой из этих шамиан на особом месте стоит изображение богини Дурги, древнейшей из богинь, сильной и карающей богини древнего материнского общества.

Как и все боги в Индии, она выглядит домашней и уютной, несмотря на блеск своих уборов и на кровь демона, которого она беспощадно разит копьём.

Статуи Дурги — это целые скульптурные комплексы, в которые входят фигуры, символизирующие доброе и злое начало. Центральное место занимает сама

Дурга — многорукая, прекрасная, беспощадная к злу.

В одной из ее правых рук — копьё, и она вонзает его в демона. Этот демон вышел на бой с Дургой в виде буйвола, но она рассекла буйвола мечом, и тогда демон появился перед ней в своем настоящем облике. На всех скульптурах изображен убитый буйвол, как-то удивительно по-мертвому, плоско лежащий у ног Дурги, и невысокий человек синего, зеленого или темного цвета, возникающий из его рассеченной туши. Кровь буйвола и кровь демона, текущая из его пронзенной груди, всегда изображаются очень натуралистично. Крови много, и этот четкий переход от условности к реализму в этих скульптурах делит их как бы на две части — мир богов и мир людей. В мире богов позы статичны и заданы раз и навсегда. Боги красивы, и лица их не выражают ничего. И сама Дурга, и окружающие ее другие божества — меньше по размерам, но тоже нарядно убранные фигуры (изображающие сына Дурги, носящего имя Картиккейи, или Картика, и другого ее сына, Ганеша — бога с головой слона, и еще разных богов и богинь), — все они изображаются из года в год одинаково, в тех же позах.

У каждого из индийских богов есть свое животное. Дурге принадлежит лев. Он тоже изображен в этих скульптурных группах. Свирепый, напряженный, он яростно вонзает когти в тело буйвола или в самого демона. Его пасть и лапы окровавлены.

Лев и буйвол — это символы жизни на земле, это то, что люди знают, умеют изобразить по-своему. Рассечение буйвола — это память о кровавых жертвоприношениях, да и не только память, а в известной мере и сегодняшний день, так как в Бенгале и во многих других областях Индии до сих пор приносят в жертву богиням козлят и петухов, а иногда и буйволов.

Поражаемый богиней демон тоже изображен по-земному, как воин, гибнущий на поле битвы. И иногда художники так по-мясницки иссекают буйвола и представляют льва с такой яростной жадностью рвать когтями человеческое тело демона, что смотреть даже как-то тягостно.

Ритуал служения богине в дни праздника делится на определенные части. Вы можете прийти в храм утром и увидеть, как под многоцветным пологом шамшаны сидят на коврах молящиеся (женщины отдельно, мужчины отдельно), а жрец с колокольчиком в руке стоит перед статуей Дурги и громко читает-поет молитвы.

Придя позже, вы сможете присутствовать на церемонии «пушпанджали», что значит «цветы в сложенных ладонях». Жрец читает молитвы, а женщины держат полные горсти цветочных лепестков и после определенного восклицания жреца бросают эти лепестки в сторону Дурги. Это очаровательное зрелище, в особенности если солнечные лучи озаряют статую. Этот обряд изображает тот «цветочный дождь», который, судя по памятникам древнеиндийской литературы, боги проливали с неба на торжествующих героев земли.

Древний обычай осыпания цветочными лепестками широко известен в Индии и сейчас — этот дождь из цветов орошает почетных гостей, любимых артистов, новобрачных. Это прекрасный символ процветания и счастья. Богам же всегда приносят в жертву цветы и обильно украшают их изваяния и алтари цветочными гирляндами.

В дни луджи по утрам молятся Дурге, по вечерам наслаждаются танцами, пением, декламацией и выступлениями театральных трупп или просто ходят, встречаются с друзьями, болтают, курят, смеются. Любимая

богиня, как добрая и почитаемая всеми мать, присутствует на своем празднике, как в жизни своей семьи. Ее присутствие ощущается всеми, но никого не подавляет, и все чувствуют себя свободно и по-домашнему.

Так чествуют Дургу несколько дней и почей. В последний же день праздника она должна умереть, и с ней умрут все боги, окружающие ее.

Один мой друг, бенгальский артист, сказал мне, что если надрезать палец статуи в любой другой день, кроме последнего, из пальца покажется кровь, но в конце последнего дня крови не будет, так как богиня будет мертва. И многие верят, что это действительно так.

В этот день все статуи везут на грузовиках или несут на плечах к рекам и водоемам. Здесь, в Дели, их привезли на низкий берег Джамны вблизи железнодорожного моста.

Полиция города знает даты праздников всех религиозных общин и всех национальностей Индии, представители которых живут в Дели. Поскольку все эти группы и общины отмечают разные праздники, которые, как правило, сопровождаются массовыми процессиями по городу, полиция постоянно должна заботиться о перемене маршрутов автобусов, о направлении потока автомобилей по другим улицам и т. п.

И вот мы все пошли в процессии на берег Джамны.

Когда статуи достигли реки и были установлены на берегу вдоль воды, все стали собираться группами возле каждой из них и ходить от одной к другой, восхищаясь, сравнивая их и оценивая. Подпись под каждой статуей извещала, какой районной колонии бенгальцев она принадлежит. Это был смотр, соревнование художников каждой колонии. Ради восхищения или порицания присутствующих каждая колония затрачивает ежегодно огромные деньги на уборы статуй — их окуты-

вают златоткаными сари, готовят для них великолепные украшения из имитаций драгоценных камней.

Но вот забили барабаны. Жрецы разожгли благовонные курения в глиняных чашах. Один за другим из круга собравшихся стали выходить мужчины, брать в руки эти чаши и, медленно кружа их в воздухе, танцевать перед Дургой прощальный танец. Самые разные мужчины выходили в круг — молодые мальчики и люди средних лет, интеллигенты и рабочие, профессиональные танцоры и те, кто умел сделать только два-три танцевальных движения. Их лбы были окрашены красной краской, а глаза, не отрываясь, смотрели на светлое лицо грозной богини. Постепенно приходя в исступлении от грома барабанов и густого дыма ароматных курений, обильно поднимавшегося из чаш, они все быстрее кружились в экстатическом танце, молясь богине, любясь ею, служа ей в последний раз, отдавая себя ее требовательной женской воле. Чем-то доисторическим веяло от этих экстатических мужских танцев перед изваянием богини. Кто знает, как совершались эти служения несколько тысячелетий тому назад? Или даже, может быть, несколько столетий?

Стемнело. В черной воде Джамны отражались фары автомобилей, двигавшихся через мост, и огни светильников и ламп, зажженных возле статуй Дурги.

Они смешивались в водах Джамны, как смешивается в жизни Индии прошлое с настоящим.

Густые облака благовонного дыма окутывали статуи, завлакивали лица танцоров, поднимались к небу. Барабаны гремели все оглушительней, некоторые из танцоров падали без чувств, им на смену выходили новые.

Кровь буйвола и демона, красная краска на лбу танцоров и вокруг рта богини, исступление танцюю-

щих — все это связывалось в сознании какой-то нитью, уводящей в древнейшие культовые оргии, в которых оплодотворение завершалось убийством оплодотворителя.

Я вспомнила, как один бенгальский писатель сказал мне: «Тонтро и сейчас существует в Бенгале». «Тонтро» — это в бенгальском произношении «тантра», или так называемые «тантрические культы», тайные и кровавые культы женских божеств. Имел ли он в виду то, подобие чего я видела на берегу Джамны, или еще что-нибудь более глубокое и мне неизвестное — сказать трудно.

Но что тонтро существует и сейчас, это я видела своими глазами. Не случайно в мифе о Дурге говорится, что она воспылала страстью к собственному сыну, красавцу Картикею и потребовала его любви. Из почтения к матери он не посмел оскорбить ее прямым отказом и спасся тайно, улетев на павлине к своей возлюбленной. Разгневанная Дурга прокляла его и прокляла павлина, сказав, что он никогда не будет наслаждаться соединением со своей парой. И с тех пор павлин, встречаясь со своей подругой, может только ронять слезы, и эти слезы приносят ему потомство — так говорит предание.

Память о древнейших формах кровосмесительной семьи хранит в себе этот миф.

Только перед одной статуей Дурги танцевали женщины. Это был настоящий танец жриц. Их было трое. Одна девушка, явно из буржуазной семьи, с современной причешкой и модно подгримированным лицом, одетая в черное с серебром сари, тонкая и гибкая, танцевала долго, опустив в землю подведенные глаза и часто застывая в красивых арабесках, чем-то настойчиво напоминающих фрески на гробницах египетских фарао-

пов. (Кто знает, кто знает что-нибудь точное о древнейшей истории этого народа? Только догадки и гипотезы. И одна из гипотез говорит, что в эпоху Древнего Царства колонии индийцев, по языку родственных народам Южной Индии, были на восточном берегу Африки в V—IV тысячелетии до н. э. А в другой гипотезе высказывается предположение, что некогда цепь населенных островов связывала Индию с Черным материком. Кто сейчас может что-нибудь сказать с уверенностью? Исторической науке предстоит еще сделать много открытий.)

Другая женщина танцевала в таком восторженном исступлении, что вскоре потеряла сознание, а третья, не поднимаясь с колен, то склонялась до земли, то раскачивалась из стороны в сторону, делая круговые движения дымящимися чашами, которые она держала в руках. Три танцовщицы, три разных рисунка танца, три разных пути выразить себя.

Часов около восьми танцы стали замирать, и статуи, покачиваясь на плечах несущих их людей, двинулись к реке. Люди забредали в воду выше коленей и с силой бросали статуи вперед, в темную стремнину Джамны.

Богато убранные, сверкающие красотой изваяния с громким плеском падали в черную воду: за ночь вода размочит необожженную глину и увлечет с собой остатки мертвых божеств.

Богиня ушла в дом своего свекра — так объясняется этот обряд. Ушла в небесную обитель, умерла для мира смертных. Путь реки ведет на небо, поэтому изваяния сбрасывают в реки.

В Джамне окончились все земные и небесные распри — упала в воду Дурга, увлекая с собой рассеянного ею буйвола и демона, нерасторжимо связан-

ного с ней вечным боем добра и зла. Упал за ней следом ее красивый сын, не пожелавший покориться ее жадной страсти, упали толстый Ганеша с головой слона и все другие боги и богини. За ними в воду полетели все чаши и горшки, все гирлянды и светильники, все ритуальные предметы — ничто не должно оставаться на земле после смерти богини.

Люди разошлись, и на темном пустом берегу не осталось ничего, что напоминало бы о ярком празднике, исполненном чувства и красок, который блистал здесь несколько минут назад. Только над черным блеском воды то тут, то там, на мелких местах, поднимались светлые руки Дурги, как бы простираясь к небу бессмертия, а вокруг плескались отражения огней экспреса Делл — Калькутта, пронесившегося по мосту.

Не успеваешь следить за буйным разливом праздника, просто физически не можешь побывать всюду, где происходят торжества, процессии, представления, выступления трупп народного театра.

В дни Дасеры повсюду разыгрываются сцены из великого эпоса Индии — «Рамаяны», эпоса, созданного народом этой страны не менее двух-трех тысячелетий тому назад..

— Двух-трех тысячелетий? — спросит меня читатель. — Вы так приблизительно оперируете тысячелетиями?

— Да. А что ж делать? Наука не в силах пока более точно определить датировку многих памятников индийской литературы, а они порождались самой жизнью народа.

...Рама был старшим, самым сильным, самым прекрасным и благородным из четырех сыновей, подаренных великому царю Дашаратхе его любящими женами. Старшая из цариц была матерью Рамы, и по веле-

нию древнего закона он, и только он, должен был стать наследником престола. Отец его, царь царей земных, пресветлый и справедливый правитель, ощутив, что близится неминуемая старость, что руки его слабеют и готовы выпустить бразды правления царством, принял решение возвести сына на престол еще при своей жизни. Узнав об этом, народ с ликованием стал готовиться к торжественному дню коронации юного героя, безмерно любимого всеми. В едином порыве радости слились души всех людей земли — воинов и жрецов, пастухов и пахарей, ремесленников и водоносов, метельщиков и брадобреев. К тому же в честном воинском состязании женихов Рама завоевал руку царевны Ситы, самой прекрасной среди женщин земли, и привел ее в свою столицу, озарив всю страну светом нового счастья. Приближался день коронации, и не было предела всеобщему ликованию.

Но недолго продолжалась эта радость. По следам счастья пришло такое горе, мера которого превысила всякие пределы. Младшая жена престарелого Дашаратхи, побуждаемая демонами зла, бесчисленной армией которых в этом мире правил десятиголовый Раван, владыка ненависти, взбунтовалась против воли своего повелителя. Она вырвала у него обещание возвести на трон ее сына Бхарату, а Раму, светлого героя, изгнать из страны.

Как только весть о том, что его отец дал своей младшей жене такое обещание, коснулась слуха Рамы, он, исполненный благородства, сам уступил Бхарате трон и добровольно удалился в изгнание на долгие годы.

Не будучи в силах вынести даже мысль о разлуке с мужем, ушла вместе с ним и Сита — пример всем женам, которые жили и будут когда-либо жить в этом мире, — и вслед за ними обоими покинул дворец и

самый преданный Раме из трех его братьев, Лакшман, решивший посвятить свою жизнь охране счастья Рамы. Над их головами сомкнулись своды непроходимых дебрей, колючие лианы заплели тропинки, по которым прошли их стопы, черная пелена горя накрыла страну...

— Послушайте, а вы уже видели, как подготовили площади Дели к празднику Дасеры? — спросили меня мои индийские друзья.

— Нет еще. Все как-то времени не выберу съездить.

— Да как же это можно? Ведь сегодня первый день праздника. Уже начнут играть «Рамаяну». Куда хотите поехать?

— Вот уж это не мне решать. Куда повезете, туда и поеду.

Начался спор. После оживленнейшего обсуждения было решено, что на день-два надо «во что бы то ни стало!» съездить в штат Панджаб, где город Лудхиана славится процессиями и представлениями «Рамаяны», затем побывать поочередно на любительских спектаклях студентов и выступлениях разных трупп народного театра, затем посмотреть балет «Рамаяна» в Центральной делийской школе танцев, последние дни праздника провести на главной площади Дели, которая так и называется «Рам-лила-граунд».

«Ну и программа!» — подумала я про себя, с великим облегчением вспомнив, что сейчас стоит октябрь и поэтому можно хотя бы не опасаться теплового удара.

И вот мы в Лудхиане.

Как кипела Лудхиана! Казалось, все до единого жители города были на улицах, украшая их флагами, гирляндами фольговых, бумажных и живых цветов, картинками, изображающими героев эпоса. Ни проехать, ни пройти было нельзя. Мы с трудом проталкивались во главе с активистами местного отделения Общества

индо-советской дружбы, пробиваясь, наверное, не меньше двух часов сквозь бурлящую радостную толпу, мимо стиснутых ею моторикш и велорикш, священных коров и быков, телег, колясок и автомобилей. Возбужденно орущие мальчишки кишели под ногами так густо, что казалось, вся толпа идет по их головам. Кто-то из сопровождавших меня друзей тащил мою кинокамеру, кто-то нес фотоаппарат, о съемке нечего было и мечтать.

Наконец, вырванная из тисков толпы чьими-то сильными руками, я очутилась на высоком помосте, нос к носу с многочисленной группой полицейских, оттеснявших зрителей от менее многочисленной группы участников готовящегося представления.

Вдохнув наконец полной грудью и оглядевшись, я увидела то, ради чего приехала сюда: подготовку парада «Рамаяны», парада Дасеры. Вдоль всей улицы стояли помосты или, вернее, платформы, смонтированные на шасси грузовиков, легковых машин и на повозках всех видов и родов. А на этих платформах, нарядно убранных и увитых гирляндами цветов, были воздвигнуты дворцы, троны, деревья и хижины — словом, все декорации «Рамаяны». А моторы машин скрывались под изображениями упряжек вздыбленных серебряных коней, или гигантских птиц, или каких-то фантастических существ. Все сверкало, пылало, переливаясь под солнцем всеми оттенками красок, сияния и блеска. И хотя до вечерней процессии было еще далеко, участники ее, одетые и загримированные, сидели по своим местам, чтобы толпы людей могли их созерцать.

И конечно, центром всеобщего внимания, сюжетным и эмоциональным центром процессии были Рама, Сита и Лакшман.

Я с удивлением увидела, что это были три маленькие фигурки, тихо сидевшие на самой скромной из всех этих ярких бутафорских колесниц.

После того как я столько раз читала «Рамаяну», написала пьесу на ее сюжет и даже после того, как эта пьеса стала идти на сцене Центрального детского театра в Москве, где великолепно, по-настоящему высоко и героично артисты воплотили на сцене героев этого великого эпоса, — я была поражена, увидев в Индии эти три почти незаметные фигурки среди блестящей плеяды остальных участников показа «Рамаяны».

— Да ведь это же дети! — удивилась я. — Дети, да?

— Да, да, их у нас в процессии играют только дети.

— Да почему же? Ведь остальные все вокруг них взрослые, разряженные, бородатые, большие, яркие, а этих, главных-то, почти и не видно!

— Нельзя, чтобы таких чистых героев играли те, кто ощутил прикосновение греха. В наших народных представлениях, в наших Рам-лилах, этих троих обычно играют мальчики, только чистые мальчики.

И тогда я обратила внимание на то, как тяготела вся толпа людей именно к этой платформе, на которой неподвижно сидели на своих — не то тронах, не то стульях — три тихих ребенка. Им нельзя было по виду дать больше восьми-девяти лет, да, видимо, больше и не было. Рассматривая с интересом и часто со смехом персонажей, сидевших на других платформах, люди становились серьезными и сдержанными, подходя к этой, главной. Боль того, такого давнего, изгнания, скорбь, рожденная проявлением высокого благородства, готовность на муки во имя самоотверженной любви — все, что, если верить легенде, миновало несколько тысячелетий назад, но не забыто индийцами и по сей

день, заставляло сжиматься их сердца от искренней боли, восхищения и преклонения перед теми, кто воплотил для них в дни Дасеры главных героев «Рамаяны».

— К их ногам бросали полные горсти цветочных лепестков, с любовью всматривались в их лица, со слезами целовали края платформы и обвивавшие ее гирлянды цветов...

...Поселившись в лесной хижине, три юных отшельника мирно проводили свои дни. Но повелитель мрака Раван открыл их убежище. Один из его демонов, превратившись в золотого оленя, хитростью увел за собой Раму и Лакшмана далеко в лес, а исполненный коварства Раван умчал в это время беззащитную Ситу на своей воздушной колеснице в далекие пределы своего царства, на золотой остров Ланку. Истерзанные горем братья долго бродили по непроходимым лесным зарослям в поисках похищенной Ситы, пока не встретились с народом обезьян. Заключив союз с их царем Сугривой и главным их полководцем, непобедимым и мудрым Хануманом, они вместе двинулись дальше. К ним присоединился и могучий народ медведей, и вот все вместе они вышли к синим просторам океана. Вдали в лучах солнца маянце сверкала недостижимая Ланка, но бездна вод казалась неодолимой. И тогда к Раме, погруженному в печальное раздумье, подошел Хануман и сообщил, что он, величайшая и сильнейшая из обезьян земли, умеет летать быстрее мысли и времени и сейчас же очутится на Ланке.

В следующий миг он уже опустился в саду Раваны и обещал Сите, тоскующей в заключении у жестокосердного демона, скорое освобождение. Он стал вырывать с корнем деревья в этом саду, бросил в лицо Равану вызов на бой, поджег его богатый город и скрыл-

ся в небе прежде, чем демоны успели понять, что им теперь уже не избежать встречи с противником, который во много раз сильнее их...

А вечером меня вывели на высокий помост на огромной площади Рам-лилы и поставили перед микрофоном, чтобы я сказала что-нибудь этому беспредельному морю людей, которое открылось передо мною.

Сначала я онемела от такого зрелища, а потом, набравшись сил и храбрости, сказала им всем, пришедшим на эту площадь, что сейчас, в эти самые дни индийского всенародного праздника, в далекой Москве наш народ тоже смотрит «Рамаяну», что она идет в театре, где многие тысячи зрителей уже смогли увидеть, как индийский народ воплотил в своей прекрасной легенде идеи борьбы добра и зла и свою веру в торжество справедливости. И когда я окончила свою краткую речь словами о том, что мой народ горячо верит в обязательную, непреложную победу сил мира и правды на земле, что он борется и всегда будет бороться за это, по площади прокатился гул, и десятки тысяч людей стали скандировать классические слова о «хинди — руси».

...И снова на помосте низкодушный Раван выпрашивал у Ситы хоть капельку любви. Его мольбы сменялись угрозами, а за угрозами снова следовали униженные просьбы, но Сита была непреклонна, и перед ее взором стоял только образ ее Рамы, ее мужа, ее земного бога.

Сита — воплощение идеала женственности, образец для подражания, который с детства ставится в пример каждой индийской девочке. Сита, нежная, верная и страдающая жена, стойко переносящая тяжкие нравст-

венные муки, заставляла плакать не только женщин, пришедших на площадь, но и мужчин.

Когда на сцену ворвался Хануман и начал выкорчевывать сад Равана, все стали неистово бить в ладоши, кричать, прыгать от восторга. Настроение толпы заражает, нельзя устоять перед его захватывающим патиском. Но как только я открыла рот, чтобы вместе со всеми закричать от восторга при виде Ханумана, мои спутники быстро зашептались о чем-то, а потом обратились ко мне:

— Нам пора уходить. Скоро утро, надо успеть на поезд в Дели.

— Ах, какая досада! Ну, давайте подождем только, пока на Ланке появится Рама.

— Нет, нет. Это будем смотреть уже в Дели. Скорей, а то не успеем.

К счастью, вокзал был близко и дежурный задержал поезд, увидев, что мы бежим по перрону.

А в Дели-то, в Дели все население города, казалось, собралось к площади Рам-лила-граунд. Да там их еще две к тому же. Мы просто не знали, куда спешить, где будет интересней. Да еще надо было хоть на миг забежать в студенческие театры и во дворы, где тоже все, кто только мог, по мере сил играли, читали и распевали «Рамаяну».

На каждой из площадей возвышались, почти касаясь головами неба, огромные фигуры демонов — самого Равана, его брата и сына — сделанные из бамбука и наряженные в яркие бумажные костюмы. После завершения всего представления «Рамаяны» их предстояло всснародно сжечь, и толпа с нетерпением ожидала мига, когда эти гигантские факелы начнут полыхать на ночных площадях.

И они запылали. Мальчик, игравший Раму, туго натянув лук, пустил стрелу в грудь Равана, а стоявший у подножия огромной фигуры электромонтер включил систему зажигания, и все демоны запылали, залив небо, толпу и весь народ блеском и сверканьем, наглядно подтвердившим, что правда восторжествовала.

Не успеет отзвенеть по стране Дасера, как наступает новый праздник — Дивали, или Праздник огней.

Как-то я сидела у окна в своей комнате за письменным столом и что-то писала, как вдруг под самым окном раздался громкий выстрел. А вслед за ним — целая очередь новых оглушительных выстрелов. По стенам комнаты и по саду заметались какие-то фантастические вспышки и отблески.

— Дивали! Дивали! — донеслись из сада радостные возгласы, и я поняла, что открылась серия фейерверков, которая будет длиться до утра.

Необыкновенное это зрелище — ночь Дивали в Индии! По всем балконам, заборам и по краям крыш трепещет пламя множества масляных светильников. Дома богатых людей и официальные здания сияют гирляндами электрических ламп. А над черной глубиной рек скользят тысячи крохотных лодочек, несущих на себе глиняные светильники. Нежные язычки пламени плывут во мраке, вздрагивая и отбрасывая в темную воду легкие и ясные отблески, как утверждение своей победы над ночью.

А что делается в садах и на улицах, даже не опишешь! Нигде в мире, вероятно, пиротехника не достигла такой высоты, как в Индии. Задолго до праздника самым ходким товаром в лавках является «потаха» — невзрачные на вид картонные коробочки самых разных форм и размеров, в которых скрыта неземная сила,

порождающая в пужный час ракеты и фейерверки любого вида. любой силы и яркости.

Каждая из них имеет свое название, и вы можете выбрать, например, такую, которая будет огненной змеей долго извиваться по земле вокруг ваших ног, или такую, которая, подпрыгнув несколько раз как горящий шар, с треском взойдется в ночное небо и рассыплется там снопом разноцветных искр, или такую, которая будет метаться низко над землей в космах огненных прядей, — словом, любую или, вернее, любые. И можете поджигать их одну за другой или все вместе и любоваться их игрой и час и два — насколько хватит желания (и денег на их покупку).

Вот что такое Дивали, который празднуется осенью в память того дня, когда великий и непобедимый Рама, одолев зло и неправду, вернулся в свою родную страну и потом правил в ней много лет мудро и справедливо...

Всем, кому посчастливится побывать в Индии, я бы от души посоветовала выбрать для этой поездки октябрь и ноябрь.

ЗМЕИ, ТАЙНЫ, МЕДИЦИНА

Наг-панчми — праздник змей.

В этот день и заклинатели змей, и просто жители некоторых деревень, где высоко развит культ змей, идут в леса и приносят оттуда корзины змей, выпускают их на улицах и во дворах, осыпают их цветами, поят молоком, набрасывают их на шею, обертывают вокруг рук. И змеи при всем этом почему-то не кусаются. Иностранцы любят приезжать смотреть на эти змеиные вакханалии и фотографировать их, но через закрытые стекла машины.

Наг-панчми длится целый день, а к ночи усталые от человеческих ласк змеи уползают к себе домой. Трудно поверить, что при этом змеи никого не кусают, но газеты обязательно сообщили бы о таком несчастном случае. Этих сообщений я ни разу не видела.

Наг — это кобра. И только кобра. Все другие сорта змей называются собирательным словом «сап» (так и хочется написать: сравни с русским выражением «тихой сапой»). С коброй связано в Индии неизмеримое множество мифов, преданий, верований, обычаев и просто рассказов. Кобра священна. На ней, воплотившей в себе идею вечности, покоится в волнах Мирового океана бог Вишну, покровитель добра и закона. Под сенью раздутых капюшонов многоголовой кобры сидел Будда во время проповедей, обратив ее перед

этим на путь добра силой своего учения. Под огромной коброй изображается и могучий Баларама, брат бога Кришны. Кобры обвиняют и шею всемогущего Шивы, охватывают своими кольцами его руки и голову. Словом, почти во всей индийской иконографии в том или ином виде присутствует кобра.

Она присутствует все время и в жизни индийцев, особенно индийских крестьян. Нигде они не застрахованы от встречи с коброй, не только в поле и лесу, но и дома. Если кобра заползает в дом человека, воспитанного в национальных традициях, ее не убьют, ее сочтут воплощением души какого-нибудь предка и будут умолять не причинить вреда живым и уйти из дома добровольно.

В газетах часто пишут, что наводнения или сильные муссонные дожди выгоняют кобр из их нор и заставляют искать прибежища в человеческом жилье. Тогда крестьяне покидают свои деревни, оккупированные кобрами, и в складчину приглашают заклинателя змей, чтобы он вывел своих подопечных обратно в поле.

В народе широко распространен культ кобры. Почти у каждой деревни где-нибудь под деревом можно увидеть каменные изображения кобр. Сюда люди приходят им молиться и приносят им жертвы — молоко, рисовые шарики, цветы. Здесь же неподалеку обычно бывают и змеиные норы, и к этим отверстиям женщины тоже приносят молоко, прося кобр не жалить детей, не заползать в дома и вообще быть милостивыми.

На крайнем юго-западе Индии, в штате Керала, у некоторых каст имеются в каждом дворе змеиные заповедники, где под кустами живут в норах священные кобры. Если семья переезжает в другой дом, то

семейный жрец забирает с собой и всех кобр на новое место.

Удивителен тот факт, что домашние змеи никого из членов семьи не кусают, как бы велика эта семья ни была. Каким-то образом эти твари отличают своих от чужих. Возможно, в этом они не отличаются от любого другого животного.

В Индии можно услышать много рассказов о кинг-кобре — «королевской кобре». Ее всегда описывают как огромную черную змею, укус которой убивает на месте.

— Однажды, — рассказывали мне мои друзья, — мы ехали на «джипе» и чуть не наехали на кинг-кобру, которая спала на шоссе, протянувшись поперек как толстый канат. Мы остановились и ждали, пока она проснется и уползет.

— Да почему же вы через нее не переехали?

— Что вы! Как это можно! И потом она сразу могла вскинуться — и в кабину. Страшно очень.

А однажды к нашему соседу-малайцу кобра заползла в ванную через выводную трубу для воды. Сев в ванне, он вдруг прямо перед своим лицом увидел раздутый капюшон и многообещающий взгляд минеральных глазок. Не растерявшись, он выскочил из ванны, схватил палку и убил свою гостью на месте. А потом приготовил из нее жаркое и звал нас всех в гости, но мы отказались.

— Вот замечательно! — восклицал он. — Завтрак сам ко мне явился!

Но это малаец. А в Индии змей, по традиции, могут есть только люди из лесных племен и члены некоторых низких каст. Больше никто.

Заклинателей змей можно увидеть во всех городах и многих деревнях. Это тоже члены специальной касты.

Их много на всех ярмарках и базарных улицах и возле всех мест, посещаемых туристами. Они сидят на корточках перед своими круглыми корзинками, из которых торчат покачивающиеся кобры, и играют на дудках. Иногда кобры начинают выползать из корзинок и совершать попытки к бегству, но их тут же ловят и водворяют обратно.

Так я и не поняла, удалены у них ядовитые зубы или хотя бы железы или нет. Иногда они делают молниеносный бросок головой к руке укротителя, но кусают ли при этом, мне не удалось разглядеть. Говорят, что заклинатели делают своеобразные прививки своим детям: втирают им яд в ранку на коже сначала микроскопически малыми, а затем все большими дозами и таким образом делают их невосприимчивыми к яду. Говорят также, что они умеют излечивать людей, укушенных змеями, пользуясь для этого какими-то своими средствами, секрет изготовления которых строго хранится в их семьях. И что они вообще умеют лечить самые разные болезни. Что ж, и это возможно.

В Индии можно в равной мере всему верить или ничему не верить. Сначала Запад увлекся «тайнами Востока», потом начал все критиковать, а теперь пытается осмыслить и проанализировать эти древние тайны с позиций последних научных достижений.

В центре внимания сейчас стоит йога — наука йогов, или, вернее, науки йогов, так как йога — это сложный комплекс по меньшей мере четырех наук: философии, психологии, физиологии и медицины.

Если вы меня спросите, научна ли система йогов, я отвечу утвердительно, потому что это прежде всего система, строго определенная, детально разработанная и умеющая объяснить свои методы и цели. Но вот объяснения эти часто производят на западных ученых

впечатление какой-то фантастики из-за того, что йоги пользуются терминологией, в которой трудно провести грань между высокопоэтическими условными названиями, обозначающими то или иное понятие, и самими этими понятиями в их научном определении, привычном для нашего слуха. Так, когда в трактатах йогов мозг человека именуется лотосом с тысячей лепестков, то трудно отнестись к этому серьезно. А вместе с тем умение йогов искусственно погружаться в состояние анабиоза привлекает весьма серьезное внимание современных ученых, особенно в институтах космической медицины. Йоги действительно постигли и разработали до тонкостей умение управлять вегетативной нервной деятельностью, умеют по своей воле повышать и понижать температуру тела, регулировать деятельность сердца и сосудистой системы и функции внутренних органов, управлять перистальтикой кишечника и т. д. Я уж не буду здесь вспоминать о многократно описанных случаях массового гипноза и обмена мыслями на расстоянии — говорить об этом стало уже тривиальным.

Как они все это делают — пока неизвестно, так как надо прожить с ними всю жизнь, чтобы постичь их науку.

Лечат ли они людей? Да, лечат. И опять же своими способами — регулировкой дыхания, внушением и самовнушением, массажами и совсем особыми приемами, состоящими в том, что пациент должен прижимать то один, то другой свой палец к разным участкам своей кожи, или в разных сочетаниях соединять пальцы один с другим. Говорят, что этими приемами йоги излечивают даже параличи.

Во многих городах Индии есть клиники йогов, и пациентов у них всегда достаточно.

Медицина йогов вплотную граничит с древнеиндийской системой народной медицины, занимавшей уже в I тысячелетии до н. э. почетное место в кругу таких наук, как математика, астрономия, поэтика, философия и т. п.

По медицине была создана обширная литература, объединяемая названием «Аюрведа», что значит «наука о жизни».

Пройдя путь развития, измеряемый тремя тысячелетиями, аюрведическая медицина достигла высокого уровня. И в ней тоже многое очень трудно объяснить. Каждый индеец, например, знает, что на улицах, на базарах, в поездах и где угодно еще можно встретить дантиста, который за одну рупию тут же на месте удалит больной зуб бескровно и безболезненно, используя для этого только свои пальцы. И никаких заражений при этом не бывает. Как он это делает — наследственный секрет касты.

Массаж в Аюрведе играет огромную роль. И не только специалисты по народной медицине, но в каждой индийской семье все постоянно прибегают к массажу; чаще всего при головной боли, общей усталости и слабости и при болях в костях и конечностях. Массируют друг другу голову, сжимая ее ладонями и растирая кругообразными движениями пальцев, массируют руки и ноги, потирая их в направлении от пальцев к локтям и коленям, массируют область сердца, но как — этого я не могу объяснить, потому что не знаю.

Трактаты по аюрведической медицине представляют собою большой интерес. В них во всех тонкостях разработаны и вопросы медицинской этики, и хирургическая техника, и составы лекарственных средств.

Существует целый ряд предписаний, касающихся внутренних качеств, необходимых врачу, и его поведе-

ния. Не только много лет должен был человек «получать знания из уст учителя», чтобы стать врачом, но и воспитывать в себе определенные свойства ума и характера. «Нет лучше дара, чем дар жизни» — сказано в одном из трактатов. «Будущий врач должен, не щадя своих сил, тщательно изучить все стороны медицины так, чтобы народ назвал его подателем жизни» — говорится в другом. Повсеместно встречаются требования к врачу быть внимательным и деликатным: «Идя к пациенту, успокой свои мысли и чувства, будь добр и человечен и не ищи в своем труде выгоды». «Симпатия к пациенту, радость от его выздоровления и стремление лечить даже врагов — эти качества определяют поведение врача». «Пусть гуманность станет твоей религией». «Пациент может сомневаться в своих родственниках, сыновьях и даже родителях, но он должен верить врачу, поэтому отнесись к нему лучше, чем его дети и родители».

Особенно настораживают авторы трактатов против зазнайства и излишнего самомнения. «Если ты сам сомневаешься в чем-либо, дружелюбно обратись к другим врачам и испроси у них совета»; «Будь скромн в жизни и поведении, не выставляй напоказ своих знаний и не подчеркивай, что другие знают меньше тебя, — пусть твои речи будут чисты, правдивы и сдержанны».

Все авторы трактатов подчеркивают, что человек, посвятивший себя медицине, должен и сам неустанно следить за своим физическим совершенством и, главное, содержать себя в чистоте: «Твои ногти и волосы должны быть коротко острижены, руки и все тело чисто вымыты, одежду носи только чистую и белую, украшений не надевай». Такие предписания отражают уже знание правил асептики.

Помощникам врача адресуются специальные указания, требующие, чтобы к уходу за больными допускались только лица, имеющие благородный характер, аккуратные, отличающиеся хорошим поведением и любовью к людям, знающие свое дело. Особо подчеркивается, что от медицинских сестер требуется знание разных диет, массажа, разных способов обмывания больных и умение изготавливать лекарства.

В трактатах содержатся советы глубоко и всесторонне изучать все отрасли медицины, а хирургу — особенно анатомию: «Даже все изучивший хирург может столкнуться с неожиданностями при исследовании тканей, выделений ...внутренних органов, сосудов, нервов, суставов, костей, хрящей, развития плода в утробе, при извлечении из тела посторонних предметов, при определении язв и ран, разных переломов и вывихов и т. п. — что же говорить о недоучке».

Здесь привлекает внимание прежде всего перечень возможных болезней и повреждений, известных древнеиндийским хирургам и говорящий о всестороннем и глубоком изучении ими человеческого организма и о том, что они умели наблюдать даже развитие плода в утробе матери.

Хирургам предписывалось широкое ознакомление с теорией медицины, знание сопредельных наук и участие в дискуссиях. Но вместе с тем говорится, что «знающий только теорию дрогнет перед пациентом, как трус на поле боя». С другой стороны, тот, кто знает только практику, тоже не врач, и каждый из них подобен «птице с одним крылом».

Хирургические случаи должны были лечить только хирурги, а терапевтам следовало направлять таких пациентов к хирургам, не беря на себя смелости лечить их.

По отношению же к знахарям, не прошедшим курса науки и не умеющим даже определить точное время, когда можно вскрывать гнойник на теле, следует быть непримиримым и убеждать пациентов не обращаться к их помощи.

Хирурги должны самым тщательным образом изучать, обдумывать каждый случай до операции. Предлагается узнать и учесть такие моменты, как климат местности, где живет пациент, его характер, возраст, вкусы, привычки, всю историю его болезни, общее состояние его здоровья и все заболевания, перенесенные им раньше, его аппетит, действие желудка и почек и т. п. Крайне характерным для норм жизни индийцев является требование выяснить его расовую принадлежность и, главное, принадлежность к касте. Это последнее обстоятельство крайне интересно с точки зрения учета врачами образа жизни каждой касты, возможности существования в ней укоренившихся наследственных заболеваний, влияния на здоровье членов касты предписанного ей рода занятий, жилья, одежды, пищи и пр.

Уже древнеиндийскими врачами было замечено, что нервная система играет большую роль в процессе излечения болезней или заживления ран. «Раны быстро заживают у людей молодых, сильных, с хорошим состоянием тела и со спокойным умом». Поэтому и рекомендовалось всеми мерами поддерживать в пациенте хорошее расположение духа.

Большой интерес представляет список предметов, которые использовались при операциях: инструменты, едкие вещества (очевидно, асептические средства), огонь, испытательные инструменты (зонды, щупы и т. п.), рога, которые ставили как банки, сосуды из тыквы, применявшиеся для отсасывания крови, сред-

ства для прижигания ран, хлопок, мягкая ткань, лигатурные материалы, целебные листья, бинты, мед, топленое масло, свиное сало, молоко, растительное масло (все эти масла в горячем и холодном виде применялись для прижигания и покрытия ран и разрезов), освежающие напитки, внутренние лекарства, веера для обмахивания больного, холодная и горячая вода и т. п.

По одному этому списку видно, что предусматривалось все возможное не только для удачного проведения самой операции, но и для того, чтобы облегчить больному его страдания.

Больному перед операцией, особенно полостной, назначалась строгая диета или полное голодание. Судя по перечню производимых операций, древнеиндийские хирурги умели делать кесарево сечение и вызывать искусственные роды, удаляли камни из почек и желчного пузыря и т. п.

В процессе операции большое внимание уделялось защите пациента от неких «опасных, но невидимых существ... вредных и обладающих сильным действием, которые проникают в тело через раны и язвы и селятся в тканях и крови». В трактатах содержится предписание врачам прикрывать чем-нибудь рот или лицо при чихании, смехе и зевоте и указывается, что все инструменты перед операцией следут прожечь на огне.

Судя по всем этим предостережениям, у врачей Древней Индии существовало представление — вероятно, чисто эмпирическое — о бактериях и других болезнетворных микроорганизмах.

Техника и приемы проведения операции описываются в этих трактатах со всей возможной полнотой. Не вдаваясь во многие подробности, упомянем только, что врач должен был все время уделять большое внимание состоянию пациента и делать все возможное, что-

бы максимально целесообразно провести операцию, начиная от разреза (который рекомендовалось делать твердой рукой, единым быстрым движением и так, чтобы форма его строго соответствовала не только цели операции, но и форме оперируемого места на теле, а также приводила бы к минимальной потере крови) и кончая приведением в чувство пациента, лишившегося сознания. Последнее следовало делать с такой быстротой, «с какой человек подхватывает падающую в глубокую воду дорогую ему вещь». Среди ряда других способов для этого рекомендуются массаж и масляные растирания жизненно важных центров.

В послеоперационный период пациента надлежало поместить в чистое помещение и окружить расположенными к нему людьми, «умеющими вести с ним интересный разговор», но так, чтобы он не волновался и не кричал. Назначалась высокопитательная, но легкая диета и предписывалась особая осмотрительность по отношению к сильнодействующим лекарствам.

Была разработана и этика по отношению к умирающим. Врачам предписывается неустанно бороться за жизнь больного до его последнего вздоха, так как «человек иногда возвращается вспять от самых ворот царства Ямы (то есть бога смерти)».

Врач, который ясно видел, что больной не выживет, должен был до самого конца уверять его в том, что он поправится, а также стараться не причинять боли его родным каким-нибудь неосторожным признанием.

Труды древнеиндийских врачей и теоретиков медицины пользуются большой популярностью и в современной Индии. Они переиздаются как на санскрите, так и в переводах на новоиндийские языки. В Индии существует большое количество медицинских институ-

тов, в которых производится подготовка врачей на базе Аюрведы (они так и известны под названием аюрведических), и специалисты, подготовленные в этих учебных заведениях, имеют дипломы врачей системы Аюрведы и право практиковать на равных основаниях с врачами, изучавшими европейскую медицину. Все фармакологические средства, используемые ими, добываются из трав, минералов и живых организмов, а поэтому в большинстве своем не имеют тяжелого побочного действия и охотно используются больными. Во многих городах Индии существуют аюрведические больницы, где проводится, главным образом, фармакологическое, психотерапевтическое и самое разнообразное физиотерапевтическое лечение.

И, возвращаясь к змеям, с которых началась эта глава, я хочу упомянуть о том, что их яд издавна применяют ко многим аюрведическим лекарствам и считают, что он приносит большую пользу. Так что отношения индийцев со змеями сложны и многоплановы.

Здесь, в Индии, непринужденно сочетаются самые, казалось бы, трудно сочетаемые вещи и понятия. Мне вспоминается один случай, происшедший со мною в Пуне, который очень наглядно, по-моему, иллюстрирует эти слова. Мне пришлось там очень много и напряженно работать — вести курс срочной подготовки преподавателей русского языка, а дома проверять тридцать тетрадей, да еще готовить для стеклографирования очередные уроки учебника, который я писала для своих студентов. Словом, часто я засиживалась за письменным столом до глубокой ночи. И вот я стала замечать, что перед открытыми дверями моего домика во дворе собирались какие-то люди, садились на корточки, подолгу смотрели на меня, шептались о чем-то, уходили, приходили снова. Привыкнув ничему особенно не удив-

ляться, я время от времени подымала голову, улыбалась и кивала им и, получив в ответ кивки и улыбки, снова занималась своим делом. Все тем бы могло и ограничиться, но однажды несколько стариков вошло в мою комнату. После взаимных приветствий один из них обратился ко мне с немного неожиданной просьбой:

— Скажите, вы не могли бы здесь умереть?

— Как это умереть? Для чего? — спросила я ошеломленно и тут же подумала: «До чего же глупо я это спрашиваю».

А оказалось не так уж глупо, потому что мои посетители стали мне охотно объяснять, для чего надо здесь умереть:

— Видите ли, мы все смотрим на вас много времени и говорим, что вы не просто женщина, вы не такая, как все люди.

— Почему же это? Кто же я, по-вашему?

— Вы — санта, святая.

— Да помилуйте, что вы это говорите!

— Да, да. Вас послал ваш великий народ из дружбы к нашему народу, чтобы помочь нам получить образование. Если бы ваша могила была здесь, мы много лет приходили бы к ней молиться за вашу страну. И сто лет, и даже дольше. У нас есть обычай сходить в землю живыми. Тех, кто так делает, уже никогда не забывают.

Я была крайне удивлена и смущена одновременно. И глубоко благодарна этим славным простым людям за то признание моего скромного труда, которое они выразили таким странным способом. Тем более что это было не столько признанием моих небольших заслуг, сколько выражением признательности всему нашему народу за дружбу, за помощь. И неважно было, что

для выражения этой признательности они нашли несколько непривычную для нашего слуха форму — ведь они искренне хотели бы учредить в индуизме еще один из многих сотен культов — культ памяти учителя русского языка.

Этот обычай сходить в могилу заживо практикуется уже много веков. Судя по преданиям, такой способ смерти избирали многие духовные наставники или борцы за какую-нибудь идею, снискивая себе таким путем вечную память народа и укрепляя в его сознании свое учение. Я бывала на таких могилах, именуемых самадхи. Здесь происходят собрания, люди молятся, читают стихи, поют гимны, играют на музыкальных инструментах и рассказывают всякие эпизоды из жизни того, кто сумел таким способом снискать их уважение и признательность. Повторяют слова его учения, читают то, что он написал...

Я поблагодарила от души моих гостей за оказанную мне честь, а затем мы долго беседовали о борьбе за мир, о политике, о наших космических полетах и обо всем, что пишут в газетах. Они не были ретроgrадами, не были ограниченными людьми, видящими все только через призму религии, — современная жизнь во всех ее формах была им знакома и понятна. Но давние традиции тоже пока еще остаются реальностью и неуловимо переплетаются в их сознании с восприятием новой жизни.

СИКХИ, СИКХИ, СИКХИ

Каким я увидела Панджаб, когда приехала сюда в первый раз? Что сразу врезалось в память? Золотые поля цветущей горчицы, залитые солнцем; каналы, широкие и узкие, много каналов, полных сверкающей воды; синяя кромка гор по горизонту; глиняные деревни в полях и форты, форты в городах, возле городов и у дорог.

Дома с плоскими крышами, почти лишенные архитектурного убранства, с коленчатыми узкими улицами. Стены выходят из-за стен, стоят под углом к другим стенам, обрамляются невысокими балюстрадами по краю плоских крыш. Часто кажется, что проезжаешь не по улицам города, а по крепости. Только на базарных улицах где-нибудь в центре города, видны балконы, галерейки, резьба.

Кирпич, кирпич повсюду. Почти все дома красные, но есть и побелка прямо по кирпичу. Старые здания от новых можно отличить по размеру кирпича — у старых кирпичики маленькие, а у новых — большие, толстые. В кирпичных стенах узкие дверные проемы и за ними — узкие крутые лестницы прямо в толще стены.

Внутренние дворики, как и везде в Индии, — это царство женщин днем и спальня всей семьи ночью. Впрочем, спят и на улицах. Тихо, темно, луна плывет

между углами и балюстрадами крыш, а на узких затененных улицах сплошь стоят чарпон, и на них мирно спит мужское население города, раскинув усталые руки и обратив к звездному небу бородатые лица.

А из фортов мне больше всего запомнился форт в Бхатинде, в маленьком городе на песчаном юге Панджаба. Он грандиозен и выглядит непобедимым. Его стены метров сорок высотой расширяются книзу, а от этого кажется, что они туго упираются в землю своим подножием. В щербинах гнездятся голуби, летают под солнцем, воркуют. Внизу лежат большие осыпи кирпичи. Пыль, сухая колючая трава. И внутри форта пусто, тихо. Говорят, в древности здесь протекала река Сатледж, и форт был обеспечен водой. Были в нем и подземные ходы, которые вели в город и к воде. Были, вероятно, и колодцы. А сейчас — зной, развалины, спекшаяся земля.

Если минуту посмотреть на все это в молчании, то без особого усилия можно себе представить, какая жаркая, острая, напряженная жизнь кипела когда-то в этих стенах.

Воины Панджаба не знали пощады, знали также, что и от врагов не будет пощады, и стояли в этих стенах насмерть, отбиваясь от врагов.

Единственным слабым местом этих фортов были ворота. Хоть они и кованые, и усажены железными шипами, и тяжелы, и огромны, но по сравнению со стенами кажутся непрочными. А ведь чтобы их раскачать, на них гнали слонов, и слоны с разбегу били головами по воротам и наваливались на них боками. Они насаживались на шипы и, зверея от боли и обливаясь кровью, бросались иногда и обратно, топча и подминая под себя эту воющую, ревущую толпу людей, которая безжалостно гнала их на приступ. А сверху, со

стен, лилась горячая смола, сыпались железные стрелы, катились раскаленные камни, падали сотни кобр, вытрясаемые сверху из корзины, летели горящие факелы. Все это жгло, слепило, пронзало, жалило, терзало.

Каждая пядь панджабской земли пропитана кровью. Каждый город, каждый камень в городе помнит ярость осады и мужество обороны.

Много веков шло по стране средневековье, кровавое, огненное, раздираемое междоусобицами, коснеющее в невежестве, утопающее в роскоши и снедаемое нищетой. Шло, породив два закона и признавая только эти два закона — закон силы и власти и закон мужества и чести. Можно было жить, только будучи подавленным или не давая себя подавить. И те, кто не хотел склониться перед силой и властью, жили, борясь, и погибали не сдаваясь. И о них складывали песни, которые и сейчас народ поет с гордостью и тоской.

И так же непримиримо разгоралась борьба за человеческие души. Одна религия не принимала другой, одна вера вставала на другую. И особенно нетерпимо воевал против всех вер ислам — вероучение острое и прямое, как клинок. И, словно тонким и острым клинком, пользовались им иноземные правители, вторгавшиеся на индийскую землю.

По многим землям прошли князья ислама, много разных религий они искоренили, много народов обратили в свою веру, а вот в Индии столкнулись с такой религией, которая обволакивала и поглощала все инородное, что в нее проникало. Индуизм — наследие нескольких тысячелетий, религия, отягченная собственным многообразием, словно огромное дерево, усыпанное одновременно и цветами, и плодами, и шипами, и листьями, — индуизм оказался трудноодолимым. Он все пропускал в себя, расступаясь и поглощая. На месте

десятков обрубленных его ветвей выростали сотни новых, да еще к тому же принимавших иногда форму того меча, которым их срубали. Все больше и больше индусов стало обращаться в ислам, поддаваясь посулам или уступая насилию, но, обращаясь, умудрялись они сохранять и прежние обычаи, и повадки и даже принесли в ислам, в эту религию равенства, деление на касты, по-прежнему оставаясь при обращении в чужую веру сыновьями Индии...

Как память о боевом прошлом Панджаба здесь всюду и теперь можно видеть вооруженных людей. На любой базарной улице, шумной и веселой, сквозь яркую ее сутолоку видны лавки оружейников, а в их прохладной полумгле — острое поблескивание княжатов и сабель.

И всюду — в городах, в деревнях, на дорогах — сикхи, сикхи, сикхи: воины Панджаба, мужество Панджаба, историческая его слава.

Мне думается, что даже человек, ничего не знающий об истории сикхов и видящий их впервые, не может не заметить того, какие они особенные и как резко они отличаются от любых других жителей Индии. И не тем, что их тюрбаны прикрывают длинные волосы, собранные в пучок на макушке, или тем, что они не бреют усов и бород. Что-то другое, очень характерное, сразу бросается в глаза, когда видишь сикхов. И не только в Панджабе, где эта особенность сикхов более заметна, а и в других местах, где они главным образом занимаются теперь торговлей или водят машины. Я бы определила эту черту так: готовность к бою. Вы можете, повторяю, ничего не знать о сикхах и об их воинском прошлом, но в каждом из них вы почувствуете даже после самого короткого разговора что-то такое, что, вероятно, правильной всего было бы

сравнить с туго закрученной пружиной или взведенным курком. А уж кинжал или сабля у пояса или висит за плечами — это только внешние признаки их сути.

Века и века непрерывных сражений сформировали людей с таким характером.

Панджаб — Пятиречье, плодородная земля — всегда первым встречал удары захватчиков, налетавших из-за северо-западных гор. Панджаб — это ворота в Индию, дорога к ее столице Дели и другим богатым городам Гангской равнины. Из века в век Панджаб первым выдерживал натиск захватчиков, первым терял своих сыновей и первым восставал против власти чужеземцев. Вольность и независимость свою он потерял только к середине XIX века, когда — последним в Индии! — он пал, опутанный цепями английской колонизации.

Сложна, горька и кровава история Панджаба, и забываема слава его воинов. Народ хранит в легендах и песнях память о каждом событии прошлых веков, о каждой битве, о всех победах и утратах. Так хранят и так помнят, что просто диву даешься. Так умеют рассказывать о подвигах героев, живших 200—300 лет назад, что кажется, будто рассказчик был дружен с ними и знает не только их воинскую жизнь, но и каждого члена их семьи и рода. Все упомянут в рассказе — рост, цвет глаз, костюм и украшения, привычки и манеры каждого из них, и встает перед слушателями нарисованное невидимой кистью яркое полотно той ушедшей жизни, той эпохи. Все это вещно живо и вечно близко душам тех, кто живет сейчас, кто по прямой линии происходит от этих ушедших, принявших геройскую смерть.

Их было много, сотни тысяч, и миллионы их потом-

ков сейчас следуют их заветам, продолжают традиции их жизни.

Умнейшим человеком своей эпохи был основоположник сикхизма Нанак, родившийся в 1469 году. Его детство и юность протекали в Панджабе, в том Панджабе, на который волна за волной обрушивались завоеватели.

Население Панджаба той эпохи было самым разным. Потомственные воины Западной Индии — раджпуты, жившие и в самом Панджабе и укрывавшиеся в северных горах от вражеских армий, строили форты и храмы и противопоставляли исламу яркую приверженность к индуизму и кастам. Потомки доарийского темнокожего населения Панджаба верили в собственных древних богов и несли крест своего полурабского положения, который взвалили на их плечи еще арийские завоеватели.

На землях северного Инда селились племена воинственных афганцев-патанов, приверженцев ислама, а на землях южного — племена мусульман-белуджей. Вдоль русл рек и в предгорьях кочевали со своими стадами племена скотоводов-гуджаров, тоже поклонявшихся своим собственным богам. А на плодородных землях центрального Панджаба селились джаты — земледельцы и ремесленники, мигом превращавшиеся в воинов, когда в их земли вторгались полчища врагов.

Панджаб лежал на границе с миром ислама, здесь был стык двух вер, двух культур. Феодалы правители стран, простиравшихся за западными и северными горами, испокон веков смотрели на Панджаб как на желанную добычу и еще задолго до ислама разоряли его земли бесчисленными набегами. Когда же арабы донесли зеленое знамя пророка до Ирана, Афганистана и Средней Азии, тогда у правителей этих

стран появилось оправдание любых вторжений и захватов. Слова их священного писания звали вперед и снимали любую вину, открывая перед ними путь к превращению из солдат-наемников в солдат-фанатиков.

Мирное население Панджаба все чаще и чаще должно было браться за оружие, чтобы отстаивать от врагов свои дома, и свои поля, и скот, свои города и храмы.

Но не было равенства и не было единства в этих войсках. Кастовые барьеры были неодолимы, племенные и религиозные различия мешали понимать друг друга.

Люди неоднократно делали попытки сблизиться, пайти синтез, сплав идеологий, который помог бы им соединить свои силы, который снял бы с их жизни проклятие кастового неравенства. И не только по Панджабу — по всей Индии тогда перекатывались волны движения бхакти, мощного движения за право на полноценную жизнь, движения против высших каст, захвативших земли, имущество, право на обучение, на законодательство, на богослужение. На гребнях этих волн время от времени поднимались проповедники равенства, призывавшие всех соединиться в вере в единого бога и в безграничной любви к этому богу.

Страна, истерзанная бесконечными внутренними распрями, обескровленная ударами захватчиков, силилась сбросить кастовые оковы.

И вот тут предлагал себя ислам — религия без каст, религия, обещавшая равенство всем, кто признает, что нет бога, кроме аллаха, и что Мохаммед был пророком его.

В ислам обращались тысячи людей. И потому, что надеялись обрести равноправие, и потому, что некото-

рые правители силой обращали людей в новую веру, и потому, что обратившиеся платили меньшие налоги.

А проповедники учили, что любой бог — это бог, что от имени бога ничего не зависит, что божественная сущность аллаха и Вишну одинакова.

Очень большим влиянием в XIV—XV веках пользовались суфии — мусульманские проповедники, учившие, что бог — это добро, что надо погружаться в мистическое общение с ним путем размышлений, пения молитв и повторения его имени. Это было понятно и близко индусам, это было близко и учению бхакти. Суфии учили о равенстве и учили равенству. В Панджабе, где вопрос равенства, единства, слитности был вопросом жизни и смерти, учение суфиев и учение бхактов привлекало многие сердца. И Нанак, выросший в Панджабе XV века, учившийся и у муллы и у брахманов, сделал целью своей жизни создание учения об истинном равенстве.

На рубеже нового века он возгласил, что ему было видение и бог открыл ему, что разница в вере не создает разницы между людьми и что все равны вне зависимости от вероисповедания и касты. Он стал с жаром проповедовать свое учение, разъезжая по всему Панджабу. Сначала его окружала небольшая группа приверженцев, которым он дал имя сикхов — «учеников», но с годами она выросла в значительную общину, жадно впитывавшую учение своего гуру — «учителя». Среди сикхов были самые разные люди — они слушали проповеди Нанака и исполняли вместе с ним молитвенные гимны, приходили также мусульмане и члены высоких и низких каст.

Нанак резко выступал против брахманской гордыни и против бесчисленного множества ритуальных обрядов, совершения которых брахманы требовали от всех

последователей индуизма. Он выступал против служения изваяниям богов. Он отрицал брахманские предписания отшельничества во имя спасения души и утверждал, что мирская активная жизнь, жизнь среди людей и во имя служения людям гораздо более угодна богу.

Все, чему он учил, было направлено против разъединения людей, было направлено на то, чтобы они осознали свое подобие друг другу.

Нанак был и хорошим поэтом. В своих молитвенных песнопениях он яркими и сочными красками живописал природу Панджаба, труд людей на его полях, их радость в дни урожая.

Он призывал людей размышлять о боге в предутренние часы, а дни свои отдавать полезному труду. Ритуал, который он выработал для своих сикхов, был прост, понятен и целесообразен.

Он ввел обычай совместных трапез — это исключало запреты межкастового общения. Сикхи ели все вместе, и с ними ел их гуру Нанак. Впервые в истории Индии члены высоких каст ели вместе с членами низких, да еще из одной посуды.

И еще одна неоценимая его заслуга состоит в том, что во время молений он стал пользоваться народным разговорным языком панджаби. Не древний санскрит брахманов, не персидский язык двора мусульманских правителей и не арабский язык медресе, а простой, каждому родной язык панджаби.

Допуская к молитве и женщин, он открыл своей религии путь в недра каждой семьи.

Величайшим человеком своей эпохи был гуру Нанак, которого современные сикхи зовут «гуру Нанак део», то есть «учитель-Нанак-бог».

После его смерти сикхизм стал разрастаться, как пламя. Следующий гуру создал особый алфавит языка

панджаби, укрепив идею панджабского национализма. Движение вышло за рамки городов и стало распространяться по деревням.

Третий гуру стал выступать против затворничества женщин и против многоженства, начал призывать к межкастовым бракам и — неслыханное в Индии дело! — к бракам вдов. Строжайшим образом он воспретил также сатн — обычай самосожжения вдов.

Последующие гуру поощряли развитие торговли и ремесел, основывали города и строили гурдвары — сикхские молитвенные дома. Трапезная при гурдваре — лангар — стала местом проверки готовности к равенству и истинного признания равенства. Она приобрела ритуальное и социальное значение: кто ест в лангаре на равных правах со всеми, тот истинный сикх, тот исповедует правильную веру.

В XVI веке, при пятом гуру, Арджуне, выстроили прославленный храм Харимандир, известный ныне под названием Золотого Храма, и город вокруг него — знаменитый Амритсар.

К началу XVII века гуру Арджуи собрал все гимны и молитвы, сложенные предшествующими гуру, сам создал много новых и составил, таким образом, священное писание сикхов — Грантх, или Грантх-сахаб, или Гуру-Грантх-сахаб. Эта книга была торжественно возложена на престол Харимандира, и с тех пор этот храм стал главной святыней сикхов, оплотом их веры.

Рост сикхской общины и распространение ее влияния стали восприниматься в Дели как угроза трону Великих Моголов. Джахангир начал войну против сикхов и захватил в плен гуру Арджуна.

Не выдержав жестоких пыток, гуру попросил у своих тюремщиков разрешения совершить омовение, по-

грузился с головой в воду реки и навеки расстался со своими друзьями и со своими противниками. Это случилось в 1606 году.

Горькая участь гуру Арджуна и нависшая над сикхами военная угроза заставили следующих гуру усиливать военную организацию общины и возводить по всему Панджабу все новые и новые форты. Появились группы сикхов и в других областях Индии — всюду, где жили панджабцы.

В XVII веке на трон Великих Моголов взошел Аурангзёб, правитель жестокий и коварный. Он был сыном великой любви отца своего Шах Джахана и матери своей Мумтаз-и-Махал — «Жемчужины рода Моголов», такой любви, о которой пели песни и слагали легенды при их жизни. Это именно в память о своей любимой, в память о своей бессмертной любви воздвиг Шах Джахан мавзолей Тадж-Махал — одно из чудес света, «белый сон, застывший над водою», — памятник, привлекающий в Агру и сейчас миллионы паломников и туристов.

Мудростью и спокойствием было отмечено правление Шах Джахана, кровью залил Индию Аурангзёб за годы своего царствования. Кровью был залит и путь его к трону, он убивал своих братьев, и их детей, и советников своих братьев, и многих придворных и полководцев. Взойдя на престол, он заточил отца своего во дворец-темницу, окнами выходивший на Тадж-Махал, и предоставил ему возможность медленно умирать, глядя на мавзолей своей любимой жены, на это сияющее беломраморное чудо.

Аурангзёб был фанатичным мусульманином, нетерпимым ко всякой другой вере, и за свою жизнь разрушил много прекрасных индийских храмов и превратил в прах много сокровищ индусской культуры.

Сикхи заботили его с давних пор. Он наводил Панджаб шпионами, он посылал свои отряды преследовать сикхов, он жестоко казнил их девятого гуру, престарелого Тегх Бахадура, велел заживо распилить его пилой посреди улицы Чандни-Чоук в старом Дели.

Привыкнув к мысли о равенстве в рамках братской своей общины, сикхи смело поставили вопрос о праве на власть и землю, вопрос о свободе. Они считали, что имеют право поднять оружие на всех своих угнетателей и поработителей.

И вот на эту подготовленную почву, к этой бурлящей, такой разноликой и вместе с тем такой уже однообразной массе, вышел последний наставник, последний живой гуру, настоящий вождь, плоть от плоти сикхов — Говинд Рани.

Последняя четверть XVII века протекала в Панджабе под знаком славных его дел. Его лозунгом, залогом всей его деятельности было — все силы на службу военизации общины. Он ясно понимал, что слабый не устоит перед ударами сильного, что его панджабцам, его сикхам грозит тройной враг: Великие Моголы, афганские соседи, не раз уже налетавшие на Панджаб, и собственные феодалы, боявшиеся сикхской вольницы как огня, презиравшие сикхов за низкокастовость и оберегавшие от них, малоземельных, свои богатые угодья.

Красавец и рыцарь, поэт и дипломат, охотник и воин — таким предстает перед нами Говинд из рукописей и легенд, песен и поэм, таким изображают его тонкие миниатюры и народные лубки.

Почти всегда его рисуют сидящим на коне, и этот конь, подобранный, горячий, мускулистый, как бы сплавлен с гуру в один порыв и тоже готов ринуться в бой, прорваться, победить.

Яркий наряд, сверкающее оружие, сокол, напряженно застывший в руке, — все это неизменно присутствует во всех изображениях Говинда. Его фигура так динамична, что стоит только чуть-чуть напрячь воображение, чтобы увидеть, как он скачет в клубах горячей пыли во главе своего безудержного войска, как рубится с врагом, как всегда умеет быть первым, ведущим за собой и неукротимым. Легко себе представить, как беззаветно была ему предана вся эта яркая масса таких трудных, таких пламенных и таких фанатичных воинов.

Когда смотришь на изображение Говинда, кажется, что он так и прискакал откуда-то в Панджаб на своем стремительном коне и никогда не покидал седла. А был он не только воином, но и мудрецом, поэтом и дальновидным политиком. Он обладал тем сквозным зрением, без которого невозможно успешно и правильно оценить и возглавить историческое движение, выбрать из огромного клубка перепутанных обстоятельств нити, необходимые для руководства.

Прозорливая мысль Говинда и неукротимый его дух помогли ему найти для общины сикхов единственно нужную по тому времени форму — форму боевого братства, массовой воинской дружины.

У подножия гор, в зеленой местности раскинулся городок Анандпур. Тогда, в конце XVII века, это было небольшое местечко, удобное прежде всего тем, что от него было рукой подать до гор и лесов, всегда готовых укрыть отважных, когда они нуждаются в укрытии.

Сюда созвал гуру Говинд в 1699 году всю общину сикхов на праздник весны — Байсáкхи. Многие тысячи преданных устремились в Анандпур.

К этому дню в городке и вокруг него выросли целые улицы шатров.

На улицах шатрового царства вспыхивали воинские

игры и поединки, оружие сверкало всюду, куда ни бросишь взгляд. Только ночь успокаивала бурлящую массу, повергая всех в богатырский сон под покровом самого большого шатра Индии — неба, расшитого звездами.

Этому празднику Байсакхи было суждено войти в историю. Его отголоски гремели многие десятки лет, как отзвук обвала в горах, который порождает новые обвалы и лавины. В этот день была создана хальса — сикхская армия, покрывшая себя неувядаемой славой.

В этот день все собрались на площадь по зову гуру. Море разноцветных гурбанов сомкнулось вокруг его шатра и затихло, готовое внимать каждому его слову. Из шатра вышел к толпе гуру Говинд — тот, кого любили, кому верили, на кого возлагали все свои надежды. Оглядев всех, он спросил у собравшихся:

— Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Из толпы вышел сикх и без колебаний направился к Говинду. Гуру взял его за руку, обнажил меч и ввел в шатер. Через миг из-под дверной завесы и краев шатра потекла кровь и стала разливаться вокруг, заставившая все сердца сжаться от ужаса. Но не успел утихнуть гул страха и недоумения, как гуру вновь появился перед толпой, держа в руке окровавленный меч, и снова спросил:

— Есть ли здесь хоть один, кто готов отдать жизнь за веру?

Еще один встал и, расталкивая сидящих на земле, направился к Говинду. Посмотрев в его глаза долгим взглядом, гуру взял его за руку и ввел в шатер. Взоры людей были прикованы к окровавленной земле, и все ахнули, когда новая волна крови хлынула из-под шатра и стала растекаться все шире и шире.

А гуру снова стоял перед ними и спрашивал:

— Есть ли здесь хоть один?..

После долгого замешательства и движения, прокатившегося волнами по всей толпе, встал еще один и был уведен за первыми двумя. Когда новые струи крови полились по земле, дрогнули души людей. Поднялся ропот, многие стали убегать, говоря: «Гуру собрал нас, чтобы убить. Мы не за смертью сюда пришли, а на праздник».

Но вот еще два смельчака вышли из мягущейся толпы и были уведены в шатер рукою гуру.

Когда смятение и ужас достигли предела и люди не знали, что все это означало и долго ли гуру будет убивать своих верных учеников, Говинд вышел из шатра и вывел за собой всех пятерых, живых и здоровых, облаченных в богатые праздничные одежды.

И тогда все узнали, что убиты были козы, заранее приведенные в шатер, и что это испытание было нужно гуру для того, чтобы выявить самых преданных, самых смелых, самых безупречных из числа своих последователей.

Говинд объявил, что эти пятеро, которых он возлюбил больше самого себя, станут ядром новой армии, боевой дружины, хальсы — «армии чистых», армии истинных сикхов. Под именем «панч пийрэ» — «пять возлюбленных (больше самого себя)» известны эти пятеро в истории сикхизма, и в каждой процессии сикхов даже в наши дни можно видеть пятерых, несущих мечи на плече и облаченных в праздничные шелка, — напоминание о том Байсакхи.

По слову гуру принесли сосуд с водой, и он мечом размешал в ней тростниковый сахар и дал этим пятерым испить воды, а затем сам испил из их рук и провозгласил, что таким будет отныне обряд посвящения в хальсу.

Праздник разлился широкой волной. Сикхи, охваченные воодушевлением и новым порывом любви к своему гуру, тысячами проходили посвящение и становились воинами хальсы. И в основной своей массе это были джаты, вольнолюбивые джаты срединного Панджаба.

Здесь же в Анандпуре было провозглашено, что истинный сикх должен иметь пять знаков своей принадлежности к боевому братству — никогда не стричь и не сбривать волос, усов и бороды, всегда иметь в волосах гребень, на правой руке — стальной браслет, а у пояса — кинжал и всегда носить под тканью, драпирующей бедра, плотные короткие штаны. Все эти слова на языке панджаби начинаются с буквы «к», и пять признаков известны как «5 к».

Так выработывался облик сикха-«кесадхари», то есть «сикха с волосами», и с тех пор все сикхи, проходящие посвящение, не стригутся и не бреются в отличие от сикхов-«сахадждхари», то есть «сикхов без волос», которые не посвящены в хальсу и не должны иметь «5 к».

Всем сикхам Говинд запретил курить, жевать табак, пить и прикасаться к мусульманкам.

Он объявил, что сикхи отныне будут прибавлять к своему имени титул «синг» — «лев», и с тех пор все сикхи-мужчины неукоснительно придерживаются этого обычая. Женщины общины тоже носят мужские имена, но прибавляют к ним титул «каур» — «львица».

Сикхская армия стала при Говинде организованной силой. Он стал брать с сикхов дань оружием и лошадьми. С каждым годом росла боевая мощь хальсы.

В прежние годы отдельными группами сикхов руководили выборные главы — масанды, выходцы из городской невоенной среды. Они стали то тут, то там претендовать на самостоятельную власть и противопос-

тавлять себя гуру. Говинд подавил их протесты и сосредоточил всю власть в своих руках. И тогда забеспокоились высокородные раджупуты, жившие в своих горных гнездах по соседству с землями Панджаба. Они неоднократно нападали на сикхов, но проигрывали бой, и эти победы окрыляли Говинда.

Наконец сикхская армия встретилась в бою с соединенными силами раджутонов и Моголов. Два старших сына Говинда Синга были убиты, а два младших, укрывавшихся в городе Сирхинде, были преданы его губернатором, захвачены Аурангзебом и заживо замурованы в стену.

Тогда Говинд написал ему, что Панджаб все равно не подчинится. «Подожгу землю под копытами твоих лошадей, но не дам тебе испить воды в моем Панджабе».

И Аурангзев не исполнил.

Первое десятилетие XVIII века отмечено гибелью обоих врагов: в 1707 году простился с жизнью Аурангзев, а в 1708 году от смертельной раны, нанесенной рукой врага, умер в военном походе Говинд Синг. Перед смертью он сказал своим сикхам, что больше не должно быть у них ни одного гуру и что высшим авторитетом будет теперь их священная книга Грантх, в которой собраны все мысли и указания их великих гуру.

Когда его глаза закрылись, панджабцы узнали, что незадолго до своей гибели он встретился на берегах реки Годавары с никому не известным отшельником и после нескольких бесед с ним в тиши его мирного прибежища вручил ему указ, в котором повелевал всем сикхам подчиняться каждому его слову.

Не успели тело Говинда Синга предать сожжению, как этот отшельник, сменив имя Лачман Дас на имя Банда, а смиренный свой облик аскета — на обличье воина, ринулся словно тигр на виновный Сирхинд, что-

бы отомстить его жителям и губернатору за преданных врагу и погубленных детей Говинда.

Волна крестьянских восстаний поднялась в Панджабе. Банда шквалом налетал на имения богачей, жег их, грабил и распределял трофеи среди своих последователей и бедных крестьян. Под знамена Банды собралось большое войско сикхов, которое он неудержимо вел на Сирхинд.

Налуганный губернатор Сирхинда, Вазир Хан, объявил джихад — войну мусульман против неверных. Вооруженная мушкетами и пушками, организованная армия выступила против смешанных войск Банды, имевших только холодное оружие, палки да мотыги. Разгорелся бой, в котором победила неукротимая ярость мстителей и восставших — Вазир Хан был убит, его армия разгромлена, а Сирхинд пал, был разграблен и сожжен.

К сикхам и восставшим присоединились скотоводы — гуджары и другие труженики Панджаба, даже крестьяне-мусульмане. Богатые и владетельные бежали без оглядки, стремясь оставить далеко позади мятежную страну.

Наследник Аурангзеба, его сын Бахадур Шах, был в это время занят войной с раджпутами. Узнав о том, что творится в Панджабе, он оставил Раджастхан, бросил против Банды огромную армию и объявил джихад против сикхов. Банда укрылся в горах, где стал громить гнезда раджпутских князей, вспомнив их нелюбовь к сикхам.

Бахадур Шах умер в 1712 году, но его наследники продолжали сражаться с Панджабом. Хотя восстание было почти подавлено, но Банда со своими стремительными отрядами еще много раз налетал на армию Моголов и исчезал в горах, как неуловимый барс. Ранней

весной 1715 года против него выступили соединенные силы Моголов, пограничных афганцев и горных раджпутов. Они окружили его. Он велел запрудить головной канал, и вода затопила всю местность вокруг. Но это принесло не спасение ему, а гибель, потому что он сам потерял возможность маневрировать. Окруженные врагами, он и его воины тяжело болели, голодали и наконец сдались в плен в декабре 1715 года.

Расправа была такой, что о ней до сих пор рассказывают панджабцы с горькой болью, точно сами были ее свидетелями: две тысячи отсеченных голов были насыжены на копья, воткнутые в землю вдоль улиц Дели. самого Банду и его соратников привезли в столицу в клетках и пытали несколько месяцев, казнив только в июле 1716 года. Сикхов сгоняли смотреть на пытки и казни.

Много лет после этого хальса не могла собрать свои силы и воссоединиться. Губернатор Лахора, Захариа Хан, щедро платил за головы сикхов или за их длинноволосые скальпы. Это в его дни стали традиционным зрелищем для жителей Лахора казни сикхов на Конском базаре. Когда в конце 1730-х годов из Ирана вторгся Надир-шах, и хальса билась с его войсками, обороняя Панджаб и Индию, Захариа выдавал сикхов врагам. Крестьяне несикхи укрывали своих защитников как умели, но сами часто расплачивались за это жизнью.

К середине XVIII века хальса все же окрепла, и ее руководители снова велели крестьянам не платить землевладельцам налогов. Снова усилились столкновения с правительственными войсками, и снова умножились казни на Конском базаре.

Все чаще и чаще сикхи стали нападать на мусульман только за то, что они мусульмане. После всех перенесенных страданий они обратили лезвие своей ненависти

против всех мусульман вообще. От былых общих выступлений и общих бесед и проповедей не осталось и следа.

С 1748 года начались нападения на Индию афганского правителя Ахмед-шаха Абдала, который рвался к Дели через Панджаб. Губернатор Панджаба, Мир Манну, быстро понял, что сикхи являются более реальной и маневренной боевой силой, чем правительственные войска, и стал даже дарить военачальникам сикхов деревни, покупая таким путем их поддержку в войнах с афганцами. Но в перерывах между походами Ахмед-шаха он по-прежнему преследовал и казнил сикхов, боясь усиления хальсы.

Все же в 1750-х годах сикхи так окрепли, что фактически стали почти безраздельно господствовать в Панджабе. Ахмед-шах не прекращал своих набегов. Третий, пятый, восьмой поход — кровь хальсы лилась и лилась, а жены и дети сикхов всегда жили под угрозой казней и рабского плена. Несколько раз афганцы взрывали священный храм Харимандир и оскверняли воды его озера, заваливая его убитым скотом, и каждый раз сикхи очищали озеро и восстанавливали свой храм. Девятый поход Ахмед-шаха в 1769 году был последним — вскоре этот «демон захватов» умер.

При дворе Моголов к сикхам было двойственное отношение — с одной стороны, они были заслоном от захватчиков, а с другой — угрозой владычеству правителей в Индии.

Внутри самой хальсы многое уже изменилось за эти годы. Братские связи и всеобщее равенство уступили место делению на владетельных командиров — мисальдаров и рядовых членов общины, часто не имевших почти никакого имущества. Мисальдары ссорились и стремились отнять друг у друга земли и скот. Тяжбы

и противоречия подрывали единство общины, то самое единство, во имя которого она была создана.

В XVIII веке шла полным ходом английская колонизация Индии. Англичане зорко наблюдали за делами в Панджабе и за отношениями сикхов с Моголами, афганцами и Кашмиром. Это был вопрос северо-западной границы, а с нею было связано слишком много политических интересов. Англичане стали поддерживать Моголов против сикхов, когда отряды хальсы стали налетать на земли по ту сторону реки Джамны и на Дели.

В войнах с чужеземцами и с соседями, во взаимных распрях Панджаб изнемогал.

В конце XVIII века на историческую арену вышел новый вождь, последний вождь независимого Панджаба, Ранджит Синг. Подчинив часть мисальдаров силой и примирив остальных друг с другом, он укрепил свой союз с ними тем, что женился на дочерях многих из них. Воссоединив армию, он отбросил афганских завоевателей, снова ринувшихся на земли Панджаба, и, объединив свою страну, провозгласил себя в 1801 году махараджей. За много столетий это был первый верховный правитель Панджаба, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти феодального государя.

Он был прекрасным политиком и хозяином в своей стране. Жители многих областей Панджаба раньше платили налоги разным захватчикам, теперь Ранджит стал получать налоги со всей страны сам. Он создал двор, реорганизовал суд и благоустроил города. Не желая ущемлять самолюбие властолюбивых своих военачальников, он называл свой двор дарбаром (то есть советом), хальсы и свое правительство — правительством хальсы. Он участвовал в праздниках каждой религиозной общины, показывая этим, что Панджаб должен быть един, вне зависимости от веры, которую исповедуют его

жители. Он послал многих юных солдат служить в англо-индийской армии, чтобы перенять опыт дисциплины и организации. Он создал пехоту в своей армии, ту самую пехоту, которую всегда презирали сикхи, называя ее марши танцами дураков. Он развил производство огнестрельного оружия и пороха. Усилившись и окрепнув, его государство стало представлять собой оплот национальной независимости панджабцев и реальную силу, которую не могли сломить даже англичане.

Богатства Ранджита были сказочны. В его руки попал и легендарный бриллиант Кох-и-Нур — «Гора света», прославленный на весь мир. Когда-то он был найден в рудниках Голконды и очутился во владении Моголов. Когда Надир-шах вторгся в Индию, он отнял у Моголов этот бриллиант вместе с драгоценным Павлиньим тронном. После того как Надир был убит, Кох-и-Нур был захвачен Ахмед-шахом Абдали афганским и оставался в руках его династии вплоть до времени правления Ранджита Синга. В эти годы три внука Ахмед-шаха стали смертельно враждовать из-за престола. Один из них, Заман, владел Кох-и-Нуром. Брат Замана, Махмуд, заточил его в темницу и повелел выколоть ему глаза. Но и его глаза не увидели сверканья этого бриллианта, так как третий брат, Шуджа, успел захватить и припрятать его. Махмуд пленил Шуджу и отправил в заточение в Кашмир. Тогда жена Шуджи обратилась за помощью к Ранджиту, обещав ему Кох-и-Нур за спасение ее мужа. Захватив тюрьму, где томился Шуджа, Ранджит вывез его в Панджаб и в 1813 году стал владельцем несравненного камня.

В непрерывных войнах протекала его жизнь. Был захвачен Кашмир и пограничные с Афганистаном земли, один за другим падали под натиском войск Ранджита вражеские форты. Одной из славнейших его побед было

Бог-обезьяна Хануман.

Сканда — бог войны.
Персонаж кукольного
театра в Раджастане.

Вид одной из горных крепостей раджпутов.

Странствующие кукольники Раджастхана.

В одной из деревень Раджастана.

Внутренний дворик был местом прогулки женщины семьи раджпутского князя.

На крестьянском дворе в Раджастане.

**«Старый дворец» в городе
Удайпуре.**

**«Встреча невесты» в Раджа-
стхане. Картина индийского
художника К. М. Дхара.**

Дома с росписью по стенам.

Фрагмент росписи на доме —
раджпут на коне.

Ослепительны под солнцем
белые храмы.

У этого водопоя тигров мы
не стали долго задерживаться.

Резьба по слоновой кости — одно из прославленных ремесел Раджастана.

Нередкое зрелище в Раджастане — обезьяны на сожженных солнцем деревьях.

В этот раз на родине шахмат советский шахматист-любитель обыграл индийского отшельника-шахматиста.

Обсерватория в Дели — один из образцов средневековых обсерваторий Индии.

Продажа сахарного тростника.

Торговля идет вдоль всех улиц и дорог.

**Летом все живое
стремится в тень.**

**«Ворота» в Индии — это
отдельное архитектур-
ное сооружение, под
сводами которого путник
находит тень и прохла-
ду.**

**Парадную процессию
Дня республики возглав-
ляют слоны.**

**Непальцы-гурки нани-
маются в солдаты, по-
лицейские, сторожа.**

Группа молодых панджабцев
исполняет бхангру — местный
традиционный танец урожая.

Знаменитый минарет Кутб-Ми-
нар в Дели.

**Радостно маршируют дети —
будущее страны.**

**Беседки сада Шалимар бли-
зи города Чандигарха в штате
Панджаб.**

Руины старого индусского храма стоят рядом с руинами мечети в саду Кутб-Минара.

Типичный образец индусской архитектуры — храм Кришны-Джаганнатха в городе Пури.

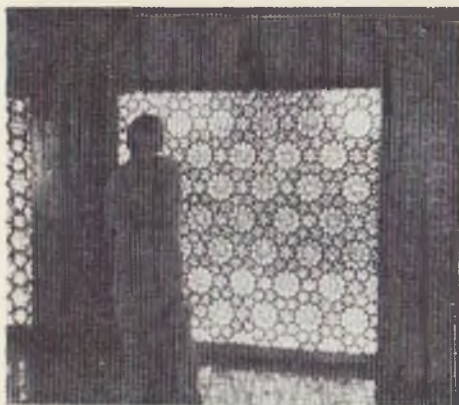

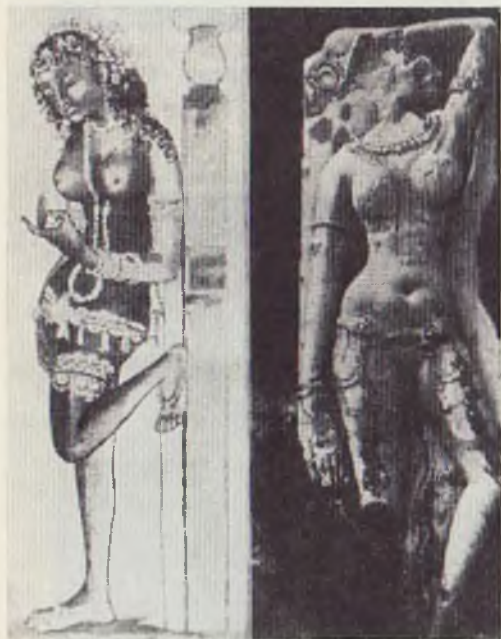
Беломраморное чудо Индии — мавзолей Тадж-Махал в городе Агре.

Мумтаз-и-Махал, любимая жена одного из Великих Моголов, Шаха Джахана. Это в память о ней возведен Тадж-Махал. [Миниатюра XVII века.]

Один из лучших образцов так называемого мусульманского орнамента — мраморная решетка в форту Агры.

В этой фреске буддийского пещерного монастыря Аджанты, как и в этой древней скульптуре, отражен индийский идеал красоты.

взятие Мультана в 1818 году — города, в котором правили афганцы и через который шли караванные и военные пути в Панджаб.

Особенной доблестью отличались в этих битвах ниханги — орден сикхов, которые не должны умирать своей смертью, но должны искать свою гибель в бою. Этот орден возник еще при жизни гуру Говинда — по преданию, он был основан одним из его сыновей. Ниханги отказывались от семейной жизни, от всякой хозяйственной деятельности, от всего, что не было связано с боем или с подготовкой к бою. Во всех битвах они были первыми в строю хальсы, они бросались в бой там, где все готовы были отступить, они пробивали брешь в рядах наступающих врагов, устилая своими телами путь сикхов к решающему и победному удару. Были случаи в истории сикхских войн, когда перед небольшими отрядами нихангов, налетавшими в слепой и безудержной ярости, в панике рассеивались превосходящие их по численности и вооружению силы врагов. Славным был путь нихангов до воцарения Ранджита Синга, и новые лавры стяжали они себе в дни его правления: имена их вождей Пхула Синга и Садху Синга знает каждый сикх в современной Индии.

Сложную политику вел Ранджит Синг. Он привлекал к себе на службу и брахманов, и низкокастовых, и гималайских жителей — гурков, и представителей одного из кашмирских народов — догра, и европейских офицеров — французов, англичан, итальянцев, венгров, и американцев. Он шел на все для упрочения своей власти и своей армии. Но никакие меры не могли превратить стихийную самоуправную хальсу в регулярную дисциплинированную армию. Солдаты вербовались сразу группами по деревням, и члены каждой такой группы были связаны кровнородственными узами и ста-

види превыше всех генералов своих традиционных вождей, постоянно поднимая бунты против власти командования и особенно против европейских офицеров. К тому же не было покоя и в покоренных областях — то тут, то там вспыхивали восстания. Не было покоя и при дворе.

Двадцать две жены имел Ранджит Синг, и родственники этих жен спорили за власть, за земли, за влияние при дворе. Семь сыновей он породил на свет, и матери этих сыновей боролись за престолонаследие. Интриговали при дворе и замиренные мисальдары, ослабляя центральную власть своими раздорами. И все же с ревностью следили за нежной привязанностью Ранджита к юному выходцу из области Джамму, населенной народностью догров, к красавцу Хира Сингу, благодаря которому многие догры стали влиятельными придворными в столице Панджаба.

В это время англичане уяснили себе, что Ранджит успел отвоевать почти все земли Панджаба и захватил многие из соседних с ним земель и что теперь он может обратить свои взоры и на Дели, и на остальную Индию. Ранджит стремился захватить Синд и выйти к морю, он искал в этом предприятии поддержки англичан, но они упорно отклоняли все его обращения о помощи. Зато, приезжая для переговоров в Панджаб, они проводили тщательную разведку владений Ранджита. И вскоре втянули его в соглашение, по которому пограничные афганцы, сикхи и англичане должны были вместе двинуться на Афганистан, чтобы отнять власть у его правителя Дост Мухаммеда и посадить на трон Шуджу, некогда спасенного Ранджитом. Он подписал соглашение, но сам не успел принять участия в этой операции — в 1838 году его разбил паралич, а в 1839 году он навеки простился со своим дорогим Панджабом.

Жизнь этого человека, его яркая интенсивная натура, его безудержная страстность во всем, его ум и решительность — все это воспевается современными панджабцами так живо, как будто он правил всего каких-нибудь десять лет тому назад. Много книг, стихов и песен написано о нем и о годах его царствования. В памяти народа он остался как самодержавный властитель, умный политик и человек, иступленно любивший жизнь во всех ее проявлениях: он умел ценить красоту, хотя сам был лицом темен, ряб и одноглаз; он умел любоваться ярким блеском чужих нарядов, но сам носил скромные однотонные одежды; он был привязан к жизни, как к самой любимой жене, но без колебаний рисковал собою в каждом бою; сам был безмерно гостеприимен и щедр, но равнодушно относился к дарам и подношениям, даже жену несчастного Шуджи настоятельно просил принять 300 тысяч рупий за отданный алмаз Кох-и-Нур; убивая людей в бою, он ни разу не изрек смертного приговора для тех, кто предстал перед его судом, — так о нем пишут, поют, рассказывают в Панджабе.

При всей противоречивости своей натуры он был именно тем человеком, который был нужен истории для того, чтобы создать единый и независимый Панджаб. После его смерти начался распад его государства. В армии начались раздоры между выборными старшинами и офицерами, судопроизводство больше не следовало букве закона, крестьяне отказывались платить налоги землевладельцам, потому что те произвольно завышали налоги и вели постоянную вражду из-за земель и власти.

Шестилетний сын Ранджита, Далип Синг, был наконец возведен на трон в 1842 году, а его мать стала регентшей Панджаба. Но страна была уже обречена. Англичане стали стягивать войска к границам Панджаба и возводить понтонные мосты на реке Сатледж. В пос-

ледный раз сикхская армия сделала попытку отбросить врага — отряды сикхов перешли Сатледж и воззвали к своему правительству, прося немедленно прислать подкрепление. Но им никто ничего не прислал. Мать Далипа и ее советники уже сговаривались с английским командованием о сдаче колонизаторам половины Панджаба. Преданные высокими государственными чиновниками сикхи были разгромлены в неравной битве. Маленький Далип Синг попал под «охрану» колонизаторов, и они стали воспитывать из сына непобедимого Ранджита своего преданного слугу и сторонника. Бесславно стал влачить свои дни сын славного отца: повторилась трагедия Орленка, сына Наполеона.

А генерал-губернатор Индии лорд Дальхузи писал в Англию: «Передо мной стоит главная задача — полностью разбить и рассеять силы сикхов, свергнуть их династию и подчинить народ. Это надо сделать быстро, окончательно и навсегда».

Поводом к удару по Панджабу послужило выражение недовольства со стороны губернатора Мультана. Колонизаторы назвали это восстанием сикхов и бросили свою армию в бой.

Армия хальсы была разбита. Практически лишенная руководства, раздираемая внутренними противоречиями, ослабленная бесчисленными боями, проданная и преданная своим правительством, хальса билась так отважно, что эту битву англичане считают одной из самых трудных, пережитых ими за весь период покорения Индии.

10 марта 1849 года остатки сикхов сложили оружие, а через две недели по всем базарам уже читали указ о присоединении Панджаба — последним в Индии! — к территории Ост-Индской компании.

А ЭТО — НИХАНГИ!

Мне сказали, что в дни праздника Байсакхи, праздника весны, все ниханги собираются для проведения воинских игр в Анандпур — священный для каждого сикха город, город, где родилась хальса, в Амритсар — столицу сикхов и в небольшой городок на юге Панджаба, Дамдама, где десятый гуру, воинственный Говинд, долгое время скрывался от врагов.

Поскольку ближе всего был Дамдама, или, как его почтительно зовут сикхи, Дамдама-сахаб, то есть «господин Дамдама», я решила поехать туда.

Двадцать миль по жгучей песчаной пустыне, где ветер хлещет по лицу горячим песком, где нельзя дышать носом, потому что он сразу пересыхает и трескается до крови, и нельзя дышать ртом, потому что в горло, в легкие и даже в пищевод набивается песок, — по этой пустыне лучше всего бы ехать в закрытой машине. Но закрытой машины не было, а был открытый «джип», и мы проехали эти двадцать миль, умножая своей скоростью напористую скорость знойного ветра и причиняя этим себе двойные мучения. Проехали и прибыли в Дамдама, где кипела ярмарка и по песчаным улочкам сплошной массой двигалась толпа ярко одетых крестьян из окрестных деревень. Почти все — сикхи. В пестрых тюрбанах, ярких рубахах, в длинных дхоти (которые они

надевают, как юбку-запашку, завязывая углы узлом на животе) и, конечно же, с оружием: мечами, кинжалами, ружьями, палками, окованными медью.

И повсюду в толпе — ниханги. Тюрбаны, как башни, достигающие иногда метровой высоты, и в складках тюрбанов — кинжалы. Спереди на тюрбанах сверкают вырезанные из стали символы сикхизма — изображение различного оружия, а сверху на тюрбаны нанизаны, как кольца на палец, одна над другой, — чакры.

Чакра — древнейшее оружие Индии, о котором всегда говорят и пишут, что его можно увидеть только на храмовых скульптурах, в руках каменных богов, и что уже много столетий назад она полностью вышла из употребления, — эта чакра, оказывается, не только хорошо знакома нихангам, но они ею пользуются как оружием в своих потешных воинских битвах. Это тяжелое плоское стальное кольцо, подобное диску с вырезанной серединой, и отточенное по внешнему краю как бритва. Его раскручивают на двух пальцах и бросают во врага. Чакра летит, вращаясь в горизонтальной плоскости, и при метком попадании (в шею) может начисто срезать голову.

Этим оружием пользовался бог Вишну, говорит предание. И оно же было излюбленным оружием бога Кришны. В «Махабхарате» подробно повествуется о том, как он однажды срезал своей чакрой голову заносчивого царя Шишупалы — сеятеля зла, покарав его за всю несправедную его жизнь.

Не думала и не гадала я, когда занималась «Махабхаратой», что встречу лицом к лицу с чакрой в реальной жизни, в наше время.

Ниханги, ниханги, рыцари воинской смерти, нет вам сейчас другого применения, кроме воинских игр да помощи и совета в делековки оружия в Панджабе! Сколь-

ко их собралось в Дамдама в дни Байсакхи? Трудно сказать. Мне показалось, что тысячи две, а впрочем, может быть, и три. Они группами бродят по дорогам Панджаба, как цыгане, спят в больших крытых повозках или прямо на земле. По уставу своего ордена, они не должны иметь семьи и не должны нигде работать, все получая бесплатно от населения.

Вооруженные до зубов, с лохматыми бородами, в огромных своих тюрбанах, из которых торчат рукоятки кинжалов, они вызывают боязливое восхищение в душах своих соплеменников и служат живыми памятниками собственной своей прошлой славы. Они приходят в деревни и говорят: «Мы голодны», и сейчас же жители выносят им все требуемые продукты. Они презирают деньги, не имеют их и даже государственным транспортом пользуются бесплатно.

И горе тому, кто ослушается ниханга, возразит ему или хотя бы посмотрит на него косо, — можно заплатить жизнью за такую дерзость. Ниханги убивают без колебаний, потому что сами не боятся смерти.

Ярмарочная толпа в Дамдама была переполнена нихангами. Всю первую половину дня они бродили по ярмарке, спали под деревьями, готовили пищу на кострах, готовили и пили свой знаменитый бханг — наркотический напиток из тертых листьев какого-то растения с водой. Они давали бханг и своим коням и собакам. Собаки без нужды ощеривались друг на друга, а кони возбужденно ржали и рвались с привязи.

После того как дневной зной стал спадать, вся толпа оживленно двинулась в гурдваре и священному пруду возле нее. Я взобралась с кинокамерой на кучу каких-то белых горячих камней и приготовилась снимать. Отсюда было видно все — и перспектива пруда и дороги, и вход в гурдвару, и кишашая народом площадь.

Это была лучшая точка под солнцем — увы, в буквальном смысле этого слова! — для того, чтобы начинать фильм о празднике нихангов. Моя спина скоро раскалилась, как плита, но зато камера была надежно укрыта в моей собственной тени, и освещение было превосходным.

Наконец вокруг пруда двинулась процессия нихангов. Что это было за зрелище! Впереди на слоне в золоченом паланкине ехал их вождь. За ним в беспорядке скакали на своих опьяненных конях всадники, а за всадниками валом валила толпа пеших нихангов во главе с обязательной пятеркой воинов — «панч пиярэ». Традиционные цвета одежды нихангов — синий и желтый — в самых разных комбинациях окрашивали всю процессию, и, подобно красному туману, ее окутывали клубы рыжей пыли. Все эти краски дополнялись бесчисленными вспышками блеска на остриях копий и на чакрах.

Вот так вот, вероятно, именно так выглядела хальса и в годы средневековья, когда сикхи собирались на бой, готовый разгореться на этой земле, на этой самой земле, где сейчас они проходят в процессии.

А над всем возвышались купола гурдвары, и издалека была видна картина под ее крышей, изображавшая сцену казни двух малолетних сыновей гуру Говинда — замуровывание их в стене.

На этой картине враги с перекошенными от ненависти лицами торопливо клали кирпичи, а два мальчика, уже замурованные по пояс, спокойно стояли, молитвенно сложив руки, и вокруг их тюрбанов сияли нимбы святости.

Проходя мимо этого изображения, ниханги потрясали оружием и выкрикивали угрозы, затем на миг скрывались в гурдваре для молитвы, тут же выходили обратно

и устремлялись куда-то прямо по скошенным полям.

Я устремилась вслед за ними.

— Не ходите, — говорили мне. — Разве вы не видите, что это опасно? Посмотрите, ведь даже другие сикхи следуют за ними в отдалении.

Действительно, все держались на расстоянии не меньше трехсот метров от славной процессии. Но мне-то нужен был фильм. Такой возможности больше не будет, видимо, никогда в жизни. И я пустилась догонять моих нихангов.

Почти милью шла я за ними по песчаным полям, прорываясь сквозь тучи пыли, и наконец мы достигли нужного места. По знаку своего вождя вся процессия остановилась, и воины мгновенно выстроились квадратом вокруг недавно сжатого поля. Я как-то невольно очутилась в первом ряду и, оглядевшись вокруг, увидела только ряды колышущихся тюрбанов, бороды да блеск стали. Так женщина кощунственно попала в ряды нихангов, да еще в момент их воинских состязаний. «Хорошо еще, — подумала я, — что я надела сине-желтое платье да волосы догадалась прикрыть синей косынкой. Ух! Как они на меня тем не менее косятся. Что-то будет?» Но раздумывать было поздно, я уже была тут, и надо было снимать.

Как они джигитовали! И сидя, и стоя на седле, и свешиваясь с седла, они скакали с копьями наперевес, подхватывали копьями разложенные по полю пучки травы, поражали на скаку любую цель. Во все стороны по полю носились молодые неоседланные лошади, выпускаемые на состязания на предмет «обучения примером». В разных концах поля ниханги исполняли обрядовые воинские пляски, обязательные перед началом рукопашных схваток, затем, прошептав краткую молитву, преклоняли колено перед разложенными на чистых по-

лотнах мечами и кинжалами, брали их и вступали в жаркие поединки друг с другом

В воздухе описывали сверкающие траектории стремительно летящие вращающиеся чакры, и, куда ни помотри, всюду сталь звенела о сталь, раздавались боевые вскрики, вздымалась пыль под босыми ногами воинов.

Одна из лошадей вдруг поскакала прямо в мою сторону. «Эффектный кадр!» — подумала я, поспешно нажимая спусковую кнопку аппарата, не сообразив, что видимое в кадровом окошке кажется более удаленным, чем оно есть на самом деле. Отброшенная в сторону чьей-то сильной рукой, я отлетела вместе с камерой метра на два, и в тот же миг копыта опустились на то место, где я только что стояла.

И до сих пор, прокручивая эту пленку, я восхищаюсь видом вздыбленной лошади на кадре и вспоминаю, как ниханги спасли мне жизнь, как ни парадоксально это звучит.

А затем меня пригласил через посланца один из их вождей и милостиво позволил мне сесть на землю справа от себя. И сам подал мне стальную чашу с водой, поговорил со мной — по-английски! — о нашей стране, снял со своей руки стальной браслет и надел на мою, сказав:

— Теперь ты моя сестра. И всегда своей рукой ты должна делать только добрые дела. Запиши, как ты можешь меня найти, если понадобится.

— Для чего, брат мой, вы можете быть мне нужны?

— Мало ли для чего. А вдруг тебя кто-нибудь обидит.

— Так что я должна тогда сделать?

— Немедленно напиши вот в эту гурдвару. И мне передадут.

— И что будет?

— Я сразу же приеду.

— Для чего?

— Убью, — спокойно сказал он, так, как мог бы сказать «пойду пообедаю» или что-нибудь в этом роде.

«А ведь и впрямь может убить, — мелькнула у меня мысль. — Вот какого брата я приобрела!»

Поблагодарив его за желание оказать мне в жизни такую, я бы сказала, решительную поддержку, я сразу ощутила себя в полной безопасности — здесь, по крайней мере. И когда кончился праздник, я купила ему в лавочке подарок — несколько отрезков на тюрбан, и он сам довел меня до автобуса. Автобус был обвешан гроздьями людей — это был последний рейс из Дамдама. Я бы никогда не смогла протиснуться внутрь, если бы не мой брат. Он кончиком кинжала в ножнах только слегка прикоснулся к плечам тех, кто висел на дверцах, и они, оглянувшись и увидев, с кем имеют дело, осыпались на землю, как листья. Он вошел и ввел за руку меня. Затем без слов, снова так же выразительно попросил освободить мне место и, только усадив меня с удобствами, сложил руки, прощаясь.

— Так не забудь, как меня найти, сестра. Да славится бог.

— Да славится бог, — ответила я ему общепринятой сикхской формулой, и автобус тронулся.

ТОЛЬКО В БЕЛОМ

Началось с того, что я спросила одного моего студента из Панджаба, Сваран Синга, почему он всегда одет в белое и повязывает тюрбан не так, как все сикхи, — не делает острого уголка над лбом.

— Это потому, мѣдам, что я не просто сикх, я намдхарисикх.

— Чем вы отличаетесь от них?

— Мы строгие вегетарианцы, а сикхи едят мясо, хотя и они, конечно, коров никогда не убивают и говядины не едят. Мы никогда не пьем алкогольных напитков, а сикхи любят пить. Мы не признаем никакого насилия, а сикхи всегда вооружены и любят драться. Они часто ссорятся, а мы никогда не повышаем голоса.

— Сколько же вас?

— Очень много. Наши старики говорят, что не меньше миллиона, хотя в газетах пишут, что только один лакх.

— То есть сто тысяч?

— Да.

— А где вы все живете?

— В Панджабе. Но есть и в Дели.

— А где ваш дом?

— В Панджабе, конечно. Это наш родной, наш любимый край.

— А в Дели где?

— В дхарм-шале нашей общины. Приходите к нам, мэдам, это недалеко.

И мы вскоре собрались к ним. У каждой религиозной общины в Индии есть свои дхарм-шалы, род гостиниц или караван-сараев.

В этой дхарм-шале жили люди в белом. Здесь им готовили вегетарианскую пищу, и только из колодца в этом дворе они могли пить воду; если они уходили куда-нибудь, они брали воду отсюда с собой. Даже чай они не могли пить — это тоже был греховный напиток.

Община намдхари возникла внутри сикхской общины в начале прошлого века. В отличие от других сикхов, у которых со дня смерти последнего гуру, Говинда Синга, живых гуру больше не было, намдхари начали свою новую династию гуру, которые наследственно возглавляют их общину уже больше ста лет.

Они были борцами Сопротивления — они отказались сотрудничать с англичанами. Они не пользовались почтой, не покупали английских товаров, отказывались от официальных постов.

Их движение росло, и ширилось, и вызвало наконец жестокие репрессии. Англичане расстреляли группу намдхари прямой наводкой из пушек, многих арестовали, а вождей движения, и в том числе их руководителя — гуру Рам Синга, сослали в Бирму, заключив его там в тюрьму в Рангуне. Это было в начале 1870-х годов.

Дальнейшая его судьба неизвестна, но среди намдхари живет поверье, что он бежал в Россию и что даже до сих пор скрывается у нас.

Позже многие из них спрашивали меня, не встречала ли я его где-нибудь в нашей стране. Некоторые говорили, что Россия — это их вторая родина, потому что

там Рам Синг нашел себе прибежище. Эта уверенность была трогательной, и мне искренне хотелось, чтобы Рам Синг дожил до наших дней.

Вскоре мы получили приглашение в деревню Бхайни, или, как ее почтительно называют намдхари, Бхайни-сахаб, то есть «господин Бхайни». Это был один из центров общины, и здесь должен был торжественно справляться их свадебный обряд.

Я решила ехать: пропускать такую возможность было нельзя.

В Лудхиане на вокзале меня встретила толпа сияющих чернобородых намдхари в белоснежных одеждах. Отвели в «джип», набились туда сами — по меньшей мере человек двадцать, — и мы двинулись, оглушительно клаксоня, подобные живой чернобородой пирамиде, по узким улочкам Лудхианы, мимо велорикш, скутеров, верблюдов, велосипедов, мальчишек и коров в сторону шоссе на Бхайни-сахаб.

Миль двадцать по шоссе сквозь знойный воздух сентябрьского Панджаба — и мы на месте.

Тишина. Какая тишина! Много людей вокруг, но все равно тихо, очень тихо. Горячий ветер с сухих полей скользит в листьях огромных деревьев. По песчаным улицам ходят люди в белом. Разговаривают вполголоса, улыбаются. Никакой спешки, никаких резких движений. Они съехали сюда для проведения молитвенного обряда.

Завиваются под ногами легкие песчаные вихри и, крутясь, бесшумно убегают. Не слышишь собственных шагов по мягкому песку, сама говоришь, как и все, вполголоса. Все как будто во сне.

Где-то скрипит колодезное колесо, где-то поют молитвы.

Деревня — обычная панджабская: глинистая, плос-

кокрышая, вдоль улиц канавки для сточных вод. Калитки и двери — из сухого темного дерева со стертой старой резьбой.

А к деревне приник городок из палаток и навесов. Разные они — и серые, военные, и белые, и такие цветные, такие многоцветные, что глаз не оторвешь. Меня ведут по деревне и мимо палаток к моему палаточному дворцу, к моей шамнанае.

Красивым этим словом — шамнана — называется в Индии сочетание матерчатого навеса с матерчатыми стенами. Тысячи ремесленников занимаются окраской тканей для шамнан и нашивкой на них разноцветных аппликаций. Шамнана — это не только тень, это цветная тень, это сень, на которой созданы узоры для того, чтобы над вами и вокруг вас солнце высвечивало яркие ковры. Когда вы входите в шамнанау, вы оказываетесь внутри палитры, вы охвачены красками со всех сторон, вы отгорожены их цветением от всего мира.

Шамнаны — это шамаханские шатры, это то, что бывает только в сказках и в Индии. Может быть, они есть еще в каких-нибудь других странах, где я не бывала, — не знаю. Но для меня они стали частью Индии.

Идем по песку сквозь тихую, белую, медленно движущуюся толпу, поворачиваем за угол палаточного городка, и вот перед нами длинный цветной забор из шамнанной ткани. Мой спутник откидывает полог — это заменяет собой открывание калитки. — и мы входим во двор. Полог падает, и мы уже окружены этим ярким развеселым забором, а перед нами, посреди двора, стоит красота из красот, шамнана из шамнан, матерчатый дворец. На верхнем тенте, покрывающем значительную часть двора, узоры пущены по красному фону. На среднем тенте, который натянут под первым, фон для цвет-

ных аппликаций синий, а третий шатер под двумя первыми — желтый в узорах. Он-то и является двухкомнатным помещением для жилья. Здесь я должна буду провести несколько дней как гостя любезного хозяина — главы секты.

Входим, располагаемся в низких плетеных креслах вокруг стола, отдыхаем после дороги.

В шамiane полумрак, и кажется, что стало еще тише. Сваран встает и включает свет — оказывается, сюда проведено даже электричество. Освещенные изнутри узоры шатра стали плоскими, плотными, замкнули нас в себе. Маленький узорчатый мирок. Кажется, что ничего нет, не было и не будет вне этих переплетающихся и пересекающихся цветных линий и пятен.

Вдруг откинулась завеса, и — вот уж воистину как в сказке! — один за другим вошли несколько мальчиков, все в белом. Каждый нес поднос с чашами, чашками, чашечками. В одних лепешки, в других лепешечки, в третьих каша, потом овощи, затем горячее сладкое молоко и т. д. и т. п. Все сугубо вегетарианское, очень жирное, очень сладкое и вкусное. Всего берем понемножку и едим, едим с огромным аппетитом.

— Вот ваша спальня, дорогая мэдам, — показал мне Сваран на дверь в соседнюю «комнату».

Я заглянула туда: на песке стоял нарядно покрытый чарпой. Он выглядел заманчиво. Но зато под толчком вокруг лампочки кружились, жужжали, вихрились, обгоняя друг друга, разные, самые разные по цвету, размерам и форме мошки, москиты, комары, бабочки и еще что-то, чему я и имени не знаю.

— А на воздухе нельзя спать? — осторожно осведомилась я. — Я боюсь, что здесь будет ночью немного душно.

— Конечно, можно. Где вы хотите, лишь бы вам было хорошо.

Откинув двери-завесы, мы вышли из-под всех трех пологов. Солнце скагывалось за золотой край безмолвных полей. Небо стало белое, серебряное, розоватое, золотистое и золотое, глубокое и беспредельное — закатное небо Индии.

В густой листве манговых деревьев собрался мрак, и оттуда доносились минорные голоса засыпающих павлинов. С полей неся оглушительный звон цикад, а с деревенской площади долетало пение — там продолжали молиться.

Сквозь лиственную резьбу над головой замерцали первые звезды. Минута-две-три, и они уже рассыпались по всему небу. Поля за шамианой и небо почти в мгновение ока слились в океан черной туши и, как сверкающий планктон, и вверху, и внизу, и всюду вокруг засветились мириады звезд, а среди них стали вспыхивать и гаснуть светляки.

Мои друзья зажгли яркие карбидные лампы, причудливо осветившие их чернобородые лица под белоснежными тюрбанами, и стали устраиваться спать. Для меня поставили чарпой в один ряд со своими чарпоями, покрыли его вышитыми простынями, положили вышитую подушку и натянули над ним москитную сетку. Захотелось спать уже при одном виде этих приготовлений.

Я нырнула под сетку, понаблюдала несколько минут, как сквозь ее ячейки протискиваются бесчисленные лучи звезд, и заснула сладчайшим сном в теплой прохладе панджабской ночи.

Разбудило меня пение. Тихое, мелодичное, многоголосое, оно лилось одновременно со всех сторон. Это намдхари пели утренние молитвы. Великие гуру сикхиз-

ма говорили, что лучшее время для молитвы — пред-
рассветный час. Поэтому утроилось, удесятирилось
к рассвету число поющих. Люди пели в этой темноте
и в этой тишине, прославляя милосердие бога, в которо-
го верили, и воспевая красоту родной природы.

...Бесчисленное множество разных творений
Создал он росчерком вечно цветущего пера, —
Кто же может их взвесить, сосчитать, измерить?
И как велик должен быть этот счет?
Как воспеть красоту создателя и силу?
Какой мере равна его щедрость?
Он изрек слово — и возникло все сущее,
И возникла природа и тысячи ее рек.
И как описать это диво — природу?.. *

Небо еще было ночным, но уже что-то изменилось
в нем, уже было ясно, что вот-вот сейчас побледнеют
звезды и уплывут в глубины пробуждающегося света.

Молящиеся пели о том, как прекрасно утро в Панд-
жабе, как сладка панджабская весна. Большой мудро-
стью надо обладать, чтобы сделать предметом молит-
вы прославление полей и рек своей страны, восхвале-
ние ее скота и урожая, ее рассветов и закатов, дождей
и ветров.

А в это время небо над полями стало розовым и
золотым, сквозь москитную сетку стало видно, как рас-
сеивалась тень в листве, как обозначались краски ли-
ствьев и цветов, как все больше алел восток.

И тогда проснулись павлины и стали перелетать
с дерева на дерево прямо между мной и встающим
солнцем. Мне кажется, что никогда в жизни я не виде-
ла ничего более красивого. И фантастические контуры

---

* Перевод отрывка из 16-й песни «Джаджи» — сборника утрен-
них молитв, составленного первым гуру сикхов Нанаким. (Перевод
Н. Гусевой.)

этих птиц на фоне сияющего рассвета, и их хвосты, отливающие всеми оттенками всех цветов, и изумрудные шен, и изящные головки с цветными хохолками, и легкость полета — от всего этого просто захватило дух, и я боялась только одного, что вот-вот изменятся краски, изменится свет, рассеется эта феерия и оборвется райский воздушный балет.

Он и оборвался. Солнце взошло, и павлины спустились на землю, чтобы искать корм. А я села на своем чарпое и увидела, что вся моя чернобородая гвардия уже проснулась.

Мой сосед слева и мой сосед справа тоже сидели на чарпоях и дружно расчесывали свои черные волосы, спустив их почти до земли. Сваран улыбнулся мне из-под завесы волос и сказал, что после завтрака мы пойдем на свадебный обряд.

И снова, как вчера, не то десять, не то двадцать мальчиков принесли нам завтрак в шамнану, и потом мы пошли все осматривать.

Опять прошли через бесшумную белую толпу, неторопливо плывущую по песчаным улицам, и углубились в деревню. Здесь в дни праздников и торжеств бесперебойно работает так называемый гуру-ка-лангар, то есть кухня гуру, — прекрасный обычай сикхизма. День и ночь готовят пищу, и пекут пресные лепешки — чапати, и день и ночь кормят всех, кто приходит, чтобы поесть. Во дворе кухни и на прилежащих улочках сидело на корточках много людей. Прислужники раздавали тарелки из листьев и обносили всех лепешками и гороховой кашей с овощами и красным перцем.

Все ели так аппетитно, захватывая кашу пальцами и кусочками лепешки, что и мне захотелось присесть на корточки рядом с какой-нибудь крестьянской семьей и не торопясь погрузиться в смакование этой жручей

рыжей каши и в одновременное ленивое разглядывание всех мимо проходящих.

Заглянули через дверь и в самую кухню. Входить туда нельзя без омовения, а если кто из поваров выйдет, то и он должен омыться, прежде чем войдет обратно, — очень разумное предписание в условиях страны, где одна эпидемия спешила сменить другую.

В кухне было полутемно. По стенам метались красные отблески огня и тени полуголых поваров. Одни месили тесто, другие быстро — шлеп-шлеп! — расшлепывали на ладонях чапати, третьи переворачивали их на множестве сковород, четвертые мешали кашу, пятые резали овощи, и все это делалось дружно, слаженно, в едином ритме. Снаружи через специальное окно подавали новые продукты.

Вся эта работа, ее четкость и быстрота наглядно показывали, как была устроена походная кухня сикхов. Бессчетное количество раз во время быстрых военных передвижений приходилось в мгновение ока готовить пищу, кормить воинов и бесследно исчезать, не оставляя после себя даже тепла костров.

Давно миновали те времена, но до сих пор даже у намдхари, этих мирнейших из мирных, можно видеть, как это нужно делать.

Потом пошли на площадь, откуда доносилось пение и раздавалась музыка. Здесь шамиана была натянута как огромное кольцо — середина площади не была покрыта, тут, на круглом возвышении, разводили священный огонь, готовились к обряду бракосочетания. Толпа разместилась тоже кольцом под навесом, а по его внутреннему краю лицом к огню сидели парами женихи и невесты. На этот раз было около пятидесяти пар, но бывают свадьбы и для ста пар одновременно. Где бы ни жили намдхари, а они живут и в Африке, и в Ин-

донецки, и на Филиппинах, и в разных других странах, отовсюду они должны приехать сюда, в Панджаб, для проведения свадебной церемонии. Только здесь должны заключаться браки, в присутствии главы всей общины, их гуру. Только здесь, на священной земле предков, на земле, давшей Индии учение Вед и учение сикхизма, может начинаться жизнь молодой семьи.

Здесь в 1863 году впервые был проведен обряд масового бракосочетания, получивший название «ананд», что значит «радость», и здесь он из года в год повторяется донныне.

Под навесом сидел и сам гуру, возглавлявший оркестр, — он первоклассный музыкант. Меня прежде всего провели приветствовать его. В ответ на мой поклон он подал мне кокосовый орех и апельсин. Все вокруг одобрительно заговорили, зашептались.

Держа в одной руке киноаппарат, а в другой огромный орех и апельсин, я прошла мимо всех собравшихся, совершив своего рода круг почета, под приветственные улыбки присутствующих, а потом вручила дары гуру моему милому Сварану, который благоговейно принял их из моих рук, а сама занялась съемкой.

Люди пели, пели не умолкая. Гуру играл, оркестр следовал его мелодии. Музыка и пение заполняли все, подчиняли себе, диктовали ритм движений, ощущений, мыслей. Даже мне хотелось двигаться в такт мелодии, а жужжание киноаппарата казалось недозволенным диссонансом.

Внезапно, словно сорванный с места силой музыки, из толпы вышел какой-то старик без тюрбана, остановился перед гуру и начал раскачиваться вперед и назад, кланяясь все ниже и ниже до тех пор, пока его длинные седые волосы не стали мести песок. К нему присоединились еще несколько человек, которые то по-

качивались на месте, то так же кланялись, метя волосами землю, то делали какие-то странные танцевальные движения, кружась, как в трансе, и вскрикивая. Это длилось пять-десять-двадцать минут, полчаса, и я уже недоумевала, как они выдерживают под солнцем это напряжение поклонов и раскачиваний. И только я подумала об этом, как они один за другим стали падать на землю, оставаясь лежать неподвижно, как подстреленные.

Мой внутренний порыв броситься к ним, дать воды, оттащить в тень — словом, оказать, как полагается, первую помощь — угас, когда я увидела на лицах всех окружающих полное безразличие к происходящему.

Мне объяснили, что это в порядке вещей, что так некоторые из намдхари почитают гуру, и что с ними ничего не будет, — отлежатся и встанут, как это всегда бывает.

«Не ожидала, что попаду на такие сектантские радения, — подумала я. — Надо снимать, не принимая ничего близко к сердцу».

И я снимала. И этих кружащихся, и лежащих, и женихов с невестами, и стариков, читающих нараспев «Грант Сахаб», и играющего гуру, и все это царство людей в белом.

А в это время перед гуру собрались те, у кого возникли тяжбы. По закону намдхари, тяжбы между членами секты должен разбирать глава их локальной группы, но, если тяжущиеся стороны не удовлетворены его решением, они могут обратиться к самому гуру. Решения гуру никакому обжалованию не подлежат, он олицетворяет собою божий суд.

Меня поразила быстрота, с какой он принимал эти решения. Ему устно докладывали дело, и через минуту секретарь оглашал через микрофон приговор. Странно

было видеть это судебное разбирательство на брачной церемонии, но мне объяснили, что так полагается воспитывать молодые пары, готовить их к тому, чтобы они жили, не нарушая законов.

А старики напевали молитвы у алтаря, лили в огонь топленое масло, готовили ритуальный прашад — сладкую кашу из пшеничной муки. Потом обнесли все сидящие пары прашадом, оросили их головы водой, дали вкусить освященного масла.

Когда кончился суд, все, кто вступал в брак, встали, и каждый жених повел за собою свою невесту, привязанную за край одежды к шарфу, переброшенному через его плечо.

Пока они четыре раза обходили священный огонь, я разглядывала все эти молодые пары и думала о том, как все-таки странен для нас, европейцев, индийский брак. Вот этому красивому, и тому хромому, и этому худосочному, и низенькому — всем им невесты подобраны родителями, и никто не может возразить против этого выбора, ни девушка, ни юноша не могут произнести короткое слово «нет»!

Почти все молодые сегодня впервые увидели друг друга. Девушки почему-то все очень печальны, бредут за своими повелителями, низко опустив голову на грудь. А женихи выглядят крайне индифферентно, как будто и не они женятся.

— Сваран, почему они все такие грустные?

— Нет, они не грустные, а серьезные. Ведь это серьезный момент.

Огонь обойден четыре раза, брак заключен, и расторгнуть его теперь сможет только смерть.

Все стали расходиться с площади.

Сваран объяснил мне, что намдхари очень гордятся своим брачным обычаем, так как у них не надо давать

приданое, которое разоряет семьи индустов, и не надо давать выкуп за девушку, что часто ложится непосильной тяготой на плечи мусульман. У намдхари отменены и свадебные подарки — все эти яркие нарядные одежды и украшения, которые обязательны у других индийцев, — потому что религиозный закон запрещает им нарядно одеваться и украшать себя. Поэтому вся свадьба стоит от 1 рупии с четвертью до 13 рупий.

Интересная эта цифра «сава-рупия», то есть «рупия с четвертью». Всюду в Индии люди не любят круглых цифр, и особенно в ценах и мерах. Что-нибудь с четвертью считается лучшей единицей измерения и счета. Даже в храмах принято подавать богу не ровно рупию, а сава-рупю. В школы предпочитают принимать от 101 до 125 учеников вместо 100, акционеры складываются, скажем, по 101 или 125 тысяч рупий охотней, чем по 100, и т. д. Объяснить причины этого обычая мне никто не смог, но многие и многие в Индии суеверно следуют ему.

Прошло уже два дня в Бхайни-сахаве, прошли они в тишине и молитвах. Давно уже в Индии разработана и проверена эта практика проведения молитвенных собраний вдали от тех мест, где в сутолоке протекает ежедневная жизнь. Давно найдены пути, по которым можно вести толпу душ в нужном направлении. И силу этого воздействия можно в полной мере ощутить только тогда, когда сам с головой окунешься в эту атмосферу.

И день, и два, и три, и ночи, и утра заполнены тишиной, пением молитв, мягкой вкрадчивой музыкой и проповедями. Психическая готовность к восприятию учений духовных наставников, с которой сюда приезжают, удесятеряется в условиях этой отрешенности от забот и запросов навязчивой жизни.

Недаром в течение многих тысячелетий в Индии все великие вероучители, все основоположники новых религий проповедовали вне городов. Они странствовали, остянавляясь то в лесах, то в садах или пригородных рощах, сзывали к себе народ и в тишине своих убежищ подолгу и без спешки поучали, поучали, внушали.

— Скажите, Сваран, а ко мне в шамнану не может заползти кобра? Ведь вокруг поля.

— Что вы, мэдам! В этом святом месте не может быть никакого зла.

— Я вижу. Но ведь кобра может не понимать, куда она ползет.

— Нет, нет, не бойтесь. Даже если она придет, мы ее посадим в кувшин и унесем в поле.

— Кто будет сажать — я?

— Да, можете и вы. Надо протянуть ей руку, а когда она обовьется, ее можно стряхнуть в кувшин.

— А... они часто приползают сюда?

— Нет, не часто. Но здесь их много в полях.

— Сваран, еще не пора уезжать отсюда?

— Нет, нет. После обеда мы пойдем с вами осматривать молочную ферму гуру, и он хочет поговорить с вами.

На молочной ферме оказался красивый, упитанный и породистый скот. Многие намдхари занимаются разведением и продажей скота. Все сикхи вообще относятся к коровам с религиозным почтением, но у намдхари это отношение доведено до апогея: в прошлом веке у них даже было крупное столкновение с мусульманами в княжестве Малеркотла из-за недоброго отношения мусульман к коровам.

Их современный гуру недавно получил от правительства Индии почетный титул «Гопал ратан» — «Сокровище защиты коров», и все намдхари справедливо гордятся этим.

Аудиенция протекала под соломенным навесом. Гуру, красивый сероглазый панджабец, принимал меня в присутствии своего брата, знающего английский язык, и его сына — мальчика лет девяти-десяти. Этого мальчика все члены общины почтительно называют «тхакурджи» — «господин хозяин» и оказывают ему знаки наивысшего почтения, потому что у самого гуру сыновей нет и тхакуру-джи предстоит унаследовать его сан.

Мальчик держался с достоинством, как взрослый. Видно было, что он вполне уже вошел в роль будущего главы общины и сознает необходимость участвовать в ее деловой жизни даже сейчас, в свои девять лет.

Несколько раз я встречала его в компании сверстников и видела, как он носится и играет с ними, как мальчик среди мальчиков, но, если кто-нибудь направлялся к нему, чтобы почтительно прикоснуться к его стопам, он сразу останавливался и позволял припасть к своим ногам.

ЗАОБЛАЧНЫЙ КУРОРТ

Однажды мы решили поехать в горы, в курортное местечко Найни-Тал. Когда-то здесь Джим Корбетт убил множество тигров-людоедов и написал об этом чудесную книжку.

Городок славился и как милый летний курорт, прохладный и веселый. К тому же окрестности живописны, а дорога красива. Словом, решили поехать — и поехали.

Закупили накануне продукты, все сварили, нажарили, приготовили, разложили по корзинкам и коробкам, разлили по бутылкам и термосам и отправились спать, дав друг другу честное слово вскочить в три часа утра по первому зову шофера.

Конечно, не спалось, как назло. В голове мелькали картины предстоящей поездки и разные мысли: а все ли взяли? А не будет ли жарко ехать? А не поздно ли выезжаем? А не лучше было бы выехать в час ночи? А не... А не?... Так что, когда шофер позвонил в дверь, мы спали крепчайшим сном.

Ночь сразу облила нас лунным сиянием, таким густым и материальным, какое бывает только в Индии. Все вокруг было заполнено, залито, насыщено белым светом, который взвешен во мраке, как серебряная эмульсия. Даже тени от деревьев, людей, домов смот-

рятся сквозь слой лунного света, как сквозь легкую белую пыль.

Мы даже не могли сразу начать укладываться, а застыли, как статуи в Летнем саду, любуясь этим чудом. Кто-то из нас, кажется, сделал попытку набрать лунного света в целлофановый мешочек, и я не берусь утверждать, что это была полностью абсурдная попытка. В Индии мы по своей глупости имели обыкновение спать по ночам, а не любоваться природой.

Но вот теперь мы стояли, и смотрели, и не могли оторваться. И тогда, словно щедрая добавка к щедрому дару, под луной показался косяк журавлей. Треугольник четких крупных птиц медленно перерезал ослепительный диск луны и уплыл в океан лунного света, перемешанного со звездами.

— Вот это да! — выдохнул кто-то из нас, и мы, словно проснувшись, вспомнили, что ведь главной нашей целью является поездка. Все стали быстро совать в багажник пакеты, и корзинки, и термосы, и коробки, и все прочее.

Наконец все уселись, и машина выплыла за ворота прямо в реку лунного света. Мимо, как спящие киты, проплывали огромные деревья, в ветровое стекло вливался поток звезд, освещая руки нашего шофера Кеваля, спокойно лежавшие на баранке.

Так хорошо было откинуть голову на мягкую спинку сиденья и вспомнить свой прерванный отъездом сон...

...Вдруг оглушительный крик взорвал покой:

— Тростник! Сахарный тростник! Свежий сок! Прохладный сок!

— А вот бананы, бананы! Вот бананы! Лучшие бананы!

— Кока-кола! Орендж! Кока-кола! Кому орендж!

— У меня манго-альфонсо. Только у меня альфонсо, только у меня.

Машина стояла в тени дома на улице какого-то городка. К стеклам прижалося не меньше двадцати измазанных детских мордашек, с веселым изумлением смотрящих на нас.

Солнце заливало противоположную сторону улицы, из чего стало ясно, что ночь кончилась. Кевалья рядом не было. Оглядевшись, я увидела его в темной глубине чайной лавочки, где он пил чай и беседовал с какими-то двумя сикхами — видно, тоже проезжими шоферами.

А улица жила, кипела, двигалась, звенела, кричала, торговала, зазывала, жарилась на солнце и пряталась в тень деревьев и навесов. Все бурлило вокруг, мелькало разноцветными пятнами, было до краев налито жизнью.

Короткий вскрик «харрр» отогнал ребятшек, облепивших машину, и Кеваль сел на свое место.

— Ну, я теперь не засну за рулем, — смеясь, сказал он, — выпил «чай на пятьдесят миль».

— То есть как это?

— А вы об этом еще не слышали? Мы, шоферы, заказываем в чайных лавках чай разной крепости, смотря по предстоящему пути. Вот нам до отдыха остался еще час, я так и заказал — чай на пятьдесят миль.

Через 50 миль мы остановились в густой манговой роще, вышли на волю, расправили затекшие руки и ноги и стали готовить завтрак на траве.

Трава была низенькая и сухая, поэтому можно было не опасаться змей, и мы расселись вокруг разостланной скатерти, как божества в райских кущах.

Манговые деревья — это гиганты, развесистые, густые, щедро усыпанные душистыми плодами.

— Как здорово! — воскликнула я. — Приходи, срывай и ешь. Ведь манго растут даже вдоль дорог, для тени.

— Нет, — возразил Кеваль. — Каждое дерево помечено и кому-нибудь принадлежит. Всюду есть сторожа, и «приходить и срывать» нельзя.

— Ах вот как! А я-то думала...

— К сожалению, нет. За все, даже за плоды дикорастущих деревьев, мы должны платить.

Дары природы доступны людям только в джунглях. А джунглей-то уже почти нет. Есть кое-где в Панджабе, на юге и на крайнем востоке Индии да вот там, куда мы едем, в предгорьях Гималаев. Есть и в гористой части штата Раджастхан, в тех местах, где жил Маугли и где все мы в детстве бегали вместе с ним, охотились, прятались и выслеживали злобного Шер-Хана...

Дорога идет вдоль полей, по которым разбросаны одинокие деревья, через канал, широкий, как река, мимо небольших деревенских храмов с высокими башневыми крышами, мимо глиняных заборов, плоскокрыших деревень, мимо, мимо...

Пересекаем территорию опытного лесоводческого хозяйства и начинаем подъем. Лес по сторонам напоминает леса в предгорьях Кавказа или в Крымских горах — сплошная масса узловатых колючих веток, много кустов. Снизу какие-то колючего вида травы.

Сравнительно невысоко начинаются повороты. Машина все время вертится то налево, то направо. Дорога в отличном состоянии, вся по внешней стороне обложена побеленными камнями, вьется, вьется, стремится все выше и выше. Вот уже по склонам сбегают плоскими ступеньками террасные поля. Некоторые террасы по метру шириной, а некоторые по три-пять метров в зависимости от крутизны склона. Каким трудолюби-

ем надо обладать, чтобы вручную превратить склон горы в систему взаимно связанных террас и террасок и укрепить их стенки камнями, а иначе размоют и унесут урожай дождевые потоки!

Высятся, громоздятся вокруг нас горы, вершины выходят из-за вершин. Уже кончились низкие путаные леса, стоят высокие сосны, рослые лиственные деревья, а между ними поляны в цветах.

— А вот на этом месте мы видели тигра в прошлую поездку, — вдруг сообщил Кеваль.

— Где? Как это — тигра? Большого? Близко? — посыпались вопросы.

— Да, очень близко. Он перешел шоссе метрах в тридцати от машины, сел на этот каменный барьер, а потом спрыгнул в кусты и ушел вниз.

— И вы не испугались?

— Не успел. Да и чего бояться? Ведь мы были в машине.

— Они иногда бросаются и на машины.

— Ну, это исключительно редко. Обычно они уходят.

— Кеваль, а здесь много тигров?

— Да, мэдам, есть.

— Вы их боитесь? («Господи! Какие я глупости спрашиваю!»)

— Да. Их все боятся. Но нельзя им сдаваться.

— Да как же ему не сдать, если он на вас прыгнет?

— Надо его бить в живот.

— Как это в живот? Чем?

— Ножом, или палкой, или хоть кулаком. Когда он на вас прыгает, а он прыгает всегда вот так. — Тут Кеваль бросил баранку и протянул вперед обе руки с растопыренными пальцами, но, увидев, что машина вильнула к обрыву, быстро положил их обратно. —

Когда он прыгает, он открывает свой живот, а живот у него длинный и мягкий. Вот тут и надо бить из всех сил, и можно его убить.

— Кому-нибудь удавалось?

— Да. Мой друг из нашей деревни в Панджабе недавно встретил тигра в тростниках и убил его кирпаном.

— Что это такое, кирпан? — спросил кто-то из нас.

— Ну, это наше оружие. Мы в Панджабе всегда ходим с кирпаном. Это похоже на меч или кинжал. Сикхи всегда вооружены, такой у нас закон.

— И что же, тигр его не ранил?

— Ранил, ободрал плечо. Но потом это прошло, зажило.

Разговор иссяк. Каждый старался представить себе, как этот панджабский парень один на один провел встречу в камышах с самым сильным и беспощадным зверем.

Облака, как раздерганная вата, цеплялись за сосны, ложились на склоны, повисали над долинами. Они висели под нами над глубокой пустотой, и от одного взгляда вниз начинала кружиться голова. То тут, то там на горных склонах виднелись небольшие селенья. Кое-где на лужайках паслись буйволы, их пасли дети. Каково это детям — пасти скот в местах, где так свободно бродят тигры! Бывает, они нападают и на людей, хотя Джим Корбетт пишет, что людоедом тигр становится только тогда, когда он был серьезно ранен и после этого не имеет сил свалить более крупную и быструю дичь. Вероятно, это так и есть, однако кто же может дать этим детям гарантию в том, что в окрестностях не бродит именно такой тигр, жаждущий легкой добычи?

Пастухи со скотом стараются держаться подальше

от зарослей, но ведь тигр одним прыжком покрывает 10—15 метров...

А машина петляла, петляла, налево-направо, налево-направо, все выше и выше. Въехали в облако, нас облил дождь, выехали из облака почти по вертикали, посмотрели на него сверху, стали обсыхать.

И вдруг в путанице кружащихся вокруг нас горных вершин возникли белые домики, серые домики, красные черепичные крыши, улицы, заборы — Найни-Тал.

У въезда нас остановили, проверили документы и открыли шлагбаум — милости просим.

Улицы городка идут тоже террасами — все выше и выше. На них стоят двухэтажные деревянные дома. Вдоль всего второго этажа крытые галереи. Эти дома почти все являются «отелями», то есть небольшими частными гостиницами, где сдаются комнаты на два-три месяца тем, у кого достаточно денег, чтобы выехать сюда, спасаясь от палящего летнего зноя равнин.

Комнаты обычно большие, с двумя-тремя кроватями, столом и стульями. Из-за того, что окна выходят на галерею, внутри полутемно. По вечерам зажигаются под потолком лампы под простыми стеклянными абажурами или вообще без них.

Обедать все сходят вниз, в общий зал. Какими-то очень неуютными показались нам эти отели. Хотя в Индии понятия уюта вообще не существует. Для нас уют — это что-то мягкое, теплое, ласкающее тело и душу. А в этой стране не нужно ни мягкого, ни тем более теплого. Индийский уют заключается в том, чтобы окна были плотно закрыты ставнями, чтобы полы были цементные или каменные, а скамейки и стулья имели плетеные сиденья и чтобы в комнате как на полу, так и на стенах, шкафах было бы поменьше вещей, вещиц и безделушек, которые немедленно покры-

ваются здесь толстым слоем пыли. Так что уют уюту рознь.

Как и всюду в Индии, у каждого дома-отеля в Найни-Тале есть внутренний двор, где протекает хозяйственная жизнь — прислуга моет посуду, чистит овощи, гремит металлическими сосудами для воды. Со стороны двора второй этаж тоже обнесен галереей, но сюда «чистая публика» уже не выходит — отсюда в комнаты заходят уборщики.

С нашей галереи открывался вид вдоль главной улицы на озеро. Озеро было чудесным. Оно налито в выемку в горах, как в чашу неровной формы. К нему сбегает косматые лесистые склоны, и в нем отражается небо, которое здесь расположено как-то очень близко к поверхности воды. В серый дождливый день нашего приезда озеро было похоже на ртутное, и его дальний конец терялся в тумане. Вершины гор над ним тоже скрывались в рваной серой дымке, и нельзя было понять, как высоко они уходят в небо.

Тут мы почувствовали, что проголодались, попросили в номер чаю и начали раскладывать на столе все, что привезли с собой.

Это было вкусно — пить изумительный индийский чай вприкуску с кристальным и прохладным воздухом гор.

После завтрака нам показали верховых лошадей, роликовый скетинг-ринк, лодки. Нам предложили пешую прогулку в горы. Желающих могут доставить на место и носильщики — вот они, группами на углах улиц со своими паланкинами-люльками из клеенки, подвешенными к двум прочным шестам. А вот к ним подходит группа желающих отправиться в горы на пикник. В кресла-люльки садятся женщины и маленькие дети, а мужчины берут верховых лошадей. Каж-

дое кресло подхватывают два, а иногда и четыре носильщика, и все общество двигается по дороге, петляющей между густыми деревьями вверх по склону.

Незанятые носильщики сидят на земле, играют в карты, курят, хохочут. Их нехитрое оборудование — клеенчатые кресла да глубокие полущилиндрические корзины для переноски грузов — лежат тут же, возле них.

Страшно смотреть, как эти невысокие коренастые парни взваливают на спину такие корзины, полные, например, каменного угля, или же какие-нибудь тюки, вес которых достигает 100—120 килограммов. Они привязывают к этому грузу широкую ременную или брезентовую петлю, надевают ее на лоб и, согнувшись под углом почти в 90 градусов, начинают мерным, ровным шагом подниматься в горы, покрывая без отдыха по 15—20 миль крутой дороги.

Это главный заработок горцев.

Жители деревень вокруг Найни-Тала кормятся за счет этого курорта — переносят грузы разных купцов и поставщиков, носят гуляющих по горам, сопровождают охотников, приносят продукты на рынок и в отели.

Веселые, скромные, бесстрашные горцы, выносливые, стойкие в схватках с неласковой природой, суеверные и истово преданные своим богам, — на кого и на что могут они опереться в жизни, кроме самих себя? Ведь не на богов же, в самом деле, чьи храмы белеют в каждой деревне. Богов много, они разные. Добрые и жестокие, милостивые и карающие, насылающие болезни и спасающие от них, все они требуют жертв и поклонения, поклонения и жертв. Надо зарабатывать на жизнь, на богов, на жрецов, на налоги, на свадьбы подросших детей. И отец берет с собой на работу мальчика лет тринадцати-четырнадцати, чтобы учить

его правильно крепить грузы на спине, правильно ставить ноги по неровным тропкам, правильно дышать, карабкаться с грузом вверх по склонам.

Труд, труд, труд, тяжёлый труд от зари до зари. Но никогда не услышишь от горцев жалоб или грубых слов, не увидишь недовольного или злого выражения лица. Чаще всего их лица очень спокойны. Как в равнинной Индии, так и здесь люди относятся к тому, что даёт им судьба, как к неизбежному. Труд так труд. Горе так горе. Радость так радость. Века смирения, тысячелетняя покорность судьбе создали это спокойствие. Плохо это или хорошо — вот вопрос, который пытаются разрешить многие философы и социологи мира.

Дети Гималаев — древняя раса. Они похожи на тибетцев, но и индийские черты просматриваются в их лицах — десятками поколений смешивалась кровь долин и гор.

Смеются, играют в карты, не обращают внимания на дыры и заплатки на своих рубахах. Их круглые шапочки похожи на фески, рубахи и штаны сделаны из грубой домотканой материи, а когда очень холодно, они надевают кожаные башмаки с загнутыми кверху носами. Но обычно даже в холод они босы. Босиком ходят по горам, по каменистым тропам, по лесным неровным дорогам, по гальке и песку речных берегов и пересохших русел. Икры их ног так переразвиты, что достигают в окружности 50—60 сантиметров, и это очень странно — видеть ноги, верхняя и нижняя часть которых почти равны по своему объёму.

А их женщины одеваются в длинные блузы и сборчатые юбки до щиколоток. На головах они носят прямые платки. Все это обычно темное и выглядело бы безрадостно, если бы не ворох ярких и сверкающих бус, покрывающих в несколько слоев их шею и грудь.

Здесь не редкость увидеть куски бирюзы величиной с грецкий орех, оправленные в старое темное серебро, и какие-то металлические бляхи, осыпанные кораллами, и сердолики дивного рисунка, и агаты, и неровно блистающие аметисты. А в ушах серьги, и серебряные и золотые, в несколько ярусов. В ухе часто пробито до десяти дырок от мочки до верхушки. И в носу серьга круглая, большая, похожая на колесико от стенных часов. От вида всех этих украшений делается весело, и уже не кажется, что эти женщины в темных одеждах похожи на монашек.

Они тоже приходят в Найни-Тал. То тут, то там на улицах сидят на корточках, продают из корзинок фрукты, ягоды, браслеты, гортанно вскрикивают, зазывая покупателей.

А отели переполнены. Приезжают и с маленькими детьми, и с детьми «на выданье». Сюда часто приезжают семьи, которым предстоит породниться, и привозят будущих юных супругов. Древний обычай, запрещавший жениху и невесте видеть друг друга до свадьбы, соблюдается уже не всеми. И в тех семьях, где на это смотрят легко, молодежь и встречается, и танцует, и ездит на пикники. Но все же обычно не вдвоем — это было бы уже вне всяких границ дозволенного, — обычно присутствуют старшие или все собираются большой компанией. Молодежь радостно возбуждена — здесь родители смотрят сквозь пальцы на курортные вольности: верховую прогулку по улицам городка, катанье на лодке или посещение скетинг-ринка.

Пошли и мы на скетинг-ринк. И до сих пор забыть его не можем. На нас, в чьем сознании ощущение скольжения — будь то на коньках или лыжах — неразрывно сочетается с тишиной и легким холодным воздухом, скетинг-ринк произвел просто ошеломляющее впечатле-

ние. Это стены, крыша и дощатый пол, приподнятый над землей метра на два. И толпа людей, которая в несвежем воздухе этого помещения кругами посится на роликах по дощатому полу, поднимая оглушительный грохот и пыль. Нам было просто трудно выдерживать это зрелище дольше двух-трех минут, а все катающиеся выглядели вполне довольными и радостными — в их сознании нет укоренившейся связи между спортивным скольжением и свежим дыханием льда или просторами заснеженных полей.

В Найни-Тале, конечно, самое замечательное — прогулки в горы. Дорога ведет вас лесом, кверху, кверху, и вот с поляны или со скалы перед вами распаивается вид городка у озера, а за ним, и дальше, и всюду вокруг — вершины, склоны, отроги гор и облака, облака, в которых увязли деревья. И кусочек дороги вдали на склоне, а по ней караван носильщиков, как цепочка муравьев.

Все говорили нам, что если бы не дождь... если бы не тучи... если бы была хорошая погода... Но и без этого мы поняли, какое счастье для жителей жарких равнинных городов приехать в горы и подышать воздухом высоты, леса и озера (если бы они только могли воздержаться от скетинг-ринка!).

ПОВЕСТЬ СТОЛИЦЫ МАРАТХОВ

Пуна. Город золотой, незабываемый. Стоит на горах и в окружении гор. От Бомбея, от побережья, дорога идет в глубь Махараштры. Бежит вверх, вьется, изгибается, поднимается к крутым склонам и стелется по пологим. Она пересекает рощи и поля и минует селенья, где все дома прячутся от муссонных ливней под высокими черепичными крышами. Долины внезапно разверзаются прямо под колесами, и тогда видно, что машина забралась уже очень высоко. Перевал, вниз, вверх, вниз, и вот первые сады Пуны, города зеленого, чистого, полного цветов, маленьких пестрых лавочек и чудесной погоды.

Меня поместили в один из центральных старых отелей. Три комнаты на меня одну, три комнаты, сумрачных, с окнами, затененными навесом внешних галерей. И почти пустых. Большой шкаф, большая кровать, большой стол да три стула. А когда я захотела принять ванну с дороги, то обнаружила, что вода может только капать из крана, да и то по ночам. И надо было мыться в той лужице, которая скапливалась на дне ванны. Недавно было наводнение, разрушившее водопроводную сеть в этой части города.

От всего этого мне стало как-то очень невесело. И когда на следующий день пришли друзья из Индо-Советского общества и сказали, что один из жителей

города просит меня жить в его доме, я несказанно обрадовалась и тут же перебралась на новое место.

Мы сразу подружились. Мой хозяин и его жена приняли меня как родную и стали называть сестрой, обижаясь, если я обращалась к ним иначе, чем «брат» и «сестра». А четыре их сына и две дочери тут же превратились в моих племянников и племянниц.

Меня водворили в отдельный дом, состоявший из пяти комнат. Я предпочитала пользоваться одной, где и спала и занималась, готовясь к урокам, а остальные отдала в полное владение ящерицам, которые с упоением носились по стенам, ловя мух, бабочек и прочих насекомых. По стенам тянулись узенькие цепочки черных муравьев, а иногда проползали большие серые пауки, которых я ужасно боялась, мысленно умоляя ящериц поскорее их изловить или хотя бы напугать. На стене, на плечиках висели мои платья, и не раз, встряхивая их перед тем, как надеть, я изгоняла из них всю эту живность, включая ящериц. Словом, все, что бегало по двору и саду, бегало и в комнатах. Хотя, правда, змен не было ни одной.

Каждое утро меньшая из моих племянниц, четырехлетняя Сараю прибегала звать меня к завтраку и очень огорчалась, когда видела, что я уже встала и не надо меня будить. За завтраком мой брат рассказывал семье о газетных новостях и расспрашивал меня о нашей стране, не уставая восхищаться каждым моим ответом.

Потом я шла проверять тетради своих учеников и до обеда не поднималась от стола. Учеников-то было тридцать, и мне надо было в 40 дней преподать им годовой курс русского языка!

Потом прибегал кто-нибудь из детей, а то и три или четыре вместе, чтобы позвать меня к обеду. За обедом всем ставили по металлическому плоскому блюду

с горой риса и чашечками разных приправ к нему. Надо было видеть, как каждый лил эти приправы в рис и мешал его правой рукой (обязательно правой, левая рука нечиста — ею выполняют туалетные функции: гигиеническое правило, необходимое в условиях индийского климата). Все и всюду в Индии так едят. Но я при всей моей зависти к такой ловкости так сама и не научилась этому, а пользовалась вилкой да ложкой и чувствовала себя белой вороной. Как и на собраниях или зрелищах, все сидели на полу, а мне подавали стул, и я возвышалась над всеми, словно для обозрения. Очень неловко, а на полу не могла просидеть и десяти минут: то нога онемевает, то в боку заколет, то спина заноет, ну, словом, никак. Нужна тренировка.

После обеда я ехала на урок на четыре часа. Для меня это были «звездные часы», и пролетали они незаметно. Я любила, я очень любила эту работу. Я любила легкость, с какой индийские студенты воспринимают уроки, их интерес к нашему языку, их милое произношение и ту радость, с какой они открывали схожесть многих русских слов с индийскими: «у вас «сахар» и у нас «сахар», у вас «земля» и у нас «дзумля», у вас «деньги» и у нас «денги», — как замечательно!»

А уж когда я на уроках или лекциях начинала систематически прослеживать родство словарного запаса русского языка и санскрита и сходство их грамматического строя, тут радости не было предела. Нашей общей радости. Словом, я любила эту работу.

Вечером, после ужина, когда я сидела под лампой и продолжала занятия, в комнату слетались и заползали все мухи, мошки, бабочки и мотыльки, жуки и тараканы, какие только там водились. И когда вывелись однодневки, то их набилось ко мне такое множество, что утром пол оказался покрыт целым слоем их кры-

лышек. А их самих съели ящерицы и, отяжелев, спали по углам, цепко держась своими лапками за поверхность стен.

Иногда моя старшая племянница, кудрявая красавица Налини, приходила ко мне, упрасывая меня немножко отдохнуть, а когда я ложилась, она опускалась на пол у кровати и разрисовывала мне хной ладони и пальцы рук. Какой это ни с чем не сравнимый отдых, когда в жаркий день по вашим пылающим рукам легко скользит тонкая кисточка, смоченная холодной жидкой кашницей из хны! Какое незабываемое удовольствие! И легкий свежий запах хны, похожий на почной ветерок, — все это освежает, успокаивает, усыпляет.

За сорок дней, прожитых в этой семье, я так привыкла к каждому из них, так искренне подружилась с ними, что действительно воспринимала их как родных. И никогда не забуду их ласки, приветливости и доброты.

Мой брат и мои друзья-студенты много возили меня по Пуне и вокруг нее, многое мне показывали и со многими познакомили. Все, о чем я слышала, читала, что изучала, — все открывалось здесь передо мной, делалось близким, явным, ощутимым. Сама земля здесь хранила следы истории, была насыщена ею так, что казалось, по воздуху, как по прозрачному экрану, скользят, проплывают картины прошлого...

Пуна. Город маратхов.

Воинственный и смелый этот народ в течение столетий проводил свои дни в боях, то нападая, то обороняясь. Правители Дели и их заместники равно жаждали власти в Махараштре. Кто воцарился здесь, тот цепко держался за ее земли. Эти земли входили в границы султаната Биджапур, в котором побывал в XV веке наш русский купец Афанасий Никитин, и, исходив здесь мно-

го дорог, написал, не скрывая горечи душевной, о той разнице в жизни простого народа и знатных людей, которая его поразила: «А все их носить на кроватях своих на серебряных, да перед ними водят кони в снастях золотых до 20... А земля людна велми, а сельския люди голы велми, а бояре сильны добре и пышны велми».

Но не было покоя правителям. То тут, то там отряды маратхов лавинами обрушивались с гор, сливались в армии, быстрыми маршами покрывали огромные расстояния и вдруг появлялись в самых неожиданных местах, то перед войсками делийских султанов, то под стенами самого Дели.

Трудно достался делийским владыкам захват Махараштры. Кровь их солдат век за веком лилась и лилась на ее землю. И маратхские воины тысячами ложились по склонам родных гор, отдавая свои бездыханные тела на растерзание грифам.

Но как бы переменчива ни была судьба маратхов, они были любимцами истории, и история помнит их подвиги. Их бедой было то, что почти до середины XVII века их ряды не могли сомкнуться в едином строю. По своим горным гнездам сидели главы их воинских кланов и, часто споря друг с другом, не могли объединиться и поднять меч против общего врага.

Был в истории Махараштры и такой час, когда ее голос почти не был слышен. Это был долгий час — он длился века. Воины Махараштры сражались в рядах войск местных султанов, обороняя свою землю от новых захватов. В начале XVII века Великие Моголы, царившие в Дели уже около двух столетий, решили любой ценой подчинить себе юг страны. Десять, двадцать, тридцать лет длилась война, то разгораясь, то ослабевая. Легкая и подвижная конница маратхов — основная сила местной армии — была неуловима и непобедима.

Султаны, военачальники, наместники Моголов, сами Моголы сплетали и расплетали кровавые клубки интриг, заговоров и восстаний, а сыны Махараштры бились и умирали за свои родные горы. И только в 1636 году удалось Моголам смирить султана Биджапура.

Округ Пуны, ставший отныне сердцем маратхов, был оставлен Моголами во владение одному из маратхских князей, Шахджи, за вырванное у него обещание смириться и не восставать против власти Моголов и их нового союзника, биджапурского султана.

Крестьяне Махараштры исправно платили подати, а посланцы и слуги правителей могли безопасно проезжать по ее дорогам.

Но повесть жизни маратхов, как и жизни сикхов и раджпутов, писана кровью. И если дороги стлались под ноги Моголов, то горные тропы были ведомы только тем, кто стал пробираться по ним тайно в дом юного Шиваджи, сына Шахджи.

Шиваджи родился в 1627 году, когда умер Джахангир и главным претендентом на трон Великих Моголов стал бунтовавший против него сын его, Шах Джахан.

Шиваджи был рожден в древнем роду маратхских воинов. Вольнолюбивые деды и прадеды наградили его памятью о своем возвышении и своих унижениях. Его мать была независима и воинственна, как мужчины этой страны, как и другие женщины Махараштры. Она вложила ему в руки меч, когда эти руки окрепли настолько, чтобы поднять меч с земли. Она пела ему песни о великом прошлом Индии, о непобедимых героях древних эпических поэм, о прошлой свободе. Она звала его к битве за грядущую свободу. Она учила его приемам борьбы и дипломатической игры, отваге и хитрости, формировала в нем душу воина и вождя.

О нем слышали рано. И поняли, что из этого львенка вырастет лев. И не раз подсылали к нему убийц и отравителей, но его мать и его народ сберегли его от беды.

Наконец его призывный клич прокатился по горам и был услышан каждым, кто называл себя маратхом.

Примири́в маратхских князей друг с другом, он создал сильный союз бойцов. Как песня, звенели в горах его слова: «Если маратхи едины, непобедима Махараштра».

Середина XVII века взорвала спокойствие султанов и Моголов в только что усмирённой Махараштре.

Шиваджи еще не исполнилось и двадцати лет, как он начал захват крепостей биджапурского султана и, постепенно отбирая его земли, стал воссоединять Махараштру.

О нем говорят, что он спал, закрывая только один глаз. Именно эта его постоянная настороженность помогла ему в один из вечеров 1659 года уловить, как метнулась к кинжалу рука посланца султана Биджапура, приехавшего к нему с заверениями в дружбе, и первому нанести смертельный удар.

Через два года произошла первая стычка с могольским войском, закончившаяся поражением Шиваджи. Он понял, что его народ еще не готов к битве, и вновь приступил к войне только после трех лет мира. Затем в течение восьми лет войны и дипломатии он освободил больше половины захваченных врагом земель и вернул эти земли маратхам. С моря на него наседали португальские пираты, стремившиеся укрепиться на побережье и грабить, грабить, грабить его страну. Биджапур, Моголы, мелкие князьки — все бросали свои войска против него, но он выстоял и сделал то, для чего был рожден.

Армия, созданная им, была маневренна и стремительна. Ни тяжелые обозы, ни женщины не сопровождали его подвижных конников, имевших при себе только легкое оружие. Они, подобно самому Шиваджи, «сли в седле и спали в седле». Он карал смертью нарушения воинской дисциплины, возведя ее прежде всего в долг патриотов, и солдаты преклонялись перед ним.

Он создал военный флот и научил жителей побережья вести морской бой.

К концу своих дней он окружил страны маратхов цепью из 240 горных крепостей, царивших над всеми тропами и перевалами.

«Если маратхи едины, непобедима Махараштра». И что бы ни происходило в дальнейшем в истории маратхов, они уже не могли забыть, что сплоченность и высокий патриотизм помогают одолеть любого врага.

Не было равных Шиваджи среди воинов его времени.

Но, как и у всех правителей-индусов, у Шиваджи были советники-министры. И главные из них, именуемые пешвами, не были из касты маратхов, а были брахманами. Они принадлежали к той касте, в обычаях которой было направлять руку царей, руководить царями, использовать влияние на царей. Эта каста умела держать в повиновении народ, заставляя его строго блюсти кастовые обычаи и предписания и не стремиться к приобретению знаний, потому что это разрушило бы ореол всеведения и святости, сиявший в течение веков над головою каждого брахмана.

Пешвы верно служили Шиваджи до тех пор, пока он отвоевывал у мусульман земли, восстанавливал храмы и возвращал брахманам их власть и силу. Но когда он стал слишком независим, отделился от них, первей-

ших из своих советников, когда приблизил к себе членов низких каст из преданных своих воинов, когда он лишил пешв многих прав, которые по древней традиции безоговорочно принадлежали им, брахманам, тогда разгорелась глухая борьба вокруг трона Шиваджи. Удар за ударом наносили пешвы по этому трону, стараясь низвести с него правителя-маратха, но выдержавший столько войн, мужественный и зрелый правитель Махараштры сумел остаться неуязвимым и в этой битве. Он до конца сохранил свою власть и умер в 1680 году. По одним свидетельствам, он умер своей смертью, по другим — был все-таки убит своими недругами.

Многое рассказывают о нем. Каждый день его жизни окружен преданьями и легендами.

Как-то мы ехали за плодами в манговые рощи недалеко от Пуны. Машина, в которой едва-едва уместилась семья моего названного брата, медленно ползла вверх к перевалу. За одним из поворотов перед нами открылся склон, усеянный хаотически разбросанными обломками скал и огромными валунами. Виджай, старший из четырех моих племянников, сказал мне:

— Взгляните, тетя, видите эти камни? Знаете, почему они здесь?

— Нет, конечно. Расскажи, пожалуйста.

— По этому склону Шиваджи уходил однажды от преследователей. Тучи стрел накрывали его, и уже казалось, что ему спасения нет. И тогда камни на вершинах увидели, что ему грозит гибель. Они упали вниз и рассыпались по склону так, чтобы прикрыть его от взоров врага. Видите, камни лежат по два, по три вместе? Вот там и тут, видите?

— Да, да, действительно.

— Это они скользили по горе, чтобы закрывать его, пока он перебежал от одного к другому. И он достиг

вершины и ушел от врагов. Вот каким был наш Шиваджи, его любили даже камни.

Я верю. Я всем таким рассказам верю. Я верю той единственно правильной и неизменной их мысли, что защитника родины, защитника своего народа сама земля бережет и прячет от недруга. И мне нравилось слушать их в Пуне, в самом сердце Махараштры, мне нравилось, что для маратхов Шиваджи и сегодня жив, что они говорят о нем как о родном, своем, каждому близком и знакомом человеке. Вот это, вероятно, и есть «вечная память героям».

В другой маратхской семье мне рассказали, что однажды могольский император захватил Шиваджи в плен и заточил его в неприступном форту, в самой своей сильной крепости. Все были убеждены, что на этот раз для маратхского вождя спасения не будет. Но однажды пришел в форт продавец фруктов, неся на голове огромную корзину манго. Это были плоды из Махараштры, лучшие манго в Индии. Его пропустили в форт, а через некоторое время он вышел оттуда со своей корзиной на голове и смешался с прохожими. И тогда в крепости поднялась тревога — исчез из заточения Шиваджи. Догадались, что сладчайшие манго из Махараштры достались двору дорогой ценой, но след узника уже затерялся в кипучей толпе базарных улиц, в толпе, которая не выдает героев...

А сын Шиваджи, которому он оставил созданное с таким трудом государство, был беспечен, сластолюбив и недалекосуден. Удары, наносимые пешвами и внешними врагами, быстро расшатали его трон. Не прошло и десяти лет со дня смерти его отца, как он, опьяненный сладким вином и уставший от женских ласк, был захвачен Моголами и предан медленной мучительной смерти.

Махараштру присоединили к империи Великих Мого-

лов, «полумесяц которых стал полной луной». Но сразу же черной тенью на сияние этой луны легла всенародная война маратхов. Каждый военачальник, от самого крупного до самого мелкого, поднял своих солдат на борьбу. Каждая женщина побуждала своего мужа и сыновей идти в бой.

Не только форты Махараштры, но каждый камень на ее горах стал крепостью. Захват отдельных областей страны не приносил врагу успеха, так как восстала вся земля и гнев народа достигал неприятеля на каждой тропинке, в каждой укреплении. Жестокий и властный Аурангзеб, занявший трон отца своего Шах Джахана и сумевший ловкими ходами, предательством и убийствами избавиться от своих братьев и всех других претендентов на престол Моголов, со скрежетом зубным вынужден был признать свое бессилие в войне с маратхами.

Видел, но по деспотичности своей не мог или не хотел ее прекратить, изматывая свою армию в безрезультатных боях с самим народом, с самой землей.

Аурангзебу, к дню его смерти в 1707 году, дано было увидеть всю силу возросшей армии маратхов, все величие их правоты в освободительной войне.

Но длительная война грозила подорвать и жизнеспособность самих маратхских войск. Опустошенная и выжженная страна не приносила дохода. Центральной власти не было. Многие военачальники спорили друг с другом и водили свои отряды на разбой.

И в эти годы пешвы захватили власть в свои руки. Ум и образованность помогли им правильно оценить обстановку и превратить князей-маратхов в своих пособников по сбору налогов, лишив их определенных, им принадлежащих земель.

Пешвы создали союз маратхских князей на такой основе, которая не давала возможности кому-либо из них стать независимым. Опираясь на войско маратхов, пешвы стали вести войны за пределами Махараштры и облагать огромной данью захваченные земли. Усилившись и разбогатев, они правили Махараштрой из Пуны, украшая свою столицу бесчисленными храмами и новыми дворцами.

Власть потомков Шиваджи стала номинальной, маратхами командовали пешвы. В своем стремлении к экспансии они не знали границ. В середине XVIII века они бросили 45-тысячную армию на бой с афганским правителем Абдали, который пересек Панджаб и рвался к Дели. И в 1761 году каждую маратхскую семью поразила страшная весть о гибели в битве с Абдали всей армии маратхов.

Эта гибель подорвала и безграничное господство пешв. Многие князья-маратхи обрели достаточно сил для того, чтобы объявить себя независимым, и создали на севере державы свои государства.

Так складывалась причудливая, переменчивая, трудная и славная история маратхов.

Войны, войны. И дальше войны, и все время войны. На юге, на востоке, на севере.

А когда пришли англичане, снова началась война. Войны оборонительные, освободительные, патриотические, войны за Махараштру, за Индию. И только в начале XIX века, используя внутренние раздоры в маратхской державе, смогли англичане наконец заставить пешву признать их господство и привести союз маратхских княжеств к началу распада.

И снова война — маратхи на севере не признали капитуляции пешвы. Но их победила армия англичан.

И еще одна война, последняя, закончившаяся в

1818 году установлением власти англичан в Махараштре.

Князьям были оставлены их княжества, но с правом на внешние связи только под контролем англичан. Единство маратхов было подорвано, держава раздроблена, народ согнулся под непосильным грузом колониального ига. На долгие годы — почти на сто тридцать лет.

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ БОГА ШИВЫ

Сомавар — понедельник. Это день бога Шивы. Все истинные шиванты в этот день посещают храмы, чтобы поклониться священному фаллосу — символу созидательной энергии бога.

Но даже не обязательно идти в храм — на каждом шагу можно увидеть святилище Шивы. Это или часовенка, или ниша, или просто огражденное решеткой, а то и веревкой место под небольшим навесом. Не в этом суть, какое это святилище. Важно, чтобы там был символ Шивы, называемый одним словом — шивалингам, а вокруг — фигурки, представляющие Парвати — жену бога, его слоголового сына Ганешу и обязательно — бычка Нанди, неразлучного спутника Шивы.

Каких только размеров не бывают эти фигуры Нанди! Перед входом в святилище больших храмов лежит иногда каменный Нанди величиной с дом. Подчеркнуто изображены знаки его плодоносящей силы, крутой горб украшает его загривок, широко поставлены короткие рога, окаменевший взгляд удлинённых больших глаз навеки прикован к изображению бога.

Центральное святилище — гарбагриха — может состоять или из нескольких каменных камер: в главной — символ Шивы, а в соседних — фигуры других близких ему богов, или из одной, где шивалингам в центре, а во-

круг — другие божества, но всегда эти храмы темны, холодны, глубоки.

На улицах же — под навесами и в нишах — каменные символы бога весело залиты дневным светом. Хоть их всегда и ставят в тень и, надо сказать, рассчитывают это удивительно точно, но и без прямых солнечных лучей в Индии полно света и жара, так что прохлады и мрака нет и настроение уже не то. Но верующие подходят, шепчут короткую молитву, бросают к каменному лингаму щепотку красного порошка, или кусочек банана, или немного риса и уходят своим путем.

Как и со всеми богами, с Шивой индийцы обращаются просто, по-домашнему, доверительно делясь с ним своими чаяниями и прося помощи так, как просят ее у друга или родственника.

Чаще всего к нему обращаются женщины, жаждущие потомства.

Бог-оплодотворитель, великое начало всех начал — он должен помочь! — и тысячи паломниц стекаются в прославленные храмы, прижимаются животом к огромному каменному фаллосу, молят о зачатии. Жрецы бормочут мантры, жрецы собирают дары, приносимые богу, а иногда играют роль и самого бога, зарождающего жизнь в лоне женщины.

А вот на иконах, на ярких литографиях, которые продаются почти на каждой улице и которыми обвешана и оклеена изнутри каждая лавочка, всемогущий Шива изображается и по-другому.

Здесь он сидит, поджав ноги и положив руки на разведенные колени.

Он сидит на расстеленной шкуре оленя, шкурой же покрыты его чресла — он является также богом-охотником и богом охотников. Он погружен в великое без-

молчаливое раздумье, он йог-отшельник, он создает мыслью.

Лежит невдалеке верный бычок Нанди, а вокруг — горы, горы, горы. Это Гималаи — престол богов, приют отшельников, родитель великой реки Ганга.

Ганг тоже изображается на этих картинках в виде водной струи, стекающей с головы Шивы и бегущей по траве. Как она попала к нему на голову, спросите вы?

Она была вызвана к жизни из большого пальца ноги другого бога — Вишну — и низринула могучим потоком на землю. Увидев, что ее падение причинит много разрушений, Шива принял ее на свою голову, и она растеклась по нескольким мирным потокам, разделенных его локонами.

Но Шива бывает и гневен, и тогда огонь его гнева может испепелить весь мир. Он дуалистичен, он создает, разрушая, и разрушает для созидания.

Когда он танцует бхайрав — танец гибели — трепещет вся вселенная.

Он — бог ритма. Он воплощает в своих танцах ритмы кружения планет по небосводу и биение мельчайших частиц вещества, всегда пребывающих в движении, ритмы токов крови и приливов энергии — ритмы мироздания.

Таким знает Шиву народ Индии, такому Шиве молятся, таким он предстает и перед чужеземцами, покупающими его бронзовые изображения в качестве сувениров.

В один из понедельников мой хозяин и брат сказал мне:

— Дорогая сестра, хотите поехать с нами в храм бога Шивы?

— О конечно, — не замедлила я с ответом. — Когда едем?

— Все готово. Идем в машину.

Набились, как всегда, в машину так, что было даже непонятно, как это вообще можно поместить в ней столько человек, и двинулись в путь. Миновали сады и коттеджи Пуны, проехали по шоссе между гор — не помню, сколько миль — и остановились. Направо до следующей гряды холмов лежало лёссовое поле, налево громоздились каменные невысокие горы. На ровном поле виднелись пальмы, пальмы, пальмы — и больше ничего.

— А где же храм? — не вытерпела я.

— Сейчас пойдем, сестра, не спешите.

— Далеко?

— Сколько бы ни было, бог нам поможет.

— Ну хорошо, пойдем.

К счастью, мы оставили в машине с шофером маленькую Сараяу, потому что все, что разыгралось в дальнейшем, могло вообще лишить семью моего названного брата этой очаровательной девочки.

Мы двинулись прямо по гладкому полю, растрескавшемуся от жары и поросшему редкой травой. Под ногами на страшных скоростях носились сотни тысяч крупных черных длинноногих муравьев. Не в пример всем своим собратьям, которые всегда куда-то целеустремленно двигаются, эти металась как ошалелые во всех направлениях и, насколько я могла заметить, никого не ловили, ничего не собирали и вообще не занимались никакой полезной для себя работой.

Они наскакивали па голые ноги людей, взлетали вверх по голням, видимо не сразу соображая с разбегу, куда это их занесло, и тут же сбегали вниз, чтобы опять метаться по земле, как по аду.

Сначала я пыталась их стряхивать с ног, но быстро поняла, что под солнцем это занятие утомительное и полностью бесполезное, и предоставила им носиться по моим ногам сколько угодно.

Разглядывая этих мятущихся муравьев, я не сразу обратила внимание на то, что солнце уже почему-то не печет и что даже стало как будто темнее, чем должно быть в предвечерний летний час. Взглянув наверх, я увидела, что из-за гор и холмов, да к тому же со всех сторон одновременно на небо, клубясь, лезут густые тучи в тугих черных и белых завитках. Солнце старалось пробиться сквозь них и показать нам пальмы на фоне заката, но могло прорваться через их разрывы только двумя-тремя лучами, а от этого панорама становилась еще страшнее, так как подсвеченные снизу клубы туч делались похожими на дымы огромных пожаров.

— Не кажется ли вам, брат, что скоро будет дождь? — осторожно осведомилась я.

— Да, будет, — оглядев небо, спокойно ответил мне мой милый Гходке.

— Ну, а как же мы? Ведь это будет муссонный дождь, — пыталась я все-таки выяснить наши ближайшие перспективы, зная, что слово «муссонный» само по себе объясняет индийцу очень многое.

— Да, сестра, благодарение богу, муссон начался.

На этом разговор оборвался, и мы продолжали свое шествие в неизвестное, но явно грозное будущее.

Шоссе давно скрылось из глаз, мы отошли, вероятно, мили на три. Впереди виднелась роща. Подойдя ближе, мы разглядели белый конус храмовой крыши в густой зелени огромных манговых деревьев и флаг бога Шивы над ней.

— Ну вот, дорогая сестра, мы и пришли.

Я уже боялась даже оглянуться на небо. Я только заметила, что вот совсем еще только что храм был ясно виден среди зелени, а теперь мрак сгустился так внезапно, что не поймешь, где храм, а где деревья. К тому же налетел сильный ветер и стал отчаянно трепать ветви деревьев. Поднялся ужасный свист и вой, да на все это сверху еще внезапно обрушился гром. Причем не наш, русский гром, который можно слушать, как музыку, и даже стихи под него слагать, а гром индийской муссонной грозы, сплошной, не прекращающийся ни на миг, сталкивающийся в небе сам с собой и с неимоверной силой ударяющий по земле и по вашим барабанным перепонкам.

Нашулав во мраке руку своего брата, я вцепилась в нее мертвой хваткой и сказала себе, что мы погибнем только вместе. Он прокричал мне в ухо:

— Не бойся, сестра, бог всегда с нами!

— Где все остальные? — завопила я, но он уже не услышал. И вообще, больше никто уже ничего не слышал, кроме грохота, сотрясавшего самые основы всего сущего.

Рука, за которую я судорожно держалась, вела меня куда-то во мрак.

Какие-то ступени под ногами... Мы начали спускаться. И тут ударила долгая яркая молния. В моих глазах навеки запечатлелась картина, которая открылась перед нами.

Лестница крутыми ступенями уходила вниз, во двор храма. Двор был выложен большими плитами серого камня, а между ними пучками росла трава. Его окружали стены, сложенные из каменных, почти необтесанных глыб. Деревья, густые и черные, в ужасе метались

по ветру. За двором беспокойно неслась черная вздущая река, а на другом ее берегу хаотически громоздились темные скалы.

А посередине двора среди этих туч, скал и хлещущих ветвей стоял храм. Белый, узкий, стремительно взлетающий кверху выпуклым конусом своей крыши, изящный, вычурно отделанный скульптурной резьбой, гармоничный, как сон о совершенстве, застывший здесь много веков тому назад.

И остановившиеся вразброс, то тут, то там, на ступенях и во дворе — мы, оцепеневшие, словно заколдованные.

Потом снова рухнул гром и навалился мрак, и рука Гходке потащила меня вниз, и по плитам двора, и к двери храма, и в храм. Здесь мы наконец перевели дыхание и смогли оглядеться.

Мы стояли в круглом небольшом помещении. В нишах по стенам мерцали глиняные светильники, освещавшие только самих себя. Каждый наш шаг гулко отдавался под холодными сводами.

А против входа в храм, в нескольких шагах от него, во дворе стоял в каменной нише огромный обезьяна Хануман. Весь покрытый красной краской, озаренный пламенем больших светильников, пылающих как факелы, он казался воплощением огня, вспыхнувшего во мраке этой грозовой ночи. И ничего не было видно оттуда, где мы стояли, кроме беспредельной тьмы и огненной фигуры огромной каменной обезьяны в позолоченном шлеме и с булавою в поднятой руке.

Оторвав наконец зачарованный взгляд от Ханумана, я обнаружила, что осталась одна.

— Брат, где вы? — воззвала я в ужасе.

— Здесь, иди сюда, сестра, — донесся откуда-то изпод земли голос Гходке.

Тут я заметила маленькую дверь в стене и проникла сквозь нее еще на одну лестницу, ведущую дальше вниз.

Держась обеими руками за каменные стены, я спустилась и обнаружила здесь всю нашу компанию. Они молились, стоя вокруг шивалингиама, еле освещенного масляным светильничком. На шивалингиам капала вода, и было очень холодно в этом подземном святилище.

И очень тихо — сквозь толщину каменных стен и пола гром не достигал нашего слуха.

А когда мы вышли наверх, то на нас обрушился еще и ливень.

Кто не был под муссонным дождем, тот не может себе представить, что это такое! Вы сразу попадаете на дно реки или озера и двигаетесь в толще воды, не задыхаясь только благодаря чуду.

По дну такого озера, которое еще недавно было двором храма, мы быстро пробежали к лестнице, взлетели наверх и укрылись под сводом ворот.

Ливень хлестал, выл, свистел, шипел, сверкал, мешался с громом и молниями, сквозной ветер с воем неся в туннеле ворот, а мы сидели на каменных скамьях, мокрые, ледяные, прижавшись друг к другу (женщины на одной скамье, мужчины — на другой: Индия — всегда Индия!), и, стуча зубами, не чаяли выбраться отсюда. К нам присоединились еще какие-то паломники, вынырнув из водяного мрака, — старая женщина и двое мужчин. У одного был на руках маленький ребенок. Он спал, положив голову отцу на плечо. Все были так же мокры, как мы, но все кротко улыбались и никак не выражали своего отношения к истории, в которую попали. Завязался тихий разговор.

Из этого разговора выяснилось, что обратного пути нет, так как по полю несутся с гор потоки сила, про-

мывшие себе в мягкой почве глубокие русла, и что надо пробовать добраться до шоссе кружным путем, горами, но во время дождя это небезопасно.

Когда Гходке перевел все это мне, я только тихо вздохнула.

Посоветовавшись еще с полчаса, все мои спутники решили все же попробовать добраться до шоссе полем.

Гходке, сказав: «Мужайся, сестра, бог нам поможет», взял меня за руку, и мы двинулись в кромешный мрак под потоки дождя. С первых же шагов я уяснила себе, что в босоножках идти невозможно, так как мы проваливались в грязь почти до коленей и босоножки застревали на дне этих ям, охватывая ноги, как кандалы.

Я их содрала с себя и понесла в руке, но тут же с ужасом ощутила, что почва набита мелкими острыми камнями и что вывих ноги будет, по-видимому, самой легкой и безопасной травмой в данной ситуации.

Пройдя таким порядком шагов сто из нужных нам трех или четырех миль, мы встретились с первым потоком силя, который с бульканьем и урчаньем несся во тьме поперек нашего пути.

Человек, у которого был ребенок на руках, молча вошел в эту черную бурлящую реку, и сразу же провалился по пояс. Мы еле вытащили его обратно.

Потоптавшись в размокшей земле еще минут пять, мы решили вернуться в храм — единственное твердое и прочное место в этом хаосе из мрака, воды, грязи и катящихся камней. Вернулись. Мокрые, застывшие, опять сели на ледяные каменные скамьи в потоке сквозняка.

— Хороший муссон! — сказал кто-то с удовлетворением.

— Да, хорошо, — подхватили все. А я подумала о возможности совсем разных подходов к одному и тому

же вопросу. Умом я понимала радость моих друзей, но не могу сказать, чтобы я разделяла ее всем сердцем.

Вдруг со двора храма возникла еще какая-то неясная фигура, оказавшаяся местным жрецом. Выяснилось, что он всегда живет здесь со своей женой в комнатке в толще стены. Я прошла в их жилище. В отблесках светильника я различила сосуды для воды и пищи, очаг в углу, циновки на полу и старую женщину, сидевшую на корточках у очага.

Охваченная приступом малодушия, я прошептала Гходке:

— Брат, оставьте меня здесь до утра. Я обсохну и отогреюсь. А утром приеду домой.

— Что ты, сестра! — воскликнул он. — Как я могу тебя оставить без своего глаза. Нет уж, я за тебя отвечаю перед твоей страной, всюду пойдем вместе. Скоро мы двинемся в путь.

Я бросила тоскливый взгляд на закопченные стены, на привлекательные циновки, на такой низко нависший потолок, на очаг, где теплился огонь — о господи, огонь! — на весь уют простого человеческого жилья, ограждавшего людей от бушевавшей за стенами стихии, и — шагнула за своим братом в мокрую ночь. Но зато теперь он был вооружен керосиновым фонарем, а это уже значило для нас очень много.

Решили пробиваться через реку и холмы кружным путем. А до реки ведь еще был двор храма, залитый теперь водою. Спустились, стали переходить его вброд, как вдруг Гходке стиснул мою руку:

— Осторожно, змеи!

Вот этого только и не хватало!

И тут же в отблесках фонаря у самых ног проплыла одна змея, а у стены, пытаясь на нее взобраться, извивались в черной воде еще две, высоко подняв ма-

ленькие головки. От этого зрелища меня бросило в жар, и мне показалось, что вся вода вокруг кишит змеями, выгнанными ливнем из своих нор. Может быть, так оно и было, но мы быстро пересекли двор, стараясь не вглядываться в извивы черного нефтяного блеска у наших ног.

— Не бойся, сестра, — не забыл сказать мой Гходке, — это змеи бога Шивы. Он не допустит, чтоб они сделали нам зло.

— Да, да, конечно, я не боюсь...

— Идем. Вперед. Не бойся.

— Идем, идем. Только скорее.

Реку переходили по мосту вброд, так как он был перекрыт быстро катящейся водой. Мне до сих пор удивительно, что никого из нас тогда не смыло с моста. Потом карабкались на скользкие скалы, потом шли прямо, держась друг за друга и с чавканьем вытаскивая из жирной грязи одну ногу за другой. Шли во мраке и во мрак. Я решительно не понимала, откуда эти люди знают правильный путь и как они его находят.

Ливень стал слабеть и превратился в обычный дождь. Теперь наше шествие возглавляла та самая паломница, которую мы встретили в храме. Несмотря на свой почтенный возраст, она шла бодро и уверенно, как будто твердо знала эту невидимую во тьме дорогу, лишенную, на мой взгляд, всяких примет.

А тут и дождь кончился, и сразу нас охватило тепло индийской летней ночи. Стало даже весело шагать по колена в грязи. Старая паломница что-то рассказывала человеку с ребенком, и все смеялись. А удивительный его ребенок так и спал все время, так и не проснулся. Я уж думала, не задохнулся ли он под дождем, но нет, был живехонек.

И вдруг вокруг нас заплясали звезды. Десятки звезд. Они почему-то светились под ногами, сбоку, впереди. И казалось, что мы, как в невесомости, медленно кружимся во мраке вокруг собственной оси. Это мы вошли в рой светляков. Огромных, тропических, настоящих. И оттого, что они сместили представление о небе, которое должно держать звезды над головой, голова начинала кружиться. Можно было упасть, потеряв равновесие. Но мы не упали. Не знаю, почему не упали другие, но я потому, что меня вел за руку мой милый, заботливый Гходке.

Таким порядком мы добрались до шоссе, а там, грязные и мокрые, как отряд болотных кикимор, сели в автобус, и он привез нас к тому месту, где нас ждала машина. Увидев в окно, что мы проезжаем мимо нее, все загалдели, шофер остановил автобус, и мы высыпали во мрак и снова набились в машину, где безмятежно спала маленькая Сараю.

Гходке пригласил с нами и старую паломницу, привез ее домой, посадил в самое лучшее кресло и заставил всю свою семью поочередно поклониться ей в ноги. Разбудил и спавших мальчиков, и они тоже кланялись ей в ноги.

— Это за то, что она спасла тебя, сестра, и вывела нас всех на дорогу. Она нам теперь как мать.

Почтив старую женщину таким образом, ее посадили в машину и отвезли домой.

А за чаем я спросила:

— Как она нашла дорогу в этом мраке?

— А она много лет каждый понедельник ходит в этот храм поклоняться богу Шиве, — ответили мне.

Засыпая в этот вечер, я стала подсчитывать в уме, сколько понедельников в году, сколько их в сезоне

дождей и сколько миль она проходит каждый понедельник, одна, в любую погоду, при свете и во мраке.

Наутро же я простилась с милой гостеприимной семьей Гходке, с золотым городом Пуной и с горами Махараштры. Мой дальнейший путь лежал в не менее привлекательную область Индии, в штат Раджастхан.

СЛАВА НЕ МЕРКНЕТ

Раджастхан тоже не похож ни на какую другую область Индии. И люди в нем особенные, и природа особенная...

Он лежит к югу и юго-западу от Дели. Его граница совсем близко. Там, по сторонам шоссе, стоят два каменных столба, и на них каменные слоны. Отсюда начинается земля Раджастхана.

Невысокие горы Аравалли тянутся, тянутся вдоль шоссе. Они перерезают Раджастхан почти пополам. На северо-запад от них простирается океан песков — жгучая пустыня Тар, а на юго-восток — каменистые холмы, каменистые долины между ними, низкорослые леса. Эту часть принято называть плато. Здесь горки, горушки, холмы идут, идут друг за другом, расступаются, снова смыкаются — прямой линии горизонта нет нигде.

А горы Аравалли обрамляют плато, как застава из острых камней, колючих кустов и высохших трав Аравалли — прибежище тигров.

Через кромку гор льется на плато зной пустыни, дыхание ее многовековой власти. Пустыня выпивает влагу муссонных дождей, и на плато сгорают урожаи. Она шлет по ветру свой песок, и он рассеивается над полями и городами, засыпает улицы, дворы и сады, летит в окна, набивается в рот, обжигает глаза.

Каждый житель Раджастанана по эту сторону гор помнит, что пустыня совсем недалеко, рядом. Из пустыни приводят сюда на продажу верблюдов. Из пустыни забредает скот, покидая жалкие редкие деревеньки, когда там, за горами, пересыхают колодцы. Она непрерывно впитывает в себя жар солнца и выдыхает его сюда, на плато.

Песок, песок вокруг и красные обжигающие камни. Деревья искривлены ветрами и зноем.

Когда-то, три-четыре тысячелетия назад, пустыня Раджастанан была цветущим краем, центром древней цивилизации. Ее питали обильные реки. Но потом они пересохли. Пески поглотили города и засыпали караванные пути. Колючие кусты, кактусы да пучки сухой травы заменили собой пальмы и плодовые деревья.

Пустыня победила цивилизацию. Но не людей. Люди остались. Они переменили образ жизни, костюм, жилье. В поисках воды они научились копать колодцы до 100 метров глубиной. Они стали разводить верблюдов и расселились по оазисам. Они даже выстроили в оазисах города со звучными названиями: Джайсалмир, Бикамир, Бармир... Иногда от засух, эпидемий и войн жизнь в этих городах замирала, но затем они оживали вновь, не сдавались. Они существуют и сейчас, эти города-оазисы, но мне там побывать не довелось.

А на плато по эту сторону гор условия для жизни были все-таки легче. Здесь ближе вода, здесь есть тень, здесь есть почва, на которой можно вырастить урожай. Правда, почва эта из перетертых ветром песчанников да известняков, а поля так набиты камнями, что их и пахать нельзя, пока корзинами не вытащишь эти камни на межи, но все же это почва и поля, и на них можно сеять. Здесь, на плато, расцвело много чудесных городов.

История Раджастанана тоже отмечена почти непрерывными завоеваниями, захватами, войнами и распрями.

Начиная с первых веков новой эры в эту страну стали устремляться завоеватели, проникавшие в Индию через перевалы северо-западных гор.

Раджастанан нельзя было обойти стороной — он лежит между долинами севера и запада и побережьем Аравийского моря. Через него пролегалли караванные пути и на юг Индии. Но в диких его горах жили древние воинственные племена бхиллов, чьи стрелы не знали промаха. Не покорив их, не одолев их сопротивления, нельзя было пересечь Раджастанан, нельзя было утвердиться в нем.

В начале новой эры в Индию ворвались полчища скифов. Они завоевали огромные земли на севере и западе страны, им удалось захватить и Раджастанан.

Они остались на индийской земле и постепенно смешались с ее населением. Полагают, что от них, воинственных и непокорных, произошло воинское сословие Раджастанана — прославленные раджпуты.

«Раджпут» — «сын царя». Какого царя? Почему царя? Неизвестно. Очевидно, раджпутские роды были основаны вождями скифских и вождями местных племен и родов. Местными были, вероятно, бхиллы, с которыми сражались, с которыми роднились.

Из числа членов родов раджпутских правителей сложились их боевые дружины, и так создалось это сословие раджпутов, сословие воинов по профессии и званию.

Традиция запрещает раджпуту даже прикасаться к плугу — пахать землю должны были члены более низких каст. Члены низких каст создавали все материальные ценности, кормили, поили, одевали раджпутов и выплачивали правителям налоги. Раджпутам же пред-

писывались воинские занятия и охота. Они должны были быть профессиональными героями — единственная в своем роде общественная прослойка.

Чем же они все-таки были полезны своему народу? Тем, что стойко обороняли землю от захватов и вторжений, и тем, что убивали хищных зверей, которыми кишели горные заросли?

Если бы народу приходилось содержать только эту армию героев и охотников, было бы еще полбеды. Но непосильной тяжестью на его плечи ложилось содержание князей — горделивых, живших набегами и грабежами, тонувших в роскоши и не знавших удержа ни в чем. Властолюбивые и независимые, они правили в своих княжествах, бесконтрольно творя суд и расправу над своими подданными.

Земли долины, земли на плато и в пустыне были поделены между родами раджпутов. Их сложилось около 40, этих родов, и они постоянно воевали друг с другом из-за земли, вод, пастбищ, богатств.

Раны и махараны — «князья» и «великие князья» раджпутских родов, возводившие свое происхождение к Солнцу, Луне и Огню, направляли свое главное внимание на поддержание своего престижа, своего великолепия.

До середины XX века Раджастхан даже назывался Раджпутаной, хотя значение обоих названий, собственно, почти одинаково: «Раджастхан» значит «земля царей», а «Раджпутана» — «земля царских сыновей».

Весь Раджастхан покрыт сетью крепостей и крепостных стен. Куда ни помотришь, линии гор окаймлены зубчатыми стенами, а их вершины увенчаны крепостями. Страна междоусобиц, страна обороны.

Раджпуты стали славой Раджпутаны, символом ее независимости. Их известность была так велика, что

часто все население Раджпутаны в целом называли раджпутами. Даже в книгах. Но это неверно. Сам народ этой страны твердо знает, кто такие раджпуты. Раджпуты — это раджпуты, то есть воины. И никто другой.

На земле Раджпутаны происходили частые и кровопролитные войны.

Народ в песнях и преданиях прославил былые подвиги раджпутов, их стойкую оборону, их победы.

Раджпуты владели почти всей Северной Индией начиная с VII века и вплоть до XII века. Лавины неукротимых армий молодого арабского халифата не знали преград до тех пор, пока не столкнулись с раджпутами. Пустыни, горы, крепости и такую волю к битве и победе встретили арабы на границе Раджпутаны, что предпочли отступить. Большой кусок Индий заняли они — устье Инда было в их руках, одно княжество за другим склонялось перед их кривыми саблями и зелеными знаменами. Но только не раджпуты. Железной стеной встали они в защиту своей страны и веры. Войско ислама было остановлено.

Когда в Индию стали вторгаться с северо-запада армии иноземных правителей, раджпутские воины не раз отражали их атаки и отбрасывали их назад. Так было в X, XI и XII веках. В самом конце XII века в Индию стал прорываться Мохаммед Гури, правитель Газны в Афганистане. Он рвался к Дели, к городу, захват которого обещал власть в стране.

Все в страхе бежали от захватчиков, охваченные ужасом. В один из таких походов, почти не зная потерь, Гури дошел до Терайна, но здесь его ожидало войско раджпутов, возглавляемое прославленным полководцем Притхвираджем.

Первый раз тогда воины Газны испытали чашу поражения. В короткой и стремительной схватке раджпуты

разбили их наголову. Если бы Притхвираджд закрепил свою победу, история Индии, возможно, могла бы пойти по другому пути. Но он пал жертвой собственного рыцарства — в соответствии с кодексом раджпутской чести он дал побежденным врагам свободу и разрешил им вернуться на родину. Там, в Газне, Мохаммед Гури быстро собрал новую армию, разъяснил военачальникам все особенности тактики раджпутов и ударил со свежими силами.

На этот раз победили захватчики. Войско раджпутов было разбито, а его доблестный вождь захвачен и убит врагами, пленный и безоружный.

Вскоре вслед за этим был захвачен и Дели, подступы к которому открылись с поражением армии Притхвираджда. В начале XIII века в Дели воцарился бывший полководец Мохаммеда Кутб-уд-дин Айбек, и с этого времени мусульманские правители воцарились на делийском троне. Раджпуты вели с ними почти непрерывные войны.

Народ Раджастан горестно оплакал Притхвираджда. В прекрасной, романтической и скорбной поэме «Притхвирадждрасо» воспел средневековый поэт Чаил Бардан несравненные подвиги и гибель этого славного воина.

Хотя со времени его жизни до наших дней прошло восемь веков, память о нем жива. До наших дней странствующие актеры и певцы прославляют его в своих представлениях на площадях городов и сел. Женщины поют о нем песни, а юношам ставят в пример его отвагу и благородство. Он не умер для своего народа.

Помню, как на одной из базарных улиц Удайлпура мне довелось увидеть выступление труппы народных актеров, забредших в этот город в своих нескончаемых странствиях по Раджастану.

Собрав громом барабанов толпу зрителей, они прежде всего развернули перед ними большое полотно, натянутое на два бамбуковых шеста. На полотне в отдельных квадратах яркие лубочные картины изображали юность Притхвираджа, его охоты и другие царские развлечения, бой с армией Мохаммеда, пленение и, наконец, казнь. На этой последней картине враги, яростно высунув языки, резали его на части, и вся земля была залита кровью. Примитивный натурализм изображения и обилие крови на нем были призваны потрясать сердца зрителей. И потрясали.

На фоне этого полотна певец повел свой рассказ о героической жизни Притхвираджа. Он сопровождал свою песню мимической игрой, жестами и танцем, выразительно дополняя ими свое повествование. Он прыгал, вращал глазами и быстрыми движениями рук создавал иллюзию рубки мечом. Он один изображал и Притхвираджа и его врагов: Он принимал царственные позы, сидя на ломаной табуретке как на раджпутском троне, и подобострастно извивался, показывая, как раболепные придворные выслушивают повеления Мохаммеда.

Про гибель Притхвираджа он спел как-то особенно артистично — тихо и ровно, стоя неподвижно и глядя перед собой остановившимся взглядом. И только к концу песни его голос вдруг взлетел в гневном крике и замер на резкой высокой ноте, продолженной затихающим рокотом барабанов.

Это было изумительное зрелище. Он был как гонец, прибежавший сюда с горестной вестью о тяжелом предательстве, о жгучей утрате, о поруганной чести.казалось, что все это случилось где-то недалеко, совсем-совсем недавно, и мы, его зрители, были первыми, кому он поведал об этом.

Это было искреннее, захватывающее искусство, прекрасный театр одного актера, до краев наполненный чувством и жизненной правдой. Хотелось по-нашему захлопать в ладоши, хотелось сразу с кем-нибудь поговорить об этом, поделиться впечатлениями. Но я была одна в толпе раджастанцев, и мы бы не поняли друг друга.

Люди стали спокойно расходиться. Кончился XII век. Кое-кто бросал в кружку актера звонкую мелочь. Его ассистенты — двое мальчишек, которые на протяжении всего представления старательно держали шести с картиной, женщина, аккомпанировавшая ему на каком-то ципковом инструменте, и барабанщик, тихо переговариваясь, собирали все в дальнейшее странствие. Наверное, это была семья, бродившая по пыльным дорогам вдоль и поперек страны в поисках своего скудного заработка. Актер взвалил на плечо шести с накрученной на них картиной и двинулся в путь. За ним побрели и все члены его труппы. Вскоре громко гудевший автобус скрыл их от меня, и только тогда я заметила, что солнце нещадно налегло мне голову и что необходимо немедленно скрыться в тень, хоть в какую-нибудь тень и прохладу.

На теневой стороне улицы оказались лавки древностей. И здесь я попала в новый плен. От них я уже не могла оторваться весь остаток дня, снова переселившись в давние века.

В полумраке этих лавок на столах и прилавках неразобранными грудями были навалены копья и стрелы, кольчуги и шлемы, щиты, мечи и кинжалы — ломаные и целые, заржавленные и сохранившие блеск, — целый арсенал, большой архив войска, ушедшего навсегда с лица земли. Здесь сгустился воздух былых сражений, казалось, что здесь неслышно продолжают звучать лязг стали и бьется о стены человеческий крик.

Здесь ничто из прошлого не было забыто. Возникало такое ощущение, что рухну внезапно стены этих лавок, и снова начнутся на улице яростные бои, кровь, смерть и бесчисленные победы раджпутов.

Можно было часами перебирать пыльное оружие и не переставать дивиться неисчислимо разнообразным его формам. Клинки мечей были прямыми, кривыми, слегка изогнутыми или извилистыми, как змеи. Они были покрыты гравировкой, чернью, насечкой, на них были выточены канавки для стока крови, они были и без ножен и в ножнах, обтянутых истлевшей парчой и украшенных металлическими узорами и ценными камнями.

Кинжалы превосходили все мыслимые и известные на земле формы. Все возможности принести человеку смерть нашли свое выражение в этих кинжалах. В одном кинжале часто соединялось по два клинка, укрепленных на узкой рамке шириной в кисть руки. Они шли в одном направлении, и бить таким кинжалом надо было, нанося удар рукою вперед, как в боксе. Были и кинжалы, где оба клинка были направлены в противоположные стороны: ими можно было разить врага слева и справа, не поворачивая кисти руки. Были кинжалы не только из стали, но и из рога, — витые рога антилоп, остро отточенные по краям, заменяли собой металлические клинки.

— Кто покупает это у вас, скажите?

— Туристы, мэдам. Главным образом американцы.

— А местные жители?

— О нет. У раджпутов оружие есть, а другим оно не нужно.

— Оно древнее?

— Разное есть. Могу вам предложить даже оружие из Читора времен осады.

— Из Читора? Какой осады — шестнадцатого века?

— Да

— А может быть, есть и оружие осады четырнадцатого века?

— Да, есть.

Не знаешь, верить или нет. Видимо, верить не надо. Но сами слова «осада Читора» волнуют душу.

Это «да» в ответ на такой вопрос вы услышите в лавке древностей в Раджастхане, но оружие из Читора времен осады — той осады! — вероятно, нигде не осталось.

Читор. Он был славою раджутов, а стал их скорбью.

...Раджутовские правители жили, ни на миг не забывая о том, что Дели стал в XII веке центром султаната и что оттуда каждый день можно было ожидать вторжения. И вторжения происходили постоянно. Армия раджутов была всегда готова к бою. Все эти мечи, щиты, кинжалы, которые сейчас ржавеют по лавкам древностей, были в те времена начищены, отточены, и их хозяева не расставались с ними даже во время сна.

Наступил 1303 год. В этом году Ала уд-дин решил расправиться с княжеством Мевар — слишком часто поперек его путей становились меварские раджутоы, слишком независимо держался его правитель, гордый рана Ратан Сингх.

Столицу Мевара — Читор охраняла одна из самых неприступных раджутовских крепостей. Она была не только сложена из каменных глыб на вершине каменной горы, как все другие крепости, но и многие ее укрепления были высечены из скал, врезаны в скалы, уходили в глубь скал.

У подножия горы шумел базаром старый город, население которого при первой вести о приближении врага спешило укрыться в крепости и в горах за ней. Много

раз спасала она людей от страшной резни, от надругательств врагов, от неминуемой гибели.

В 1303 году с севера долетела весть о том, что на Читор движется огромная армия султана, что жители всех городов на ее пути разбегаются и прячутся в горах, что разграблены лавки купцов и ремесленников и ничто не в силах остановить этот поток врагов.

Взоры мирных жителей Читора, как всегда, с надеждой обратились к раджпутам. Крепость стала готовиться к бою.

Как горный обвал, обрушились на город враги. Сам Ала уд-дин был во главе своего войска, чтобы не дать ему дрогнуть, не дать отступить.

Много битв изведал народ Раджпутаны, но таких, как эта, не было. Месяц за месяцем шла осада, но каждая атака разбивалась о неприступные стены крепости, о великолепную оборону раджпутов. Гора над городом побурела от крови, разжиревшие шакалы спали днем на виду у всех, как собаки, отяжелевшие от еды, грифы даже не взлетали на деревья, а вразвалку, медленно покачивая крыльями, бродили между телами убитых воинов.

Раджпуты не сдавались, Ала уд-дин не отступал.

Над горами Мевара текло раскаленное лето. В крепости не хватало продуктов, не хватало воды. Не хватало дров, чтобы сжигать тела погибших. Пришел июль и принес с собой скудные дожди муссона, вышитою пустыней. Они не могли даже прибить горячую пыль на камнях, не то что наполнить водоемы.

А враги не уходили. Они выматывали последние силы беспрестанными атаками. Их армия пополнялась свежими подкреплениями. Надежды на спасение не оставалось.

И вот 26 августа 1303 года вдруг открылись ворота

крепости. Вниз по горе, подняв обнаженные мечи, ринулись раджупуты навстречу своему последнему бою. Они бросились на армию осаждавших и скрестили с ними оружие в кровавой рукопашной схватке.

А в это время над крепостью стали подниматься и медленно растекаться по горам клубы черного дыма. Это раджупутки, по давней традиции, предали себя огню, чтобы не предаться врагу.

Ни одного живого раджупута не захватили враги в плен, ни одной раджупутки не застали в живых, когда ворвались в крепость...

...И вот в середине XX века продавец говорит мне, что в его лавке есть оружие времени осады Читора. Той осады! Хоть я и не поверила ему, но все же купила саблю, на клинке которой были выгравированы фигуры воинов-раджупутов. Несколько позже мне сказали, что это сабля XVII века, но меня это несколько не разочаровало — и в XVII, и в XVI, и в XV, и в любом другом веке оружие раджупутов не знало отдыха. И каждый клинок в этих лавках древностей мог делить славу с теми клинками, которые покрылись кровавой ржавчиной на каменистых склонах горы Читора...

...Читор после своего падения несколько раз переходил из рук одного правителя в руки другого.

И делийский трон — тоже.

С 1526 года Дели стал столицей империи Великих Моголов.

Великие Моголы были самыми сильными из мусульманских правителей Индии. Расширяя границы своей империи, они не хотели терпеть вблизи от столицы независимые раджупутские княжества.

Правда, многое уже изменилось к тому времени в положении этих княжеств. Правитель Амбера, небольшого княжества на севере Раджупутаны, которое грани-

чило с делийскими владениями, предпочел сойти с дороги войны и сдался императору Акбару. За это ему был пожалован титул военачальника и дано право командовать частью могольской армии, а его сыну и внуку были даны чины офицеров этой армии. При поддержке двора Моголов его княжество возвысилось и укрепилось. Отсюда императоры Дели могли двигаться теперь для завоевания других раджпутских земель.

И тогда Акбар взглянул в сторону непокоренного Читора — вечной угрозы мусульманскому господству. Но в этот раз, зная о всех трудностях осады этой крепости и желая действовать наверняка, император оснастил свое войско высокими штурмовыми башнями и большими передвижными щитами, которые прикрывали атакующих.

С наступлением прохладного сезона — в октябре 1567 года армия Моголов двинулась на Раджпутану. Помня уроки осады XIV века, Акбар тоже сам возглавил поход, чтобы поддержать дух своих бойцов. Быстрым маршем они пересекли земли северной Раджпутаны и ворвались в княжество Мевар.

Читор, как всегда, встретил врага во всеоружии — раджпуты и все, кто был способен помогать в бою или обслуживать воинов, перешли в крепость, многие жители столицы укрылись в горах. Сюда по сухим каменным склонам, по колючим кустам и низкорослым лесам — излюбленному пристанищу тигров, леопардов, пантер — враг не заходил, здесь было безопасно. Отсюда можно было также вести партизанскую войну, изматывая армию противника и разоряя ее обозы.

Началась хорошо подготовленная и продуманная осада крепости. Раджпуты держались стойко за тремя рядами ее стен. Проходил месяц за месяцем, а крепость не сдавалась. И неизвестно, смог бы Акбар сломить их

железное сопротивление или нет, если бы их позиции не были ослаблены изнутри. Правитель Мевара — рана Удай Сингх был малодушным человеком, недостойным гордого имени раджпута. Узнав о приближении Акбара, он, подобно женщинам и купцам своей столицы, укрылся в горах, а во главе обороны крепости оставил двух своих военачальников. Таким образом, дух раджпутского войска был подорван с самого начала и не мог сравниться с воодушевлением нападавших, во главе которых стоял их император. К тому же раджпуты узнали, что враги подвели под крепость глубокий подкоп. И когда Акбару удалось убить своей стрелой, пущенной с высоты штурмовой башни, одного из двух главных военачальников, руководивших обороной, раджпуты дрогнули. В начале пятого месяца осады крепость Читора пала.

Не желая видеть, как откроются ее кованые ворота и как раджпуты повиснут на копьях врагов, женщины стали торопливо разводить костры, чтобы успеть принять огненную смерть.

Увидев, что над крепостью медленно за клубился дым, Акбар облегченно вздохнул, — это была победа.

И снова, как в XIV веке, из ворот крепости навстречу врагу, навстречу гибели вырвались раджпуты, чтобы своей кровью смыть бесчестье поражения.

Так поют о Читоре в народных песнях, так рассказывают о нем в легендах, так вспоминают его до сих пор...

Но Акбар был достаточно умен, чтобы понять, что раджпутов одним оружием нельзя удержать в подчинении. Он стал приближать ко двору наиболее влиятельных и нужных ему князей и постепенно установил с Раджпутаной мир. Он добился даже того, что раджпуты стали служить трону.

Установленный Акбаром мир старались поддерживать и последующие Моголы. Но к середине XVIII века сама их империя почти распалась, и княжества вновь обрели свободу. Во вред себе и своему пароду использовали эту свободу раджпутские князья — начались междоусобные столкновения и мелкие споры.

На протяжении истории Раджпутаны народ после каждого вторжения врагов и жестокого разорения поднимал голову, отстраивал города, возводил новые храмы. Взаимная же вражда раджпутских правителей, их нежелание и неумение объединять свои силы во имя общих интересов, их жадность к чужим сокровищам, к чужим землям создавали атмосферу непрерывных распрей, сводивших на нет героизм и патриотизм воннов и непомерные усилия народа по восстановлению мирной жизни на своей земле.

Честью раджпута-дружинника была честь боя и победы, честью его махараны стал захват чужих владений и богатств, утверждение своей власти.

Вскоре на раджпутские княжества ударили с юга их соседи — маратхи.

Маратхские вожди окрепли и возвысились в борьбе с Могольской империей, нга которой не желал терпеть их вольнолюбивый народ. Возвысившись и окрепнув, они обратили свои взоры на Раджпутану, раздираемую на части собственными махаранами, и обрушились на нее своими армиями. К концу XVIII века — века раджпутского заката — маратхи захватили земли Раджпутаны.

А уж потом начались годы горя и позора — годы английских завоеваний. Обманом и лестью, подкупам и интригами, посулами и прямыми захватами эти новые и самые коварные враги сумели за двадцать лет подчинить себе раджпутских князей и стать хозяевами в их

владениях. Раны и махараны выпросили для себя только право сохранить за собой свои престолы.

Как и прежде, в феерически великолепных процессиях они выезжали из своих дворцов на слонах, покрытых золотой сеткой, ослепляя подданных блеском своих драгоценностей. Как и прежде, они устраивали царские охоты, и за их слонами вели на цепях дрессированных охотничьих леопардов. Как и прежде, в дни, когда рождался наследник престола, они бросали народу золотые монеты и устраивали моления в храмах главного бога — покровителя рода — Солнца, Луны или Огня.

Но теперь они не смели и шага ступить без разрешения английских владык, не смели принять самостоятельно ни одного решения.

Романтическое название Раджпутана англичане переменили на протокольно сухое «Раджпутанское агентство княжеств».

Народ княжеств, стонавший столько веков под бременем войн, грабежей, раздоров, набегов, поборов, согнулся теперь под игом колониального рабства. Европейские господа обирали князей — князья брали вдвое со своих подданных.

ЗЕМЛЯ КРАСОК И КРАСОТЫ

Огромная часть поборов шла в Раджастанхана на возведение и содержание крепостей, дворцов и храмов. Надо сказать, что все они производят совершенно незабываемое впечатление. Раджастанханы даже на фоне всех других индийских народов — бесконечно, неизмеримо талантливых народов — выделяются своей художественной одаренностью.

Князю и богам жители страны должны были отдавать почти все, чем владели. И талант своих рук тоже.

Дворцы — это причудливое сочетание бесчисленных залов, резных колонн, внутренних двориков, павильонов, фонтанов, балконов и решеток, решеток, решеток без конца. Мрамор — богатство этой страны — украшает собою все: им облицованы полы, лестницы и стены, из него вырезано тончайшее кружево, которым отделаны окна и двери и из которого иногда состоят стены бесконечно длинных галерей. Изнутри весь мир виден сквозь узор резных решеток.

Особенно густым мраморным кружевом бывают затянуты женские покои. Оно пропускает свет и дыхание ветра, но за него не может проникнуть ничей нескромный взор — рабы и махараны неусыпно стерегли целомудрие своих жен.

Я с удивлением увидела, как в одном из дворцов

устроен зал для уроков музыки. В центре зала должен был сидеть учитель, объяснявший приемы игры женщинам дворца, которых здесь, возле него, не было и которых он вообще не видел во время урока. Они размещались за решетками на хорах, откуда наблюдали за движениями пальцев учителя и слушали его пояснения. Он на слух исправлял их ошибки, не зная, кому он объясняет и кто из его учениц талантливей других.

Стены высотой в 15—20 метров окружали дворы, где жены гуляли по мраморным плитам, покрывающим землю, или плескались в бассейнах.

Системы внутриворцовых бассейнов — это настоящее чудо архитектурного искусства. Вода в них все время пребывает в движении — уклон их дна рассчитан так, что она сбегает, сбегает, льется из одного в другой, пропадает в стенах, вытекает из стен, охладившись в их каменной толще, бежит дальше, растекается по каналам в полу, собирается в водосмы, и так с этажа на этаж, по всем залам и покоям, по всем внутренним дворам и садам, а им и числа нет.

Вода, сквозняки, решетки, преграждающие доступ прямым солнечным лучам, и камень, камень, всюду камень — вот то, что раньше заменяло собою установки по кондиционированию воздуха. Мне иногда становилось даже холодно в глубине каменных покоев, и я с удовольствием выходила на пару минут на раскаленные плиты двориков погреться.

Как мало еще изучены секреты индийской архитектуры! Как оригинально, например, устроено вентиляционное устройство дворцов и крепостей! При постройке этих грандиозных ансамблей в стенах, начиная с подземных помещений, выкладывались узкие и широкие, круглые и квадратные, маленькие, как щели, и достигавшие иногда высоты почти в рост человека вентиляционные трубы, ко-

которые соединялись под определенными углами, разветвлялись, вновь сходились и так пронизывали всю толщу стен и всю глубину горы, в которую уходили покои, чтобы повсюду обеспечить приток свежего и охлажденного о камень воздуха.

Помню, какое огромное впечатление произвело на всех присутствующих объяснение гида о Гвалиорском форте, когда он показал нам вентиляционные трубы в зале для самосожжения раджпуток и сказал, что эти трубы направлены так, чтобы сильный ветер из них мог мгновенно раздуть костер. Этот костер раскладывался на полу в круглом углублении диаметром метра в три. Копоть на потолке и на колонках вокруг этого углубления держится до сих пор. Ее мрачный покров молча свидетельствует о бесчисленных трагедиях далекого прошлого.

В форту Гвалиора как-то особенно ясно и близко чувствуешь минувшее. Он не совсем обычен, этот форт. Он занимает всю плоскую вершину обширного холма, возвышающегося над городом. Она обнесена стенами, которые уходят отвесно вниз, охватывая собою, как каменная облицовка, срезанные склоны вершины. Дворец возвышается над землей на два этажа, а основная масса его помещений устроена под землей, в толще холма. Холм был весь изрыт подземными ходами, и, говорят, отсюда был ход даже в Агру — город, до которого сейчас на машине надо ехать от Гвалиора часа два.

Своды подземных ходов давно обрушились, и посетители должны верить на слово, что все это было. Впрочем, поверить не трудно, когда видишь всю грандиозность и четкую планировку подземных построек.

— А вот здесь, — объяснял гид, — раджпутки ждали исхода сражений. Взгляните сквозь эту решетку в окне, видите? Там флаг. Когда враг врывается в крепость, он прежде всего срывает флаг раджпутов и поднимал свой.

И вот тогда женщины сразу спускались в зал костра. Вот через эту дверь — видите? (Вниз, прямо в толщу стены и в темноту уходили крутые каменные ступени.) А вот эта дверь, взгляните, пожалуйста, была единственной, через которую можно было попасть в женские покои. Видите, она узкая и низкая. И в какой толстой стене она проделана! Сюда войти можно было только по одному и наклонившись. Вот так. (Тут гид вышел в соседнюю комнату и вошел обратно. Его голова появилась из-под низкого свода двери раньше его самого.) Голову вошедшего женщины немедленно срубали мечом. Вот здесь, у двери, они стояли по очереди, держа поднятым отточенный меч.

Он рассказывал обо всем этом так, словно сам бывал здесь в ту кровавую эпоху. В его голосе слышались гордость и восхищение мужеством раджпуток.

Позже я его спросила, из какой он касты.

— Я раджпут, — ответил он, — студент. Я зарабатываю на жизнь здесь, в форту. Я знаю все это очень хорошо. В нашей семье знают даже все имена тех, кто погибал в этой крепости. И подробности всех наших побед.

Он так и сказал — «наших».

Людей Запада стала за последнее время очень тревожить проблема «короткой памяти».

В Индии же благодаря прежде всего кастовой системе и строгому наследованию профессии внутри каждой касты весь опыт отцов передавался конкретно внутри каждой семьи от поколения к поколению. И в том числе навыки и опыт войны. Поэтому и раджпуты помнят, именно помнят, то, что переживали их деды, и прадеды, и многие поколения предков на протяжении столетий. Видимо, с разрушением каст и соответственно преемственности традиций и в Индии может появиться проблема «короткой памяти». А пока еще, когда они говорят «мы», в это

понятие часто входит жизнь семьи и в XX, и в XV или даже XII веках...

Точно так же дело обстоит и с навыками в ремеслах и любых художественных профессиях. И снова иллюстрацией тому может служить Раджастхан. Особенно его города

Удивительно красив, например, город Удайпур. Он так хорош, что кажется выдуманным. Он лежит между холмов как белая окаменевшая пена. Здесь почти все дома белые. Владычные махараны Удайпура построили здесь беломраморные дворцы и окружили их белыми стенами.

Здесь рыжие холмы отражаются в гладкой воде большого искусственного озера.

Страшно себе представить, как создавалось это озеро, как тысячи согнанных сюда подданных махараны вручную разбивали, разрыхляли, растаскивали в корзинах запекающуюся горячую землю, создавая ложе для этой спокойной легкой воды. Сухая земля выпила их пот, вода смыла следы их босых израненных ног, и как вечный памятник их труду осталась для многих грядущих поколений вот эта чаша, полная прохладной влаги, в кольце сухих гор.

К озеру каждый вечер выходят жители Удайпура на прогулку. Тихие лодки легко скользят по его поверхности. Вода отражает темнеющее небо, храм на вершине одной горы, белый дворец на вершине другой и совсем белоснежный — на островке посреди озера. Один вид воды приносит несказанное облегчение.

Меня тоже повезли кататься на лодке.

Спускаешь руку в воду, она мягко струится между пальцами, весла плещут неторопливо, на берегу начинают зажигаться огни. Ах, как приятно погружать руку в воду все глубже и глубже! Как прохладно!

— Осторожно, мэдам. Здесь есть крокодилы!

— О!

— Я не хотел испугать вас, простите. Но все же лучше руку в воду не опускать. Ведь бывают всякие случаи...

— Тогда лучше поедem в отель.

В отеле все было залито электричеством. Как почти все отели в индийских княжествах, это был бывший дворец махараны. Мраморные лестницы, мрамором устланные полы, из мрамора узорные решетки окон, балконов галерей.

Не зажигая в своем номере света, я вышла на балкон и долго смотрела сквозь решетку на Удайпур, блестящий огнями под горой, на игру отражений в темном озере, на блеск миллионов огромных ярких звезд над горами. Под балконом тихо переговаривались садовники, поливавшие цветы. В траве свистели цикады, где-то в саду плескался фонтан.

Этими решетками, этими звуками был ограничен еще совсем недавно вечерний мир раджпутских принцесс, живших здесь до того, как княжества были слиты с Индией. А это свершилось в 1956 году. Совсем, кажется, недавно, а как много черт старой жизни ушло навеки. Была эта жизнь одновременно гордой и алчной, красивой и напыщенной, утонченной и жестокой. Была она вся в плену древних и порой невыносимо тяжелых традиций, а считалась независимой.

После 1956 года правительство страны стало выплачивать князьям пенсии — огромные, к слову сказать, до самых недавних пор, свои дворцы они теперь чаще всего сдают под отели, а принцессы учатся в колледжах и сами водят автомобили.

Наконец-то и здесь кончился феодализм. Но остались его пережитки. Остались еще тени прошлого на стенах дворцов, крепостей, храмов.

В старом дворце Удайпура прошедшая жизнь еще таится по всем углам, прячется за все повороты ходов и галерей. Здесь несчетное множество покоев, залов, каморок — и проходных, и спрятанных в толще стен, и обширных, маленьких как камеры. Здесь уходят в стены низкие коридоры и узкие лестницы с крутыми ступенями. Здесь своды комнат украшены мелкой резьбой по камню, и в нее вправлены бесчисленные кусочки выпуклого цветного стекла и зеркал. Это, как мне кажется, чисто раджпутский способ украшать жилище. Решетки окон разбивают свет и рассеивают его повсюду, и он загорается в глубине синих, оранжевых, фиолетовых стеклянных линз, как в драгоценных камнях.

В этом дворце сквозь решетчатые железные двери, запертые на тяжелые замки, вам покажут большое изображение солнца, отлитое из чистого золота, — это образ покровителя рода удайпурских правителей — Солица, к которому этот род возводит свое происхождение.

(Этот образ удивительно похож на изображение солнца в нашем народном орнаменте — брови, глаза, улыбка на его лице, волнистые лучи — все совершенно такое же. Или как на тереме князя Владимира в декорациях Федоровского к «Руслану и Людмиле».)

Туристы смотрят на светлое лицо солнца и спрашивают, правда ли, что оно из чистого золота. Гидом здесь работает какой-то прежний служитель дворца. Он весь преисполнен почтения к своему махаране и наполнен до краев памятью о жизни обитателей этого дворца.

— Да, из чистого золота, — со сдержанной гордостью отвечает он.

За краткостью этого ответа слышны его воспоминания о богатствах Солнечного рода, о тех богатствах, которые трудно охватить умом и невозможно описать словами. В его словах все время сквозило снисходительное презре-

ние к этим туристам, которые и во сне не смогут увидеть того, что он видел наяву.

— А слоны здесь есть?

— Остался только один. Хотите взглянуть?

Одинокий слон грустно топтался на соломе в полумраке своего высокого стойла. Двор был пустым, опустелым. Я заплатила гиду и простилась с ним.

На торговых улицах города кипела жизнь. Кто-то сновал по лавкам, кто-то звонко стучал молоточками в мастерских, торговался с продавцами, жевал что-то возле дымных жаровен, приценивался к тканям.

Вот, расстелив на длинном столе сари, молодой ремесленник набивает на нем узор деревянными штампами. С поразительной быстротой он меняет штампы, ударяет ими сначала по подушкам с краской, а потом с меткостью снайпера четко впечатывает один элемент узора в другой, создавая на ткани многоцветный орнамент.

Вот перед продавцом браслетов на корточках сидит молодая женщина, и продавец, раскатав в длинный жгут разогретую окрашенную смолу, разрезает его на куски и лепит из них браслеты прямо на руке женщины. Один, другой, третий, пятый, восьмой... Рука уже почти до локтя украшена браслетами. Но ведь их можно надеть до самого плеча, было бы только желание выглядеть красивой. И женщина, смеясь, протягивает продавцу другую руку.

Вот производится окраска тканей классическим местным способом «завяжи и окрась». На циновках, на полу мастерской сидят женщины в волнах тканей. У каждой на верхнюю фалангу безымянного пальца надето медное кольцо с тупым шипом, торчащим выше ногтя.

Подкалывая ткань этим шипом, мастерица пальцами другой руки плотно-плотно окручивает ниткой этот крохотный участок ткани. Когда вся ткань покрывается такими узелками, ее опускают в краску. Неокрашенными остаются места под нитками. С просушенной ткани нитки снимают, и вся ткань получается рябой и очень легкой на вид от этой мельчайшей гофрировки.

Можно составлять из таких узелков разные узоры — что обычно и делается, — и постепенно окрашивать ткань в тона все большей интенсивности. Живость этой окраски и ее своеобразие создали ей широкую известность — по всей Индии продаются шарфы и сари «завяжи и окрась».

У раджастанцев яркий и своеобразный костюм. Их можно сразу отличить в любой индийской толпе. Мужчины носят нижнюю рубашку с вырезом ворота под горло и верхнюю — с глубоким вырезом на груди. Она притянута в талии, застегивается на пуговицы и схвачена поясом, что придает мужчинам вид подтянутый и молодежаватый. Отличительным признаком является огромный тюрбан, на который идет до семи метров ткани. По всей Индии носят тюрбаны и всюду по-разному. Жители страны сразу определяют по тюрбану, откуда кто родом. А я, как ни старалась вникнуть в эту науку, часто ошибалась. Но раджастанцев отличить как будто даже я могла.

Их тюрбан уложен на голове крупной «витушкой» и весь обычно слегка сдвинут на одно ухо. А на другое ухо делается напуск, прикрывающий его плотным полукружьем. В этой манере носить тюрбан есть какая-то лихость. В мочке уха обычно поблескивает маленькая золотая серьга-колечко.

К этому надо добавить необыкновенную яркость тканей, употребляемых на тюрбаны, и представить себе, как эти красные, шафранные, желтые или пестрые ткани сочетаются со смуглой кожей и завитками смоляных волос. и

тогда сразу станет ясно, что раджастханцы — красивый народ.

А женщины носят широченные сборчатые «цыганские» юбки, кофты навыпуск и огромные квадратные шали, которые они накидывают на голову, заправляя углы за вырез кофты спереди и за пояс юбки.

Шали великолепно окрашены — яркие, пестрые и разнообразные, они, как большие цветные паруса, видны издали и выделяются даже среди других, тоже ярких и пестрых, одеяний индийских женщин. Часто раджастханки носят так называемые шали-солнца, на середину которых нанесено большое красное или желтое круглое пятно. Все это придает особую красочность и нарядность уличной толпе в Раджастхане.

Судя по раджпутским миниатюрам и стенной росписи, женщины раньше чаще носили не кофты навыпуск, а коротенькие кофточка-лифчики, которые отличались от подобных им кофточек из других областей Индии тем, что прикрывали только верхнюю половину груди, а нижнюю оставляли открытой.

Я видела и сейчас такой костюм — он очень хорош для жары. Тем более, что юбка подвязывается ниже линии пупка, и таким образом весь торс женщины открыт малейшему дуновению ветерка. А от солнечных лучей укрывает шаль. Все очень хорошо продумано и предусмотрено. В эпоху, когда Великие Моголы заключали союзы с раджпутами, этот костюм даже вошел в моду при делийском дворе.

А росписи! А стенная роспись!

Альвар — одна из бывших столиц многих раджпутских княжеств. Дивный город, как все города в Раджастхане. В путанице шумных улиц повсюду вспыхивает на стенах домов многоцветная роспись — скачут на конях раджпуты с мечами и копьями, выезжают на украшенных

слонах махараны в раззолоченных паланкинах, охотники сражаются с яростными тиграми, красавицы сидят на высоких балконах.

Нигде в Индии я не заметила такого неукротимого стремления к росписи стен, как в Раджастхане.

Я видела однажды, как раджастханцы превратили стену скучнейшего на свете здания — железнодорожного пакгауза — в истинное чудо искусства, покрыв ее во всю длину яркой росписью, представлявшей собою не то праздничную процессию с неизменным изображением во главе ее махараны на слоне, не то выезда на охоту, не то выхода раджпутского войска на войну. Мне не удалось рассмотреть ее во всех деталях — я видела ее с поезда, как только и можно было увидеть железнодорожный пакгауз, но не могу забыть чувства радостного удивления от этой длинной красочной ленты на фоне скучных казенных построек. И чувства благодарности к тем, кто подарил эту радость всем проезжающим мимо.

Почти возле каждой двери на стене жилого дома, даже бедного и малозаметного, можно увидеть какие-нибудь красочные изображения. По обычаю их наносят к дню свадьбы и потом время от времени освежают и дополняют.

Члены особой касты занимаются этой живописью профессионально и наследственно, пронося сквозь столетия традиционные изобразительные навыки. Глядя на эти картины, можно со значительной степенью достоверности узнать многое о жизни раджпутов средневековья. Их боевые уборы, оружие, сбруя коней, убранство слонов — все отражено в этой росписи подробнейшим образом.

Очень занятно выглядят попытки отразить в ней явления современной жизни. Иногда вдруг над воинами с кинжалами и копьями дорисовывается самолет, а перед

ними стреляющая пушка. Все, что выходит за пределы унаследованных и развитых с детства знаний и навыков, обычно изображается беспомощно и немного смешно. Самолет подобен наивной модели, склеенной из бумаги, а пушки — вазе, почему-то лежащей на колесах, из которой вылетает огонь в виде букета красных цветов на красных стеблях. Теперь на этих картинах можно увидеть и современных солдат в форме, и огнестрельное оружие, и автомобили, но все это по своим художественным достоинствам не может идти ни в какое сравнение с тем, что изображается в привычной технике.

В Альваре есть и огромный дворец, пристроенный к горе. По его бесчисленным залам и коридорам медленно бродят экскурсанты, выходят на балконы, опять уплывают в полумрак и прохладу покоев. Перед главным фасадом дворца — сад, в его тишине цветут деревья. Возле дворца — пруд, облицованный каменными плитами. Вода в нем темно-зеленого цвета, как подкрашенная. К ней сходят широкие ступени, а по углам стоят крытые беседки с тонкими колоннами. Они отражаются в тихой изумрудной глубине.

Возле пруда большая платформа из каменных плит. На платформе, на многих-многих колоннах стоит сразу второй этаж под сводчатой каменной крышей. Там — библиотека. Под ней, между колоннами — мраморная низкая платформочка вроде скамеечки, а на ее поверхности высечены углубления в форме следов человеческих ног — пары мужских и пары женских. Это считается следами стоп махараны и его любимой махарани.

Люди приходят, сбрасывают у входа под колонны обувь, почтительно приближаются, сложив ладони, к этим следам, бросают на них лепестки цветов, сыплют красный порошок. Спросите у них: считают ли они махарану равным богу? Ответят, что нет, не считают. Люби-

ли ли они его, когда он правил здесь? Был ли он добр к ним? Нет, не был, но все же он правил ими, он был, значит, как отец им. Махарану надо было почитать, как же его забыть?!

Так создаются в Индии бесчисленные мелкие культы следов стоп реальных, мифических или обожествленных личностей. Их великое множество в стране, таких следов. К ним приходят на поклонение, даже не зная часто, кому их приписывают. Религиозное чувство народа издавна приняло такой характер, который позволяет одновременно почитать огромное множество богов и, больше того, прибавлять к этому множеству любое количество новых объектов почитания.

Так, в Гвалноре (названия-то какие — Альвар, Гвалиор) есть храм матери махараны. Это настоящий храм, при котором есть и жрецы. В нем беломраморное изваяние сидящей женщины, которое воспринимается как изображение деви, то есть богини.

Он весь из резного мрамора — белый в темной зелени парка. Люди приходят, молятся, платят жрецу, кладут к подножию изваяния цветочные гирлянды. Это тоже вполне реальный, сложившийся культ. И сколько таких культов!

Когда едешь по Раджастхану, всюду вспыхивают, как белые и розовые факелы, небольшие храмы из мрамора и песчаника. И беседки в парках при дворцах. И сами дворцы.

Как будто они сами собой возникли, подобно стагмитам, из этой каменной земли. И стоят они всегда удивительно красиво — смотришь не насмотришься.

Каких только чудес из камня не создавали раджастханские труженики, работавшие под солнцем, прикрыв бедра лоскутом ткани и нагнув на голову свои огромные тюрбаны! Ходили, ходили они из поколения в

поколение взад-вперед, взад-вперед, нося на головах плоские корзины с землей, песком и камнями, сидели, скорчившись на земле, стучали молоточками, резали резцами по каменным плитам. Незаметным для окружающих, скромным и ненавязчивым был их труд, а в результате этого труда становились реальностью и навеки утверждали свою красоту строения такой гармонии, многообразия и выразительности, что теперь только немеешь, глядя на них...

Есть вблизи Альвара озеро, называемое Селизер (так и вспоминается наш Селигер!). Приехали мы туда к ночи и остановились во дворце над озером, который по примеру других дворцов стал теперь отелем.

Как он стоит, как он смотрит, этот дворец, какой он небольшой, симметричный и вместе с тем разный в каждом уголке!

Чудесный образец раджпутской архитектуры!

Сквозь тонкие колонки его беседок над водой мы смотрели, как догорал закат за горами и умирал его отблеск в воде, потом пошли к табльдоту ужинать, а когда вышли опять на террасу, то все уже было охвачено ночью, глубокой, черной, звездной ночью, которая падает в Индии сразу, как только скрывается солнце. Воды совсем не было видно — ни отблеска, ни ряби, ничего, что выдает ее присутствие. Но зато в неровную впадину между горами были насыпаны звезды, сиявшие под нами в черной пустоте. И над нами, и под нами. Как в космосе. С той только разницей, что здесь, внизу, они были четко ограничены краями невидимого озера. Из окон дворца сквозь узорные решетки вырывался теплый свет, там смеялись, говорили, собирались ко сну. Весь он был в этой темноте как блестящее ювелирное изделие причудливых контуров. А вокруг была ночь и тишина.

— Пойдем прогуляемся по берегу. Очень уж красиво это озеро звезд.

— Хорошая мысль. Пошли.

Но не успели мы спуститься во двор, как нас остановили.

— Простите, выход из отеля запрещен.

— Как?!

— Пожалуйста, прочтите, что здесь написано.

На стене висело большое объявление, где было ясно сказано, что после наступления темноты просят не выходить из здания, так как сюда заходят тигры и администрация отеля не берет на себя ответственности за жизнь постояльцев, нарушивших этот запрет.

У нас как-то сразу пропало всякое желание пойти прогуляться.

Тигры. Они еще совсем недавно были истинными владыками этих низкорослых лесов на горах. Все, что написал Киплинг, правильно. И сейчас можно поехать на ночь в охотничий домик на том месте, где Маугли выслеживал Шер-хана. Говорят, что, если повезет, можно при свете луны увидеть, как тигры приходят к реке пить воду. Возможно, это и так, мы там не были.

Но в Раджастане вы на каждом шагу столкнетесь с каким-нибудь упоминанием о тигре.

Наша русская преподавательница, учившая джайпурских студентов русскому языку, рассказывала мне, что один из ее студентов приезжал на уроки из пригородной деревни на велосипеде. И однажды, когда он ехал домой по темному шоссе, он увидел, что впереди что-то большое лежит на его пути. Сначала он подумал, что это павший вол или буйвол, и даже не встревожился. Когда же он подъехал почти вплотную и уже поздно было что-нибудь предпринимать, он увидел, что это тигр отдыхал на прохладном асфальте. От быстроты реакции и реше-

ния зависела жизнь этого студента. Он сразу сообразил, что тормозить и медленно разворачиваться обратно мимо самых лап тигра не имеет смысла — это только пробудит подозрительность зверя. Тогда он нажал на педали и проехал чуть не по ушам тигра, который даже и головы не поднял, — так он был сыт и доволен жизнью. После этой встречи студент перестал приезжать на вечерние занятия.

У меня таких встреч не было. Была довольно своеобразная встреча с двумя леопардами, и о ней я сейчас расскажу.

Было это опять же в Раджастхане, в одном из дворцов-отелей, но я не могу вспомнить, в каком именно.

Помню, что был он очень велик и что только часть его была отведена под отель, а в другой части жили или приезжали иногда пожить его владельцы.

Спускался вечер, пора было идти обедать. Не представляя себе четко, как попасть в столовую, я наугад двинулась по коридорам и комнатам в том направлении, которое казалось мне правильным. Туристов было всего несколько семей, и никто из них мне не встретился, а прислуга, видимо, была где-то занята, — словом, спросить было как-то не у кого. По убранству комнат я понимала, что иду уже по жилой части дворца, но решительно не знала, как отсюда выбраться.

Тем более что в комнатах было уже полутемно и я шла почти наугад, как во сне. Открыв какую-то очередную дверь, я очутилась на обширной террасе и вдруг шагах в двадцати перед собой увидела двух леопардов. Один сидел на корявом толстом суку срубленного дерева и был четко виден на золотом фоне вечеряющего неба, а другой, слегка теряясь в полутьме, стоял внизу на задних лапах и опирался передними о дерево.

Я не могу сказать, в какую именно долю секунды

**Кобра, танцующая возле
заклинателя.**

**Священное изображение
кобры, вытесанное
на камне.**

**Кобра покоряется за-
клинателью: сцена из
представления театра ма-
рионеток.**

Отец спасает новорожденного Кришну — уносит его на другой берег Джамны. Их охраняет многоголовая кобра, владычица реки. (Современная литография.)

Аюрведическая аптека в современной Индии. Вывески оповещают о продаже аюрведических лекарств.

**Плоснокрыший городок
Панджаба — Бхатида.**

**Здание общежития сту-
дентов-медиков в горо-
де Патнале (штат Панд-
жаб). Эти студенты изу-
чают и Аюрведу.**

**Подножие стен форта
в Бхатинде.**

Крестьянин-сикх.

Гуру Говинд Синг. [Современная литография.]

Момент создания хальсы. [Современная литография.]

Молодой сикх-горожанин.

Старый сикх.

**Мужчина-викх сушит волосы
после мытья.**

Пример доблести нихангов: их вождь, держа в руке свою отрубленную голову, не прекращает боя. [Современная литография.]

Ниханги и в наши дни учатся с детских лет владеть оружием.

Один из типичных нхангов.

**Старый вооруженный нханг
на улице города Патналы.**

Так в Панджабе пахтают масло и готовят лепешки-чапати.

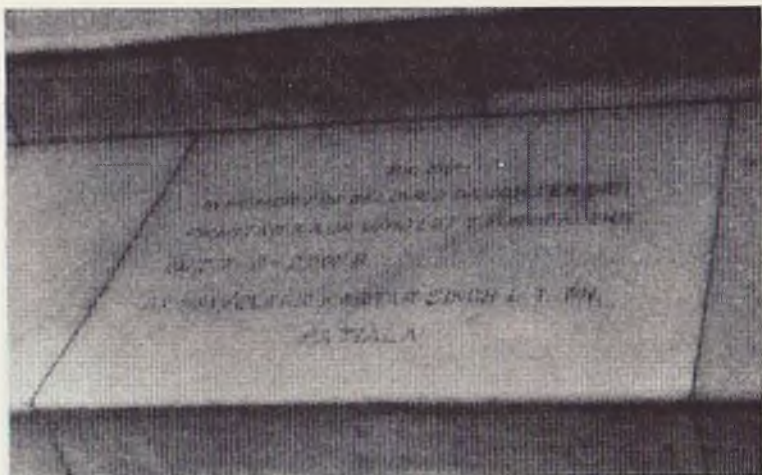
Молодые намдхари на свадебном обряде.

Свадебный обряд у намдхари.

До сих пор сохраняется обычай высекать на ступеньках гурдвар имена тех, кто вложил деньги в их постройку. Здесь привлекает внимание цифра не 100, а 101 рупия.

Так у шоссе продают воду для питья.

Одна из улиц
Найни-Тала.

Горцы Найни-Тала
в ожидании работы.

Носильщики возле своих кресел-паланкинов.

Разведение верховых лошадей — традиционное занятие мусульман Найни-Тала.

Студенты, отдыхающие в тени стен одного из колледжей Пуны.

В Пуне и сейчас живет много мусульман. Здесь можно встретить мусульманскую женщину в традиционном костюме.

В Пуне и вокруг нее много остатков крепостных стен.

Изображение обожествленной птицы Гаруды, пожирающей кобру, — символ победы над врагом — на одной из улиц города Пуны.

Мусульмане Пуны празднуют Мохаррам и бросают в реку «тазия» — «погребальные домики».

Один из индусских храмов Пуны, в архитектурном оформлении которого заметны элементы мусульманского стиля.

Дети у каменного «ши-
валигама» на улице го-
рода.

«День почитания быков
в Махараштре». Картина
индийского художника
К. М. Дхара.

Танцующий Шива. [Юж-
ноиндийская бронза.]

пролетели в моей памяти все рассказы о том, что махараны держат охотничьих леопардов и что иногда эти леопарды неароком рвут также и людей. В следующую долю секунды мозг зафиксировал полную неподвижность зверей. В следующую он дал команду нервам успокоиться. Видимо, к концу первой секунды я ощутила, но еще не поняла, что это, возможно, чучела. Постояв на месте секунд двадцать, я уже поняла это и, остывая от страха, подошла к ним и посмотрела на них повнимательней.

Это было, без сомнения, произведение искусства. Напряженные позы леопардов, игра их мускулов, выразительность их движений — все было воспроизведено так живо и так точно, что, даже стоя вплотную к ним и уже ясно видя, что это всего лишь чучела, я не могла избавиться от ощущения опасности, затаившейся в их телах.

Живых же леопардов и тигров я видела только в делійском зоопарке.

Мы сознательно пренебрегли два раза возможностью встречи с ними в естественных условиях.

Один раз это было тогда, когда у машины пришлось менять колесо посреди заповедника, где запрещалась охота на этих зверей. Мы стояли возле нашей безногой машины, опирающейся на домкрат как на костыль, и тихо болтали, глядя, как за горами исчезает солнце. Стало темнеть. Из-за деревьев вышло стадо коз, которых торопливо гнали пастухи. Один из них подошел к нам и сказал:

— Вам не надо здесь задерживаться. Сейчас они придут.

— Кто они?!

— Тигры, леопарды. И пантеры здесь тоже есть. Видите, уже почти темно. Скорей уезжайте.

Тут его позвали другие пастухи, и они бегом погнали свое стадо к деревне.

Наши мужчины поспешили с ремонтом, и мы быстро уехали с этого места, куда почему-то «они» так любят приходить во мраке.

Правда, в километре от этого места мы увидели, как в свете фар вспыхнули при дороге чьи-то глаза и какая-то темная тень мягко отпрянула в сторону, но кто из «них» это был, рассмотреть не удалось.

В другой раз мы остановились закусить на траве, возле небольшого деревенского пруда у подножия горы. Дело тоже было к ночи. Не успели мы дожевать свои бутерброды и бросить остатки шакалам, жалобно стоявшим невдалеке, как подошли крестьяне и тоже предложили нам поторапливаться, потому что с наступлением темноты к этому пруду приходят на водопой тигры.

И снова мы малодушно погрузились в машину и оставили это интересное место. Так по собственной вине мы «их» и не повидали.

МИМО МРАМОРНЫХ ФОНТАНОВ МАХАРАНЫ

Поезд со стуком и скрежетом мчался сквозь индийскую ночь. В одноместном купе, на котором было написано «Только для леди», я чувствовала себя действительно в полном одиночестве. Эти купе изолированы от всей вселенной — это отдельный сегмент вагона. В левой и правой стенках есть двери, ведущие наружу, а сообщения между сегментами нет. И когда поезд идет, ни вы никуда не можете выйти, ни к вам никто не может подойти.

Меня тепло проводили друзья в Удайпуре, дали мне с собой в дорогу много круто наперченных пирожков, соленых орешков и каких-то клецок, пропитанных сладчайшим сиропом.

Когда мы с нагретого солнцем вокзала вошли в накаленный солнцем поезд, все заволновались, что в купе очень пыльно, и сейчас же вызвали свипера. Появился свипер с длинным веником под мышкой и с тряпкой в руке. Он стал энергично колотить тряпкой по кожаному дивану, по столику и окну, вздув такой пылевой вихрь, что мы потеряли друг друга из виду. Меня на ощупь вывели на перрон, а свипер вслед нам послал веником последний поток пыли. Выскочив из купе, он получил с меня рупию, благодарно приложил ее ко лбу и ринулся в соседнее купе. Меня же водворили снова в мое, напомнили, чтобы я не забыла съесть пирожки, много раз

справились, удобно ли я себя чувствую, проверили, запираются ли двери и окна, — словом, проводили как надо.

И только когда поезд оставил далеко позади огни волшебного города Удайпура, когда во мраке за окнами закружились мириады звезд и когда я доела последнюю порцию перца, приготовленного в форме пирожков, я обнаружила, что у меня с собой нет питьевой воды. Вот об этом мои друзья забыли.

При таком открытии звезды померкли в моих глазах. Понятия «ночная прохлада» в Индии летом не существует. И особенно в Раджастанхана. Если днем в тени 47 градусов, то ночью всюду 45 градусов. А в поезде и того жарче, потому что он никак не может остыть от дневного перегрева. Горячим было все вокруг — стены, обивка дивана, решетки на окнах.

Пыль, взметенная свипером, уже осела на свои места и тоже имела сухой и горячий вид.

Я опустила на окне раму с металлической сеткой, еще одну раму с металлической решеткой и третью со стеклом, надеясь, что вдруг случилось чудо и там снаружи не только темно, но и прохладно. Но в окно упруго хлынул жар, как из домны, смешанный с сажей и мелким песком.

Тогда я плотно закрыла окно и включила панки под потолком. Они завывали и бешено завертели лопастями. Снова поднялись клубы успокоившейся было пыли и завертелся горячий воздух, обжигая кожу. Не выдержав этого, я выключила панки, расстелила на диване простыню, обессиленно повалилась на нее и стала обреченно ждать, когда с последней каплей пота из моего тела испарится жизнь.

Вот так, наверное, умирали путешественники в пустынях, — вдруг ясно поняла я. Горло стало как проб-

ка, язык — как наждак, губы — как подошва от старых детских сандалий. В висках стучало, а в ушах медленно нарастал шум. Кровь ощутимо густела в жилах, сердце ворочалось в груди с грудом. Надо же было еще эти пирожки есть, о господи!

Шли часы. Я старалась не думать о той воде, которая была в резервуаре для душа, вот тут, рядом, в душевой кабине. Та была страшная вода, в ней, застоявшейся и подогретой, должны были кишеть все микробы, какие есть на свете. И, вероятно, кишели. О ней надо было забыть, необходимо было забыть, как будто нет ее вообще, и нет душа при этом купе, и даже двери в душевую нет.

Когда я открыла кран душа, сверху упало несколько теплых ржавых капель — там действительно не оказалось воды

А поезд мчался в ночи, стучал, гудел, лязгал — делал свое дело.

«Хоть бы станция скорей! Но нет, не будет. В Раджа-стхане станции редки. Что делать? Ну что делать? Не доживу до утра. Честное слово, не доживу. Сердце совсем останавливается», — думала я в тоске.

Чтобы отвлечься от своих мук и тяжелых мыслей, я стала изучать обращение железнодорожной администрации к пассажирам, висевшее в рамке на стене. В нем меня просили проверять почаще запоры на дверях, не открывать решетки и сетки на окнах, не выходить по ночам на полустанках, не впускать тех, кто будет проситься спать на полу моего купе, не впускать вообще никаких случайных попутчиков, не брать от них ничего съестного и не курить предложенных ими сигарет. Там было еще что-то, но и этого оказалось достаточно, чтобы я слегка оживилась.

«Вот это да! — подумала я озадаченно. — А я-то никаких этих правил не соблюдала до сих пор».

И я твердо решила больше не выходить из вагона и никого к себе не впускать.

И в это время поезд подошел к какой-то небольшой станции. Я выглянула. Всюду царил тьма. Где-то впереди виднелось окно, освещенное карбидной лампой, — здесь не было даже электричества. Перрона не было видно — вероятно, его вообще здесь не существовало.

Это был явно такой полустанок, на котором не велено выходить. Но что-то влекло меня в этот мрак, влекло неудержимо. Что это могло быть? Ага! Нет! Это невероятно, это счастье! Где-то бежала из крана вода. Бежала, булькала, лилась. Вода! Вода! Но где? И какая вода?

А, да что об этом думать! Скорей, пока поезд не тронулся! Скорей открыть все запоры на дверях, схватить термос и вниз по подвесным ступенькам, вперед, через рельсы и камни, на слух, туда, где журчит струя воды — возврат к жизни. А то до утра ни за что не доживу.

Чисто животный инстинкт привел меня во мраке к какой-то будке, из стены которой торчал сломанный кран. Я пила, я захлебывалась водой, мочила голову, платье, руки, наполнила термос, снова пила...

Поезд тронулся без гудка.

И если бы в моем купе — в единственном — не горел свет, я бы не увидела даже, куда мне бежать обратно, куда карабкаться на ходу, за какие поручни цепляться. Но все кончилось благополучно. Мокрая, счастливая, я вытянулась на своей горячей простыне и заснула, предоставив сажу, песку и пыли покрывать меня ровным слоем до утра.

Утром я себя не узнала в зеркале. Волосы в сочетании с присохшей пылью превратились в колючую серую кошму, лицо, шея и руки были покрыты бурой коркой песка и сажу, а там, где я отковыривала куски этой корки, светились пятна бледной моей кожи.

В душ, скорее в душ! Что бы делали пассажиры без душа в этих поездах?! Скорее мыться, одеваться, скоро Джайпур.

Батюшки! Да ведь ночью душ подарил мне только три ржавые капли. Вот уж истинно — где тонко, там и рвется. Куда ж я такая пойду? Сколько езжу по стране, первый раз воды нет в таком купе. Я просто растерялась. А поезд шел. А Джайпур был все ближе. Но тут я вспомнила про свой термос.

Воды в термосе мне как раз хватило на то, чтобы вымыться «под малое декольте».

К тем, кто меня встречал в Джайпуре, я вышла в платье с длинными рукавами и с брошкой у ворота, стараясь иметь вид непринужденный, как будто я всегда так хожу по жаре...

Раджастанхан! Красный, розовый, каменистый, мраморный, песчаный, пересохший, колющий и горячий Раджастанхан.

Председатель Индо-Советского общества в Джайпуре миссис Лакшми Чундават была во главе встречавших меня.

Она провела меня к своей машине, сама села за руль, и мы тронулись по жарким улицам Джайпура. Небольшой толчок, и из ящичка в машине посыпались мне на колени какие-то фотографии.

— Можно?

— Да, да, посмотрите, если хотите.

Лежит убитый тигр, а миссис Лакшми стоит возле него, поставив ногу на его полосатую шкуру и опираясь на охотничий карабин.

— Это вы его убили? Сами?

— Да, конечно, сама.

— Но ведь на тигров могут охотиться только настоящие раджпутские леди?

— Я и есть настоящая раджпутская леди, — со спокойной гордостью ответила она.

И тут я вспомнила, что в ее полное имя входит титул «рани». «Рани» значит «царица», «женщина царского рода». Род Чундават широко известен в истории Раджастана. Это был сильный правящий род, и раджпуты из этого рода постоянно принимали участие в боях, которыми славна история этого края.

— Значит, вы из правящей семьи рода Чундават?

— Да. Мы правили долго. Мы участвовали и в обороне Читора. Вы слышали о ней?

— О да, конечно, я знаю оборону Читора.

— В тот раз больше пятнадцати тысяч женщины погибли в огне костра, — сказала мне рани Лакшми.

Я промолчала, потрясенная картиной, возникшей в моем представлении.

— Я горда тем, что женщины нашего рода были в их числе, — продолжала она.

С этим нельзя было не согласиться. Потомки должны были гордиться такой жертвой...

Снова это «мы», «нашего» — тянутся нити из прошлого, прочные, ощутимые, живые...

Встречные приветствуют мою спутницу, кланяются ей, называют ее «ма», «мата» — «мать». Ее знает весь Джайпур. Это тоже голос прошлого, но уже слитый с настоящим.

Авторитет бывшего княжеского рода — сложный авторитет, сплавленный из вынужденного почтения и страха, из уважения к покровителям и защитникам и из ощущения давнего кланового родства, — соединился с ее личным авторитетом, авторитетом видного и прогрессивного общественного деятеля, возглавляющего здесь общество дружбы с той страной, к которой тянутся сердца простого народа.

Она входит в любой дом как хозяйка. Она выступает на собраниях, участвует в заседаниях научных обществ. Она напечатала свою книгу о поездке в СССР. Словом, это широко известный здесь человек, и с нею можно многое увидеть, чего не увидят просто экскурсанты и туристы.

Она возила меня по домам-мастерским ремесленников, и я подолгу смотрела, как в маленьких полутемных каморках рождаются на свет удивительные изделия — подносы, вазы, чаши, бокалы, — те изделия, которые теперь знает весь мир.

Уверенной рукой ведет мастер свой тонкий резец по металлу, мелко постукивает по нему молоточком, вычерчивает витиеватый растительный узор, населяет его контурами тигров, слонов, павлинов, воинов-раджпутов, коней. А затем часть за частью заливает узор жидкой эмалью, зачищает, снова гравировывает, снова заливает, уже другим цветом, и так долго, постепенно, гармонично, неповторимо — не по образцу, а от себя — создает он многокрасочный рисунок, заполняя им всю поверхность изделия.

Когда-то так украшали эфесы и рукоятки мечей и кинжалов, а теперь изготавливают массу вещей, украшающих жизнь.

Очень хорошо и тонко режут в Раджастанхоне и слоновую кость — делают женские украшения, фигурки богов, вазочки, лампы. И та же техника — сидит мастер на полу, придерживает изделие пальцами ног и стучит-постукивает молоточком по резцу, под которым расцветают истинные произведения искусства.

Хотя в Дели я видела усовершенствования в этом процессе — применение электрического сверла вроде бормашины, но и при этом проявлялось — только на больших скоростях — все то же чувство, все то же

безошибочное знание формы рождающейся вещи. Каждый из них берет кусок материала и отсекает все лишнее. Ни лекал, ни образцов, ни рисунков. Пальцы знают совершенно точно каждое нужное движение, каждый нажим, каждый поворот резца.

Джавахарлал Неру считал, что положительной чертой кастового строя является многовековая наследственность профессии внутри каждой касты, в результате чего вырабатываются врожденные навыки, шестое чувство — чувство профессии. Кто знает, может быть, это и так.

Рани Чундават показала мне лавки, где продаются старые миниатюры. Здесь стопками лежали запыллившиеся и слегка пожелтевшие миниатюры раджпутской школы, которые славятся не только в Индии, — они известны всем знатокам и любителям искусства, они представлены в музеях всех стран мира.

Раджпутская миниатюра развивалась, собственно, не только в Раджастхане. Когда афганские и иранские завоеватели стали вторгаться в Индию, раджпутские дружины были расколоты. Часть князей со своими войсками отошла в западные предгорья Гималаев, и там были основаны новые раджпутские княжества. Здесь на новой почве продолжали развиваться национальные традиции и национальное искусство.

Здесь, в княжествах Джамму и Кангры, оформились и расцвели между XVI и XIX веками прославленные школы миниатюрной живописи, которые оказали самое широкое влияние на живопись всех соседних областей.

А в самом Раджастхане тоже создавались тысячи миниатюр. Десятки тысяч. Здесь это было не придворное искусство, как при Моголах, а широко народное.

Эти миниатюры были и остаются, собственно, уменьшением настенных картин — те же изобразительные приемы, те же персонажи, то же содержание.

Огромное множество миниатюр посвящалось жизни бога — пастуха Кришны. Вот темноликий Кришна играет на флейте, стоя под цветущим деревом, и смотрит в ту сторону, где из-за деревьев должна появиться его возлюбленная, пастушка Радха. Он еще не видит того, что видим мы с вами, — в верхнем углу миниатюры, в лесу, изображена Радха, уже спешащая на свидание. Ее волосы и плечи прикрыты узорным прозрачным покрывалом, взволнованно дышащая грудь стянута короткой кофточкой, широкая юбка расписана яркими цветами. Она в смущении опустила голову, но стыдливость не может сдержать ее порыва к Кришне — ведь во всем мире не было женщины, которая могла бы устоять перед страстным зовом его флейты. Весь ее облик так дышит ожиданием их встречи, что и вы начинаете себя чувствовать так, точно стоите где-нибудь в том же лесу за деревом и смотрите на них обоих, разделяя их радость.

А вот на другой миниатюре Кришна, разгневанный бесчисленными злодеяниями Кансы, своего дяди, жестокого правителя, убивает его, чтобы покарать за все зло, содеянное им на земле. Он проник в тронный зал, он гащпт за волосы злобного царя Кансу по каменным плитам пола, как низкорожденного, он занес над ним меч — видно, что дни Кансы сочтены. Вокруг валяются убитые приспешники Кансы, разбросаны их отсеченные руки, ноги, головы. За стеной дворца, на дворе лежит ногами кверху убитый Кришмой бешеный слон, которого Канса выпустил против него. Все повержены, побеждены, сила врагов развеяна в прах — добро в лице темноликого Кришны торжествует.

Десятки сюжетов кришнаистских мифов нашли свое отражение в этих живых и красочных миниатюрах.

Необыкновенно фантастичны и исполнены глубокой поэзии легенды о детстве и юности Кришны. Счета им нет, этим легендам. В них воспеваются отвага и сила юного бога, его красота и веселый нрав, его любовные игры с пастушками и бессмертная его любовь к Радхе.

Вся Индия знает Кришну, любит Кришну, воспевает Кришну. Он стал считаться богом, этот великолепный юноша, который победил зло, убив жестокого Кансу.

Приобретая власть и могущество, Кришна вынудил арьев признать его и причислить к своим князьям. Он правил наравне с ними и был почитаем не меньше, чем они.

Он был мудрым и отважным правителем и тонким дипломатом. Он приобрел не только власть, но и огромное влияние при дворах многих князей Древней Индии. В «Махабхарате», как уже говорилось, он воспевается как один из главных героев, который отличался такими достоинствами, что был обожествлен уже при жизни.

Возможно, он некогда был богом бхиллов — древнейших жителей раджастханских гор и лесов, и культ его просто менялся с годами, приспособливаясь к новым условиям, к новым пришельцам, новым жрецам. Возможно. Слишком мало знает наука об истории этого культа, об истории этого бога, который в Индии является не столько богом, сколько предметом безмерного обожания...

Стою у прилавка, перебирая миниатюры, смотрю, вспоминаю все, что прочитано, увидено, услышано о Кришне... Вот изображены шалости юного бога — он утащил одежду у купающихся пастушек и, забравшись на дерево, спрятал ее в ветвях. Нагие девушки,

стыдливо укрываясь в реке, молят его вернуть им одеянья, но он с улыбкой уже берется за флейту, он знает, что эти волшебные звуки привлекут их всех к подножию дерева и он насладится созерцанием их чистой красоты.

Вот лунной ночью он танцует с пастушками, умея так разделить свою любовь между ними, что каждой из них кажется, будто он танцует только с ней и только для нее. Художник так и воспроизвел образ Кришны — столько раз, сколько пастушек изображено на миниатюре.

Вот он сидит с Радхой на берегу реки. В руке его неизменная флейта, а на голове — неизменный султанчик из павлиньих перьев.

Павлинье перо — знак бога Кришны. Оно на всех изображениях венчает его прическу или головной убор. Павлины да белоснежные коровы были свидетелями его игр и забав в лесах на берегу Джамны, в лесах и садах Бридабаи, где протекали его детство и юность.

Вот еще миниатюры: Кришна-ребенок шаловливо запустил ручонку в горшок с маслом — он любил таскать у своей приемной матери свежесбитое масло. Вот он убивает демона, который принял форму гигантской птицы, чтобы проглотить его. Вот он побеждает огромного водяного змея, отравлявшего воды реки.

И так можно часами перебирать эти миниатюры и видеть все новые и новые изображения этих бесчисленных легенд о жизни Кришны.

И всюду художники строили композицию так, что он — темнолицый среди светлых — находится в центре сюжета, в центре внимания, к нему тяготеет все действие миниатюры, хотя изображен он с той же мерой реализма, с какой и все другие персонажи.

Другая сюжетная линия творчества раджастханских

миниатюристов посвящена жизни раджпутов. Здесь изображены бои, охоты, торжественные процессы, сценки дворцовой жизни и, конечно, красавицы, красавицы. Их круглые груди, полуприкрытые сверху короткими кофточками, всегда рисовались очень высоко — почти на линии плеч, так как высокая и полная грудь входит в число обязательных признаков женской красоты в Индии, их руки и ноги унижены браслетами, ладони и стопы окрашены в красный цвет, широкие юбки плавно облегают крутые бедра, с нежно склоненных голов ниспадают прозрачные покрывала. Красавицы под цветущими деревьями, красавицы у фонтана, красавицы на качелях, дома, на расшитых подушках, на мраморных балконах...

Когда перебираешь много-много таких листов, в воображении возникает иллюзия движения, и вдруг делается ясно, что, несмотря на всю традиционную условность этих изображений, художники удивительно верно воспроизводили уклад этой жизни, передавали внутренние связи своих персонажей, весь ритм их существования.

Из всех школ индийской миниатюры раджастханская кажется мне самой жизненной и самой теплой.

В ту эпоху, когда Моголы сблизились с раджпутами, возникли и какие-то общие черты в миниатюрах раджпутской и могольской школ, но могольская миниатюра все же совсем другая. И не только по своим изобразительным приемам и средствам, а по всему духу своему другая. Она гораздо более придворная: на ней император изображается раза в два, а то и в три крупнее других фигур, и все подобострастно сосредоточивают свое внимание на нем одном. Да и сюжеты другие — темы стихов персидских поэм и песен, темы преданий народов стран Переднего Востока.

Могольские миниатюры тонки, изысканны и великолепно, раджпутские же — жизненные, яркие и очень повествовательные У каждой школы есть свои поклонники, я — поклонница раджпутской.

Джайпур — это город из розового камня под жгучим солнцем и синим небом. Я не говорю о новом городе, где современные коттеджи богачей тонут в зелени садов, — там неинтересно и точно так, как в любом другом городе Индии и не Индии. Хороша старая часть Джайпура. Она жмется к подножию скалистых холмов. Там городские стены сложены из розового камня, ворота в них все разные и красиво украшенные. Там мимо этих стен идут груженные верблюды. Там у стен стоят лотки торговцев фруктами. Там возвышается неповторимое строение — Дворец Ветров, похожий на высокую плоскую пирамиду, состоящую из сплошных крытых балкончиков с узорными решетками. Это апофеоз архитектуры сквозняков — в этом плоском здании, таком плоском, как будто оно состоит из одной стены, все время гуляет сквозной ветер, засасываемый бесчисленными балкончиками. И так уже 200 лет — дворец был создан в середине XVIII века, — и ветры поют в нем как струны невидимых инструментов.

Здесь же невдалеке находится и еще один комплекс строений — обсерватория начала XVIII века. Это что-то фантастическое, что-то совершенно марсианское. На большом дворе, поросшем травой, застыли сооружения самых неопишуемых форм. Они возвышаются над землей, уходят под землю, лежат на поверхности земли. Это и узкая каменная лестница, поднимающаяся на 30 метров прямо в воздух и никуда не ведущая, — она служила стрелкой солнечных часов, это и выпуклые и вогнутые сферы и полусферы с нанесенными на них маршрутами движения созвездий, это и какие-то арки,

столбы, полукружия, — все из камня и все под открытым небом.

Тишина, зной. Козы стучат копытами по плитам этих каменных сооружений, жуют траву возле них. Здесь, как нигде, ощущаешь присутствие теней прошлого, потому что здесь зримо представлены мысли и поиск, здесь видишь, что звезды, которые сияют над Индией, были давно познаны и поняты, здесь легко себе представляешь, как взгляд человека пылливо следил с земли за ходом планет.

А вечером раия Чундават повела меня на встречу с музыкантами и поэтами города. В небольшом зале, на полу, застеленном коврами, сидели человек пятьдесят. Меня усадили перед ними, между двумя высокими медными светильниками, в чашечках которых трепетало пламя тонких фитильков.

После приветственных речей начались, как всегда, расспросы о «Рамаяне», о нашей московской «Рамаяне». В который раз я должна была подробно рассказывать, как шли репетиции, как изготовлялись костюмы, как артисты полюбили образы поэмы, как горячо встречают ее наши зрители.

А потом началась музыка, пение, декламация. Народные песни сменялись классическими мелодиями, старые стихи — современными. Несколько часов пролетело совершенно незаметно.

— А теперь вы, вы. Пожалуйста, прочитайте нам что-нибудь из вашей «Рамаяны».

— Да ведь она на русском языке!

— Ничего, ничего, мы поймем, мы знаем всю «Рамаяну» наизусть.

Я прочла свое вступление: «В далекой Индии...» Перевела. Всем как будто понравилось. Стали просить читать еще и еще. Русский текст был чужд и непонятен,

но ритм они уловили мгновенно, стали отбивать его ладонями о колени и даже делали попытки повторять за мной некоторые слова.

Раджастхан, раскаленная земля,
Жаркие, колючие поля, —

читала я. «Ля» — повторяла моя аудитория.

На полях пересохшие пруды,
Словно рты в ожидании воды...

«Ди», — подхватывали слушатели, не будучи в силах выговорить наше «ы».

Камни, будто ребра, из земли,
И дороги в огненной пыли..
Раджастхан, раскаленная земля,
Пылью политы твои поля.

Этот вечер навсегда останется в моей памяти.

СВЕТИЛО ЯРОЕ И БЛАГОЕ

Восемь месяцев в году стоят на индийской земле ясные дни.

Круглый год из месяца в месяц цветут деревья — то огненными, то белыми, то сиреневыми, то желтыми цветами. Все время чувствуешь себя как на выставке цветов и все время ходишь по яркому ковру осыпавшихся лепестков. Круглый год вызревают то одни, то другие овощи и фрукты. Краски базаров не меркнут — на лотках продавцов сменяются по сезонам самые разные сорта бананов, манго, яблок, груш и совсем незнакомых европейцам местных плодов и ягод.

Только в холодный сезон торговля не прекращается в середине дня, а в остальные месяцы почти все городские магазины прерывают работу на два-три часа, как, впрочем, и многие конторы или ремесленные мастерские. Люди отдыхают, они просто не в состоянии работать в такую жару. К четырем часам дня жизнь снова возрождается и кипит уже до ночи, а в больших городах и всю ночь напролет.

На полях же в дни посева или сбора урожая крестьяне могут позволить себе только получасовой отдых в тени редко растущих деревьев, поставив тут же возле себя свой распряженный усталый рабочий скот. Сюда по узким пыльным межам или пизешьким валкам, насыпанным вокруг заливаемых водою участков, приходят к это-

му времени деревенские женщины или дети, неся на голове сосуды с приготовленным дома обедом для мужчин — рисом или овощами, обильно насыщенными жгучими приправами, и с неизменным напитком «ласи» — простоквашей, разболтанной в воде. Здесь, на этом тенистом клочке земли, хранится вода в кувшинах из пористой глины — индийских холодильниках. Просачиваясь сквозь поры, влага все время испаряется с внешней поверхности стенок этих кувшинов, и за счет испарения температура воды в кувшине понижается. В любую жару всюду можно напиться холодной воды — и в деревенском доме, и на каком-нибудь железнодорожном полустанке, и у раскаленного солнцем шоссе.

Трудно поверить, что в знойный сезон можно работать под открытым небом, но это так. И не подберешь слов, чтобы описать, какой это ад, но в этом аду дни напролет работают миллионы крестьян и дорожных и строительных рабочих Индии.

Ночь, только ночь приносит облегчение в жаркий сезон. Не прохладу, но всего лишь некоторое облегчение, потому что на ночь скрывается жгучее светило, хоть температура воздуха и не спускается ниже 30—35 градусов.

Раньше всех, еще до рассвета, по всей стране поднимаются женщины и направляются за водой к колодцам и водоразборным колонкам. Успевая обменяться новостями за короткие минуты встречи у колодца, они спешат по домам, чтобы поскорее разжечь в очагах сухие навозные лепешки и на этом огне приготовить завтрак для семьи. Даже в городах далеко не всюду есть газовые плиты — пока еще это редкость. Очаг — вот основа основ домашнего хозяйства. Глиняный низкий очаг, и в нем огонь сухой навозной лепешки — это

можно увидеть в каждом деревенском доме, в домах маленьких городков и старых кварталов больших городов.

Очаг в углу комнаты или в отдельной кухне — царство женщин и сердце семьи. Сюда не допускают посторонних, не допускают членов более низких каст.

Сидя на корточках возле очага, женщины из века в век готовят традиционную пищу, вручную дробя крупу, сбивая масло, растирая бесчисленные специи.

Женщины в деревнях проводят долгие часы за приготовлением навозных лепешек, смешивая навоз с сухим мусором и обрезками соломы и вручную формуя их. Дети бегают с корзинками за стадом или бродячими коровами, собирая навоз, а их матери заготавливают лепешки в огромном количестве, чтобы хватило и на дождливый сезон, когда сушить их на солнце, наклепывая на стены домов, будет уже невозможно. Высушенные лепешки тщательно укладывают круглыми слоями, диаметр которых постепенно уменьшается кверху, и обмазывают снаружи глиной. В результате всей этой работы законченное сооружение напоминает конусообразный термитник метра в полтора-два в высоту. Эти термитники можно видеть возле всех деревенских домов. Дров не хватает, их практически уже просто нет, потому что дрова используют главным образом для сожжения мертвых, так что эти лепешки являются единственным топливом.

Сезон, который в Индии принято называть холодным, начинается в ноябре; температура воздуха в тени в этот месяц опускается до плюс 20 градусов по Цельсию. В декабре и январе уже хочется днем посидеть на солнце, а вечером и ночью бывает до плюс 5 градусов.

Это счастье для всех, у кого есть жилье, и горе для бездомных, для тех, кто пришел из деревень наниматься

на городские предприятия на работу и не имеет крова над головой. Хорошо еще, если у такого бездомного человека есть ватное одеяло. Это роскошь, это в какой-то мере спокойный сон на камнях улицы, это спасение от постепенного застывания, иногда — до смерти. Днем эти люди ходят, навернув ватное одеяло на себя как свое главное достояние, а ночью завертываются в него, лежа большими коконами на камнях панелей или на земле. Но тысячи таких обездоленных спят на улицах городов, подложив под себя всего лишь хлопчатобумажную подстилку или соломенную циновку и укрывшись чем придется. Каждую ночь их подстерегает смерть, особенно если днем не удалось заработать достаточно, чтобы досьта поесть.

Бездомные люди больших городов — это одно из самых тяжелых общественных зол Индии, которое пока еще страна не в силах одолеть.

А с первыми лучами солнца они устремляются прежде всего на базарные улицы за парой дешевых просяных лепешек, за миской горячей каши или хотя бы за стеблем сахарного тростника, который можно тут же очистить зубами от кожуры и поддержать свои силы сладким соком его мякоти.

Базарные улицы весь год напролет закипают с рассветом. Не только вдоль этих улиц, но и вдоль всех шоссе, соединяющих близко расположенные города и села, почти непрерывными рядами тянутся лавочки и лотки. Торгуют питьем и едой, посудой и обувью, дешевой одеждой, шаями, сигаретами — словом, всем чем угодно и, конечно, так называемым паном — жевательной наркотизирующей смесью, изготовленной в виде маленьких пирожков из листьев бетелевого перца с начинкой из извести и кусочка орешка арековой пальмы. Пан жуют все.

Днем солнце оживляет и зажигает все краски, углубляет рельефную резьбу на храмах и дворцах, заставляет путников искать прохлады в тени сводов каменных ворот, под кронами деревьев, под навесами лавок и даже под косо поднятыми лежаками — чарпоями.

Красочна под солнцем уличная толпа и особенно зимой, потому что лето одевает всех мужчин преимущественно в белое, а женщин — в светлые тона, тогда как в холодный сезон каждый заворачивается поплотнее в ткани любых оттенков — и одноцветные, и клетчатые, и с каймой или орнаментом самых разных цветов.

Праздники жаркого сезона запоминаются огромными сборищами людей в белых одеждах, а праздники зимы — очень яркими процессиями и пестрыми толпами.

И ПЛЫВЕТ НАД ИНДИЕЙ ЛУНА

Закат в Индии недолог, но прекрасен. Поскольку облака бывают только во время муссонов, то остальные восемь и даже девять месяцев в году краски зари играют в ясном, безоблачном небе. Она вся целиком наливается разными цветами поочередно, и они проплывают по его своду от горизонта до горизонта, меняясь неуловимо и восхитительно. И кончается все это тем, что небо превращается в прозрачный сияющий купол из розоватого золота, а потом это золото начинает меркнуть, терять блеск и быстро тает во тьме, которая обрушивается сверху на землю с невероятной быстротой. И мрак, густой и всепроникающий, заполняет собою все.

В темную половину месяца он непобедим. Он отступает только перед светом фонарей, блеском неоновых реклам да веселым сияньем карбидных ламп, которые горят иногда всю ночь напролет на лотках торговцев фруктами и снедью. В такие ночи не видишь собственной руки, не отличишь шоссе от окружающих полей, и только по тому, как редуют звезды по краям неба, можешь понять, где оно встречается с землей. Но в светлую половину месяца над Индией горит луна. Индийская луна, луна-царица. Она такая яркая, такая всемогущая, что озаряет все уголки земли, пропитывает светом листы каждого дерева, льет сиянье в каждое окно.

Тихо плывет ночь. Страна спит. И луна равно набрасывает пелену своего света на усталые деревни и затихшие города, на белые дороги, темные реки и безмолвное величие храмов и мавзолеев.

Индусские храмы и мусульманские мавзолеи. Каменные цветы индийской земли. Памятники двух вер, их борьбы и их примиренья. Давно миновали средневековые годы, когда религиозный экстаз использовался для оправдания междоусобных войн, миновали и черные дни недавнего прошлого, когда умелые руки колонизаторов так использовали религиозные чувства народа, чтобы подготовить и провести раздел страны, рассечь ее живое тело.

Ислам стал одной из религий Индии, стал особенным, индийским исламом, впитав в себя соки индийской земли, обычаи и особенности жизни ее народа.

В течение многих и многих столетий индийцы, всегда готовые воспринять красоту, учились также воссоздавать и красоту персидской поэзии, витиеватое изящество куваческого письма, легкость минаретов, тонких колонок и воздушных арок, учились приобщать богатство мусульманской культуры к неизмеримым богатствам своих национальных творений. История изготовила в Индии новый сплав — сплав совершенств.

Персидские мотивы вплелись в орнамент индийских ковров и тканей; в хаотическую роскошь цветущих деревьев индийских садов впечаталась ясность геометрической планировки парков мусульманских правителей; угловатая четкость мусульманских решеток сочеталась с чувственно округлыми линиями индийских храмовых строений. И расцвели под индийской луной такие непревзойденные творения архитектуры, которых не знали до этого ни страны ислама, ни Индия. Народ этой страны не может не создавать красоты. Дворцы, беседки,

павильоны, мавзолей буквально осыпали землю Индии, как драгоценные камни.

И лучшим, первейшим, несравненным из числа памятников индо-мусульманского искусства был, есть и пребудет вовеки Тадж-Махал, беломраморная поэма Агры.

Три столетия гремит в мире его слава и не только не умолкает, а становится с каждым годом все шире и шире. В наше время нет ни одного мало-мальски образованного человека, который не знал бы, что такое Тадж-Махал, памятник совершенной любви, творение совершенного мастерства.

Он прекрасен утром и днем, при солнце и под муссонными тучами, он изумителен на вечерней заре, но ни с чем в мире нельзя сравнить его красоту ночью, лунной ночью.

Когда смотришь на это чудо под луной, на чудо, которое свершается каждую без исключения лунную ночь, каждый миг этой ночи, то хочется, чтобы все жители земли могли его видеть.

Кажется, что индийская луна влюблена в Тадж-Махал. Влюблена день за днем, год за годом, век за веком. Так и кажется, что она восходит только для него и спешит подняться в небо, чтобы скорей окутать, залить, заласкать его своим сияньем.

К сожалению, не всем выпадает радость видеть Тадж под луной, к большому сожалению, — далеко не всем. Но мне оно выпало, как счастливый лотерейный билет, как крупный выигрыш в жизни.

Тадж под луной.

Над его шпилем сверкает северная звезда, и весь он, взвешенный в лунном сиянье, приподнят над темным садом, над собственным белым отражением в черной воде бассейна, над всей страной, над всей землей.

И вы идете вдоль бассейна, идете медленно мимо черных кипарисов, по плитам цветного мрамора, и Тадж так же медленно надвигается на вас, растет перед вашим взором, уходит все выше и выше, в звездное небо. Четыре белых минарета вознесены по четырем углам его высокого пьедестала, как четыре свечи, и он между ними такой, как будто изваян весь целиком из самого вещества этой белой сверкающей луны. Высоки и прямы его линии, тонка резьба на мраморе его стен, а купол, венчающий его чело, так совершенен, что неотделим от воздуха, налитого лунным светом, исполнен самой стихии этой звездной, этой лунной ночи.

И вы можете стоять, закинув голову, и видеть только Тадж на фоне звезд и не видеть земли, и тогда начинает казаться, что он медленно плывет по небу, плывет в этом густом сиянье луны, подобный белому надмирному кораблю.

И пропадает время, отдаляется куда-то вся жизнь, растворяются мысли — ничто не остается в мире, кроме этого небесного чертога, сияющего в ночи перед вашим взором...

Видела я его и днем. Светило жаркое солнце, над плоскими плитами садовых дорожек дрожал горячий воздух, толпа туристов щелкала затворами фото- и кинокамер, под высокими сводами мавзолея гулко отдавались громкие и стереотипные рассказы гидов о любви Шах Джахана и Мумтаз-и-Махал и о том, что шесть сотен бриллиантов и много тысяч полудрагоценных камней было использовано для инкрустации стен мавзолея.

Тадж стоял и молчал, молчал, открытый всем и не доступный никому. И когда я вспоминаю теперь ночи над Индией, я прежде всего вижу Тадж под луной.

Много других бессмертных творений индо-мусульман-

ского зодчества озаряет индийская луна, свершая свой ночной обход. Величаво высится в своем обширном саду мавзолей Хумаюна в Дели. Днем перед его воротами рядами сидят заклинатели змей со своими кобрами. Туристы и гуляющие люди чередой идут полюбоваться удивительным орнаментом на его арках и сводах, погулять в его парке, поклониться гробнице. Ночью же, ночью он остается один и вспоминает то, что помнит, и по подстриженной траве газонов медленно движется под луной его большая тяжелая тень.

Лунный свет заливал Лакхнау, город, где царили изнеженные правители — навабы, прославившиеся своими драгоценностями, гаремами, пирами и любовью к изящным искусствам. Силуэты бесчисленных минаретов, куполов, балконов и арочных галерей прорисовывает здесь луна на фоне мрака и щедро заливал своим густым сиянием бескрайний двор знаменитой мечети — Имамбары. Этот двор обнесен высокой стеной, в толще которой скрыт лабиринт длиной в несколько километров. Придя туда днем, мы хотели осмотреть его, но нам не разрешили: после того как из лабиринта однажды не смогли выбраться два английских офицера, туда впускают только с проводниками.

Плывет луна и над шампанами, под которыми от вечерней и до утренней зари звучат голоса поэтов, собравшихся на традиционные состязания — мушаиры. Традиции мушаир укоренились в Индии тоже в те века, когда создавался сплав индо-мусульманской культуры. Одним из самых великолепных, самых ярких плодов этого сплава стал язык урду, которым по праву гордится народ Индии.

По всем крупным городам страны проходят ночами мушаиры поэтов урду, и слушает, слушает индийская луна стихи несравненной красоты. Соединил в себе этот

язык слова персидские и арабские со словами хинди, арабскую письменность с грамматикой хинди. Никем до того не слыханный и никому не ведомый, возник он сам по себе, как цветок вырастает из земли.

На урду заговорили базары и улицы, армия и писцы — его породила сама жизнь. При дворе мусульманских правителей еще был принят персидский, на нем еще слагали рубай и газели, воспевая сады и розы Шираза, а в толпе индийских горожан, в среде молодых поэтов севера и северо-запада страны, в среде городской образованной молодежи рождалась новая поэзия — поэзия на урду. Она была неотделима от жизни, от ее кипения, горечи и счастья, она была понятна жителям Индии, она росла и ширилась, оттесняя чужую для них персидскую речь. Многие мусульмане говорили и писали на хинди, многие индусы — на урду: слитными усилиями выковывались и оттачивались красота и богатство этого синтетического языка.

В XV—XVI веках расцвели школы поэзии урду и в Южной Индии, в султанатах Биджапуре и Голконде, и поэты вкладывали всю душу в свои песни о красоте индийской природы, прославляли героев Индии, ее прекрасных женщин, ее славное прошлое. Здесь, как и на севере, мусульманская культура во многом сочеталась, соединялась с местной, слилась с нею все в тот же неразделимый сплав.

Одна за другой расцветали школы поэзии урду. И с ходом веков стал этот язык знаком и близок миллионам и миллионам индийцев вне зависимости от места их рождения, от их родного языка, от веры и обычаев. И сейчас в Дели и Лакхнау, в Бомбее и Калькутте и в любом городе Пенджаба, того Пенджаба, который принял на свою грудь столько ударов мусульманских армий, — всюду единодушно признают, что

урду — это язык прекрасной поэзии, исполненной красоты и гармонии.

Его знают, его любят в Индии. На мушапрах поэты выносят на суд народа лучшее, что породило их вдохновение. От восхода до захода луны поют они свои стихи перед собравшимися. и весь вечер, и всю ночь напролет слушают их люди, поощряя их восторженными восклицаниями и требуя все нового и нового повторения любимейшей строфы или поэмы.

И над залами для больших собраний, и над цветными полами шампан, и просто над открытыми площадками проплывает луна и смотрит, как неспешно и радостно протекают эти торжества поэзии.

Неотделимы на них поэты от своих слушателей, неотторжимы дарующие от тех, кто принимает и оценивает их дары. Задолго до того, как стихи появятся в печати, их будут петь в кругу семьи и друзей, будут переписывать друг у друга, читать в университетах и колледжах, повторять про себя, наслаждаться их ритмом и звучанием.

Все новое, все иноземное, попадая в Индию, как в древности, так и теперь впитывалось и впитывается ею и становится ее неотделимой частью.

Озаряя Панджаб, луна заливает своим сияньем и старинные его форты, и развалины древних городов, и дворцы средневековых правителей, и каменную путаницу узких старых улиц, и новую столицу штата Чандigarх. Здесь, в этом городе, который был на пустом месте весь целиком выстроен архитектором Корбюзье и его учениками, она прорисовывает совсем новые для Индии силуэты теней, силуэты зданий прямых и угловатых, в которых сочетаются неровно расположенные окна с неожиданными косыми прочерками внешних лестниц, зданий, рисунок которых напоминает и полотна абстракт-

ционистов и фантастические проекты построек будущего. Широки и прямы улицы этого города, четкими квадратами расчерчены кварталы, все его пространство организовано, охвачено единым планом, единой мыслью. Ничем и ни в чем не похож он на любой другой индийский город, и все же он принадлежит Индии, современной Индии и Индии грядущей. И с такой же легкостью и простотой освоили индийцы этот новый город, с какой всегда осваивали и усваивали все новое, что привносила история в их страну.

Усваивали, оставаясь при этом индийцами, воспринимали новое и сочетали с ним традиционное, синтезировали, создавали, развивали свою ни с чем не сравнимую культуру.

И когда плывет над Индией луна, она охватывает своим светлым взором все, что существует, отмирает и нарождается в этой стране, все, что слилось в жизни ее народа в единое, нерасторжимое, вечно меняющееся и такое своеобразное целое, каждый атом которого с полным правом может заявить о себе: «Я — это Индия». И если завтра этот атом уже отомрет, будучи вытеснен зерном грядущего, то все же он прочертил свой след в бесконечно многообразном потоке истории страны, и из таких бесчисленных следов сложилась та культура, которую унаследовали от прошлых веков люди современной Индии, строители ее будущей жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Немного о жизни Дели	3
Что же это такое — каста?	19
Семья начинается со свадьбы	35
Пережитки в действии	49
Течет Джамна	54
Город-легенда	68
Торжествует правда	75
Змен, гайны, медицина	93
Сикхи, сикхи, сикхи	107
А это — нхланги!	133
Только в белом	140
Заоблачный курорт	155
Повесть столицы маратхов	167
Понедельник — день бога Шивы	180
Слава не меркнет	193
Земля красок и красоты	209
Мимо мраморных фонтанов Махараны	227
Светило ярое и благое	242
И плывет над Индией луна	247

45 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ